ПИОНЕР

7 1988

ISSN 0130—8009

ТРЕТИЙ ГЛАЗ ИЛЛАРИОНА

Однажды в одном из пионерских лагерей мы познакомились с мальчиком Илларионом, который ел, гулял, спал с фотоаппаратом на шее.

— Ты чего,— спросили мы,— даже купаешься с ним?

— А я не люблю купаться,— ответил Илларион,— я фотографировать люблю.

Это он мягко сказал. Не то что любил — обожал. Жить не мог. Фотоаппарат стал его третьим глазом.

Когда редакция журнала «Пионер» в № 10 за 1987 год объявила *фотоконкурс «Зенит»* и когда начали приходить работы на этот конкурс, мы все ждали, что вот-вот явится пакет от Иллариона. Но...

1-е МЕСТО завоевал ДЕНИС НАГОРНЫЙ за работу «ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ — ТРУДОВАЯ» (детская фотостудия «Мир», г. Арзамас).

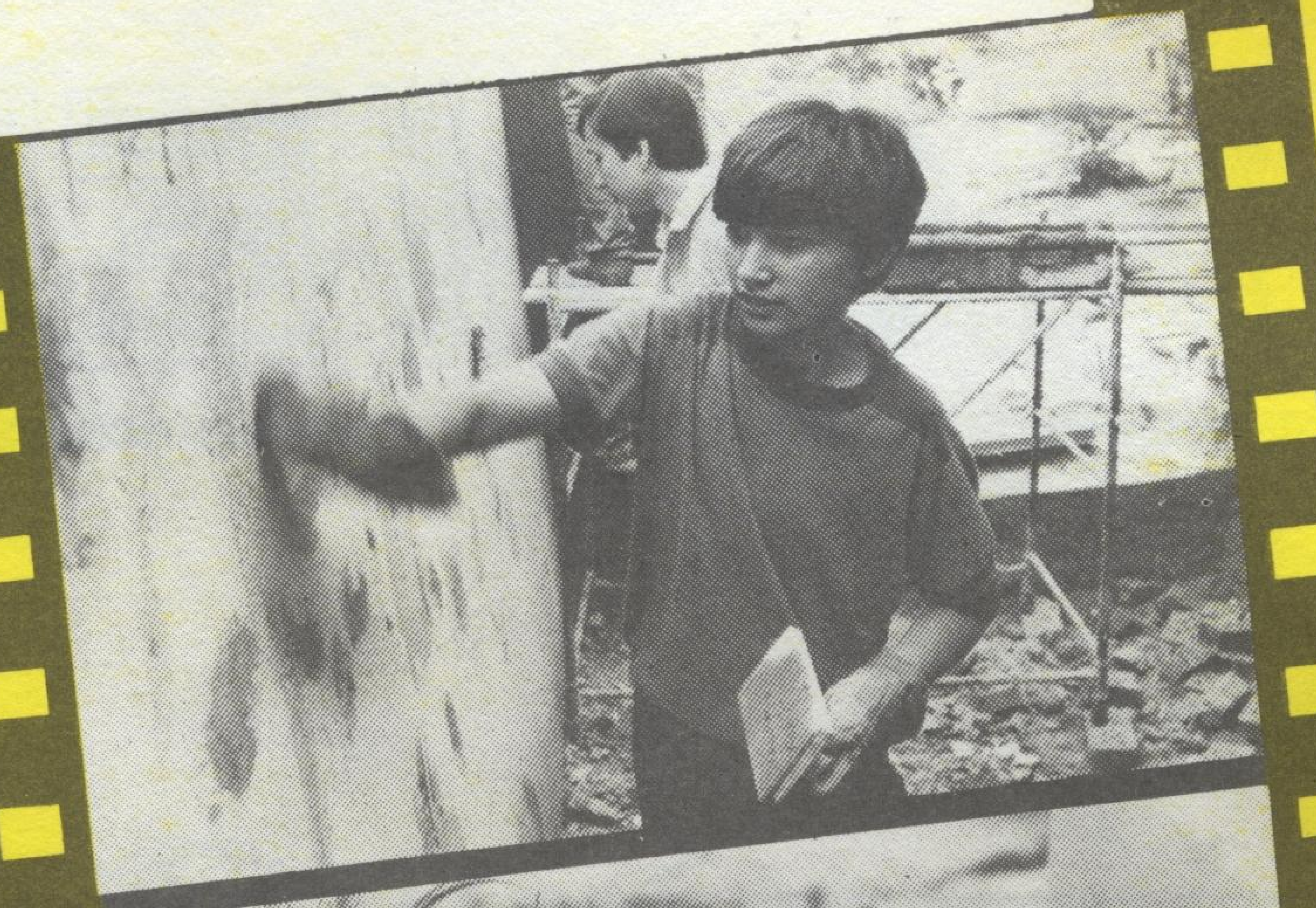
2-е МЕСТО разделили АЛЕША УЛЬЯНОВ за работу «ЛЕТНЕЕ НАСТРОЕНИЕ» (он занимается в той же фотостудии, что и Денис) и МИША КОНСТАНТИНОВ за работу «КОНЕВОД» (Дворец пионеров, г. Полтава).

Денис получит фотоаппарат «Зенит-Е», а Миша и Алеша — фотоаппараты «Смена». Приз за слайды решено не присуждать.

Поощрительную премию — бесплатную подписку на журнал «Пионер» 1989 года решили присудить ВОВЕ ПЕЧАТНОВУ за работу «ЗАКАТ» (фотостудия «Ракурс», г. Камень-на-Оби).

...А что же Илларион? Он со своим третьим глазом проморгал наш фотоконкурс. Наверное, не успел заглянуть в журнал и прочитать объявление. Жалко...

ЖЮРИ



1-я премия

2-я премия

2-я премия

3-я премия

Борис МИНАЕВ

Друг по переписке

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 6.

Рисунки Е. ДВОСКИНОЙ

Однажды классная руководительница объявила, что ребята могут начать переписку с зарубежными сверстниками. И раздала ребятам имена адресатов. А самих адресов не раздала. Выяснилось, что она будет сама надписывать конверты, предварительно читая письма. Трем друзьям — Саше, Лехе и Ивану — досталось переписываться с одной девочкой — Георгиной. Ребята написали ей письмо. Письмо получилось неоткровенным и скучным. Тогда Саша написал еще одно письмо, которое спустя некоторое время показал друзьям. Это письмо ребятам понравилось. Но каким-то образом оно попало к классной руководительнице, хотя Саша и не собирался его отправлять. Классная все рассказала родителям Саши, представив дело в самом неприглядном свете. Саше неприятно идти в школу. Он безуспешно пытается заболеть. Но потом, решив, что никто, кроме классной, о письме не знает, он все же собирается в школу...

Вечером я подошел к политической карте мира, которая висела у меня над кроватью, и долго искал город, где живет Георгина.

Такого города на карте не было. Видно, маленький был городок, и для того, чтобы он появился, карта должна была бы стать раза в три больше.

Пальцами я померил размер страны, где жила Георгина. Страна свободно умещалась между двумя скрюченными пальцами — большим и указательным.

Я держал пальцы скрюченными, пока левой рукой стягивал штаны и рубашку, гасил свет, чтобы не потерять тот маленький кусочек пространства, который принадлежал Георгине.

Сначала в темноте ничего не было видно. Потом я поднес пальцы совсем близко к глазам и снова стал смотреть в маленький промежуток между ними. От напряжения глаза заслезились, и я вдруг увидел, как из темной дырки поплыло первое радужное колечко. Оно становилось все больше и шире, а в середине его уже родилось новое, маленькое.

Я сморгнул, но радужные кольца не исчезли — они быстро и легко плыли ко мне оттуда, из той маленькой страны, которую я держал в пальцах. Рука дрожала от напряжения, и я перевернулся на бок, чтобы было удобнее...

И мне стало удобней. Кольца расслоились, разбежались перед глазами и превратились в дома, деревья, облака, только все это было маленьким, крошечным, чудовищно далеким, и среди всех этих трудноразличимых радужных точек одна, самая маленькая, упрямо двигалась вперед.

Усилием воли я приблизил к себе этот крохотный мир, словно повернул колесико микроскопа. И увидел, что самая крошечная точка — это я.

И что я лечу.

...Естественно, я не махал руками — это было бы смешно и стыдно, а просто взмывал и падал. Взмывал и падал. Словно качался на гигантских воздушных качелях.

Сначала мне казалось, что место, над которым я качаюсь, мне незнакомо. Ведь я видел все сверху. С ужасом закрывал глаза, когда ко мне неслись деревья и крыши, с тихим свистом и в жуткой тишине.

Но вдруг я понял, где это. А главное, я понял, КОГДА это.

Просто-напросто разглядел, как Леха с Иваном поджигают уже ненужную макулатуру и черный дым сердито лезет через заборы и крыши.

А это было в нашем школьном дворе, в третьем классе...

Да, точно, это было в третьем классе. Именно в этом классе к нам пришла Вера, но позже, зимой.

...Она вошла в класс и громко сказала:

— Ну, что такие скучные сидим? Айда на улицу!

С ноября у нас не было учителя, и мы просиживали целые уроки-окна, читая книжки или просто бездельничая.

Все параллельные нам завидовали: сидите, мол, сами себе хозяева, не спрашивают, и все такое. А мы очень скучали.

Она пришла и сказала:

Айда на улицу!

Первую секунду никто не знал, что делать. А потом все ринулись на первый этаж, в раздевалку.

Мальчишки начали строить перед школой снежную крепость. А девчонки — снежную бабу. Всеми командовала Вера Антоновна. Из окна на нас смотрел директор, но Вера Антоновна почему-

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ИЮЛЬ 7

Москва, 1988

● Издательство «Правда»

то не обращала на него внимания. Она кричала и радовалась громче всех.

«Какая добрая»,— подумал я тогда.

А когда все вернулись в класс, страшно довольные, возбужденные, малиновые с мороза, она вдруг стала серьезной и сказала:

— Ну что ж, ребята, а теперь запоминайте. Я Вера Антоновна, ваш классный руководитель. Кое-кто, наверное, решил, что я очень добрая, раз сразу позволила баловаться и играть. Учтите, что это совсем не так. Наоборот, учитель я строгий. Но если будете слушаться, будет у нас и веселье, и радость, как сегодня. А не будете слушаться — ничего не будет. Понятно?

...И пионервожатая Люся была у нас как раз с третьего по пятый класс, а потом уехала учиться на дневном и зашла в последний раз в школу. Было самое начало осени, такая тихая, теплая погода, мы с Иваном сидели где-то в укромном месте прямо во дворе, а Люся подошла и долго была с нами, что-то тихонько так говорила, а вот что — не помню. Потом она даже заплакала, а потом засмеялась и ушла. И мы с Иваном сидели обалдевшие и тоже чуть не плакали, хотя это была самая обычная пионервожатая, на линейках она так громко кричала: «Дружина, смир-рно!» — что мне всегда хотелось зажать уши.

...Наверное, Люся все-таки была очень хорошая вожатая, подумал я. Но додумать про Люсю я не успел, потому что необыкновенно отчетливо вспомнил, как мы ходили каждое воскресенье с Лехой и Иваном на мультфильмы. Сначала Иван заходил в соседний дом за Лехой, а потом за мной, через переулок.

Прежде всего мне нравились окна домов, блестящие, умытые и все какие-то разные. В одном стоял горшок с цветами и сидела толстая, хмурая кошка, в другом девчонка плевалась вишневыми косточками на прохожих, а мы строили ей какие-нибудь рожи, в третьем тетя в халате потягивалась и зевала после сна, раскидывая руки в стороны, так что большие рукава халата казались крыльями, а сама она становилась такой большой, что уже не влезала в окно, в четвертом другая тетя с утра пораньше мыла окна, хватаясь за рамы и ступая босыми пятками по скользкому от воды подоконнику, в пятом просто висели какие-нибудь плотные занавески, колыхаясь от утреннего свежего ветерка, а там ходили какие-то люди, а там прямо на подоконник выставили радио, и оно голосило какую-нибудь новую песню, а там из окон повысовывались старухи и, свесившись друг к другу, о чем-то оживленно болтали, как старенькие, маленькие птички... Я так любил эти окна, что просто не мог от них оторваться, прямо-таки спотыкался на каждом шагу, а Иван всегда говорил:

— Сашенька, смотреть в чужие окна неприлично,— голосом моей мамы и давал мне огромного щелбана.

От Ивановых щелбанов все вокруг начинало звенеть, как будто кругом были натянуты тонкие струны.

...А еще Иван в третьем классе дружил с Угандой и однажды съел на уроке здоровый кусок мела — специально для нее, чтобы понравиться.

Тогда она, конечно, была еще никакая не Уганда, а просто толстая смешливая Любка.

Иван давился, и все лицо у него было запачкано этим мелом, весь он был белый, как клоун, и солнечный луч бил ему прямо в макушку, как прожектор в цирке, а мы тоже давились, только от смеха, падали ничком на парты и беззвучно тряслись, а урок между тем продолжался, никто, кроме нас с Лехой и Угандой, почему-то ничего не замечал...

Тут пошли какие-то странные картины. Будто бы Иван опять ест мел, только уже не куском, а в порошке, и вообще никакой это не мел, а снег вокруг школы. Но делает он это не в наказание, а опять чтобы понравиться Уганде...

— Дурак, простудишься, это же снег! — закричал я ему.

А он ответил мне с набитым ртом:

— Неф... эфо... меф...

«Нет, это мел», значит. Но я же вижу, что это снег! Такой белый, пушистый, с искринками. Только уж очень яркие эти искринки и на вкус — мыло... Мыло.

Это уже совсем про другое. И не снег, и не мел, а действительно — мыльная пена. Я сижу в ванной, а мама со злостью трет мне голову и повторяет:

— Будешь знать! Будешь знать!

А я кричу:

— Ма, не говори папе! Ма, не говори! Пожалуйста!

Я стоял возле подъезда вместе с Лехой, совал в рот подобранный с асфальта окурок и пел во все горло:

— Купите бублики, горячи бублики!

И тут меня увидела мать. Она побелела, выбросила окурок и ударила по щеке. Испугалась, что я заражусь чем-нибудь.

Пена ест глаза, я тру их рукой, на которой тоже пена, и я пытаюсь стряхнуть ее, но никак не могу...

Господи...

Мне стыдно!

Стыд звенит в ушах, стыд радужными колечками пляшет в зажмуренных глазах, стыд сжимает до скрипа зубы.

Ох, какое ужасное это чувство — стыд.

...Вот я стою на улице, и на голову мне падает мыльная пена — зима, холодно, я в шапке-ушанке и в пальто с меховым воротником, но я точно знаю, что падает мне на голову не снег, а мыльная пена, и мне хочется сказать об этом всем, всему нашему классу, особенно Ивану и Уганде, которые лепят из мыльной пены снежки, но снежки, конечно, у них не лепятся, а они смеются — дураки...

Мне хочется сказать, но стыдно. Стыдно перед Верой. Вот она стоит рядом и внимательно смотрит на меня. Словно хочет сказать: «Не говори ничего, Быстров. А то и я кое-что про тебя расскажу».

И верно, ей есть что рассказать. В том же третьем классе я нашел на перемене листок — видно, его кто-то обронил из старших классов. Там была нарисована голая женщина и стихи еще какие-то были... с точками вместо пропущенных слов.

Я стоял и тупо смотрел на этот листок. И лицо заливала краска. Мне было противно.

А потом меня взяла за руку Вера Антоновна. И повела к директору.

Перемена кончилась. Я визжал и плакал, а Вера Антоновна волокла меня по пустому коридору. Я помню, как ее сильная рука держала меня за воротник и каблучки звонко стучали, а на неподвижном лице выступили мелкие капельки испарины — все-таки тяжело меня было тащить.

Потом она вдруг остановилась и резко спросила:

— Кто его выронил — ты видел?

Я не видел... Я помотал головой и опять стал

кричать, что я больше не буду и чтобы она меня выпустила.

Завтра родителей в школу.— Она сказала это тихо и как-то устало, повернулась и пошла прочь.

Господи, почему мне было тогда так стыдно? Ведь я же был не виноват, совсем не виноват!

Вся голова у меня будто бы была в этой пене. Я отплевывался, фыркал, искал на ощупь кран с холодной водой, чтобы смыть ее,— и не мог.

— Привет, Быстров! — вдруг отчетливо произнесла над самым ухом Уганда.

Оказывается, я уже давно не сидел в ванне, а — вымытый и чистый, с вихрами и в новой рубашке — стоял навытяжку перед Угандой в милицейской форме.

Признайся, Быстров, тебе ведь было приятно тогда, в третьем классе, когда ты нашел на перемене этот похабный стишок с рисунком? — спросила Уганда, медленно и отчетливо выговаривая слова.

Я молчал.

Признайся, Быстров, тебе было очень приятно...

— Нет,— наконец не выдержал я.— Мне было противно.

— Нет, тебе было приятно! — взвизгнула Уганда.— И я, как председатель совета отряда, заставлю тебя в этом признаться! Заставлю! Заставлю! Заставлю!..

— Уйди, Уганда,— глухо сказал я и сам пошел прочь.

Я шел по улице, над которой, медленно кружась в воздухе, падал не то снег, не то хлопья мыльной пены, и думал про нее, про Уганду.

Когда она стала такой? А черт ее знает. Что вообще происходит с этими девчонками — непонятно.

Черт его знает, сон это был или не сон, иногда мне казалось, что я просто лежу на кровати, смотрю в потолок, и из окна идет голубой неяркий свет, а я все лежу и вспоминаю, лежу и вспоминаю...

Никогда еще я не вспоминал свою жизнь в таких количествах.

Я вспоминал свои старые обиды и страхи, и они,

так же как и те воскресенья, оказывались вдруг близко-близко, я был здесь, в своей комнате, на кровати, но в то же время я бродил там, в этих днях, которые, как поезд, проносились передо мной, и в окнах поезда сидели все одни и те же люди — я, Иван, Леха, мать с отцом и еще другие.

А вот и вправду поезд, мы едем на север, в Прибалтику, туда, где растут сосны, светит неяркое солнышко, шумит море, ходят красиво одетые люди и вместо русских слов везде написаны нерусские...

Я лежу на верхней полке, и надо мной впервые в жизни так близко потолок, я смотрю на него и думаю: вот мы едем, а что там, впереди, что это за Прибалтика, совершенно неизвестно и непонятно. И от этих мыслей, и от каких-то других мне так грустно, но я не могу ничего сказать, потому что мать внизу, где-то далеко, и потолок вагона надвигается на меня — все ближе, ближе...

И вдруг я увидел Георгину.

Я встретил ее там, в Прибалтике, в маленьком городке, куда мы тогда на этом странном поезде приехали. Это был очень уютный городок, в нем все было уютно и немножко сказочно, хотя по чистым асфальтовым дорожкам, и по чистой траве, и по рыжим иголкам между сосен ходили вовсе не сказочные отдыхающие с полотенцами и в резиновых шлепанцах, с газетами в руках и с кулечками малины, которую продавали местные тети. И во всех урнах лежали эти старые газетки, разрезанные на кусочки и заляпанные малиной.

Однако это был вовсе не тот город, и я это понял, когда увидел там Георгину.

Она куда-то шла, наверное, купаться... У меня перехватило дыхание, так как я ее сразу узнал и никак не мог догадаться, знает ли она меня или нет, я примостился за какой-то сосной и стал смотреть, как она идет.

Георгина уже была довольно взрослая, в какой-то модной куртке, черноволосая, смуглая, с синими глазами, с острым носиком, на ней еще было жутко красивое платье, а ноги в модных кроссовках с белыми гольфиками. «Во дает!» — подумал я, и дыхание у меня перехватило еще больше.

Георгина уходила дальше, туда, где сосны расступались и начиналось море. Я решил, что она действительно идет купаться, и обрадовался. Может, я решил, что поплыву за ней и прямо там, как бы между прочим, познакомлюсь. Но вдруг я увидел маленький домик, огороженный металлической сеткой. Напротив домика, на небольшой асфальтовой площадке стоял яркий автобус, в нем сидели ребята в спортивных костюмах, зеленого такого цвета. Георгина тоже села в автобус, и ребята приветливо замахали ей руками со своих мест, заулыбались, приглашая присесть рядом.

— Это команда по неизвестному в нашей стране виду спорта. Они приехали обмениваться опытом,— сказал кто-то рядом со мной четким голосом радиодиктора. Но я почему-то не стал оглядываться и смотреть, кто это, почему-то мне это было неинтересно.

Я сидел около сосен на желтых, высохших иголках и смотрел в окно автобуса на Георгину. Она с кем-то там, в автобусе, разговаривала и смеялась. Рядом со мной сидели другие люди, мы расположились здесь, как будто в цирке. Мне было неудобно: иностранцев, что ли, никогда не видели, но люди так же внимательно, как и я, смотрели на Георгину.

«Пускай смотрят»,— решил я и опять взглянул на автобус. Но там Георгины уже не было.

Она стояла на крыше автобуса, задрав голову, очень прямая, в майке, трусиках, гольфах и кроссовках.

Потом она взмахнула руками, и... Дальше я полетел, но как будто не сам, а вместе с Георгиной: сначала над соснами, потом выше, потом чуть не упал вместе с ней на какую-то крышу, потом сделал крутой, длинный вираж в сторону моря...

«Ну ладно, хватит,— резко подумал я и проснулся.— Надоело».

Мне совсем не хотелось спать.

Тогда я стал мысленно разговаривать с Иваном.

— Понимаешь, Иван,— сказал я ему тихо, но убежденно,— ты зря смеешься над ней. Она нормальная девчонка, хотя и член сборной команды по свободному полету. Другая бы на ее месте была бы вообще как пуп земли, а она ничего...

«Ничего — пустое место»,— пронеслось у меня в голове.

И тут я опять куда-то соскользнул...

Мы опять были в том же самом городке. Только теперь мы не летали, а просто сидели на пляже — втроем, с Иваном. Сидели мы молча, просто смотрели на море, и все. И было непонятно, то ли мы уже познакомились с Георгиной, то ли просто сидим рядом. Иван все время ухмылялся и строил мне рожи, ну что, мол, как? А я делал вид, что всего этого не замечаю, и старался попасть взглядом туда, куда не отрываясь смотрела Георгина.

И тут Иван сказал:

— Георгины на свадьбу не дарят.

Оказывается, это была свадьба. И женился не кто-нибудь, а я. На Георгине.

— Ну, полетели, что ли? — хмуро спросил Иван.

— Кто полетели? — испуганно спросил я Ивана.

— Не кто, а куда,— опять очень хмуро сказал Иван,— к тебе на свадьбу, балда гороховая. Меня правительство назначило к тебе на свадьбу посаженым отцом. Сейчас она нас всех повезет на буксире, и мы полетим тоже...

— А я тоже полечу? — спросил Леха.

— И ты тоже...— сказал Иван, встал и подошел к Георгине.

— Ну ладно, пока. Я потом приеду, когда все кончится, свадьба эта дурацкая...— сказал я и сам не понял, кому я это сказал. Оказалось, это были мои родители. Они тоже стояли здесь, в темноте. Тут же стояли и родители Лехи, и мать Ивана.

Это был какой-то холм, на нем рос редкий кустарник, а вокруг, в тумане, лежала большая зеленая долина, чуть дальше блестела река, и было очень красиво. Вот только холм был высокий, и из-за тумана не виден спуск, и вообще страшно ступить вперед, внизу земли не видно.

Я поежился и тоже встал. Рядом стояли Иван с Георгиной. Леха торопливо подходил к нам.

И мы наконец полетели.

«Ну и сон»,— подумал я, когда проснулся.

И начал собираться в школу.

В школу мне, понятное дело, идти не хотелось. Ни сегодня, ни завтра, ни вообще в ближайшее время.

Но я и так уже пропустил два дня.

По дороге ко мне привязался какой-то щенок — совершенно глупый: он кусал меня за ботинки, спотыкался и рычал.

Я не выдержал, сунул его в портфель и бросился мимо дежурной учительницы под отчаянную трель звонка...

К счастью, алгебры не было, урок оказался пустой. Щенок визгливо лаял на весь класс, вокруг сгрудились девчонки, они передавали щенка из рук в руки, дышали в живот, хихикали и были, по-моему, счастливы.

Я быстро списывал примеры, вполглаза подглядывая за ними. Никто не обращал на меня внимания. Только Уганда подошла и, как всегда подергивая плечами, спросила:

— Быстров, как его зовут?

Не отрывая глаз от тетради, я ответил:

— Как хочешь, так и зови...

— Ну, а все-таки? — Голос постепенно перебирался на визг.

Я поднял голову. Она стояла очень близко — вытянутое вперед, удивленное личико, кудряшки и прямые, сжатые губы.

— Не знаю я, как его зовут,— почти прошептал я.— Я на улице его нашел.

— На улице? — глядя мне прямо в глаза, спросила Уганда.— А может, ты его НАРОЧНО принес?

Щенок вдруг залаял жалобным, почти плачущим голосом.

Я растолкал девчонок и выхватил его из рук Надьки Тарасовой, которая пыталась поставить бедолагу на задние лапы. В коридоре было пусто, я быстро слетел по лестнице и ногой толкнул тяжелую школьную дверь.

— Я тебя не нарочно принес,— прошептал я.— Но все равно лучше тебе уйти.

Щенок, смешно переваливаясь, полез вниз по ступенькам. Потом неохотно затрусил к выходу. Я вдохнул побольше прохладного воздуха и пошел обратно в класс.

Последним уроком был русский, урок Веры Антоновны...

Урок кончился, и я, как нарочно, замешкался, остался с Верой почти один на один. Иван уже вышел, осталась только Ленка Семенова, она стояла над Верой, а та сидела за своим столом и что-то ей объясняла. Я попытался проскочить мимо них, но тут Ленка выбежала, а Вера Антоновна меня остановила.

Я шел к ней обратно от двери, и эти несколько шагов показались мне очень длинными. Я шел и думал: «Ну вот, вот сейчас я ей скажу!» Я ей скажу, что нехорошо читать чужие письма, что каждый имеет право думать, как он хочет, и писать друзьям письма об этом, даже если они новые друзья и живут не у нас в стране, а за рубежом,

что никакой я не враг, а самый обычный советский мальчик, что я...

Но она ровным голосом спросила:

— Ну как ты, Саша, себя чувствуешь? Получше?

И я кивнул. И все, она опять стала что-то писать. А я все стоял и не знал, что мне делать.

Я шел по улице и тупо смотрел себе под ноги. Я знал, что уже никогда не скажу Вере, не скажу то, что хотел ей сегодня сказать.

«НУ ЛАДНО,— подумал я,— НУ И ХОРОШО». Пусть все скорей забудется.

И еще я был очень благодарен Вере Антоновне за то, что она ничего не сказала про письмо. Просто хоть беги обратно в школу и кричи с порога: «Большое вам спасибо, Вера Антоновна! КАКАЯ ВЫ ДОБРАЯ, ВЕРА АНТОНОВНА!»

...Это теперь я думаю по-другому. А тогда я шел и думал именно так — ДОБРАЯ.

...Мне очень хотелось, чтобы все поскорей кончилось.

И тут я встретил ее, давешнюю старуху. Она стояла на перекрестке и смотрела в мою сторону. Будто специально поджидала.

«Вот прицепилась»,— недовольно подумал я и решил свернуть куда-нибудь, но она уже семенила навстречу.

— Здравствуй,— сказала старуха.— Тебя, кажется, Саша зовут? Ты не очень занят?

Я пожал плечами, и она взяла меня за локоть и повела...

Я ничего не придумал, все так и было. Мне совершенно не хотелось никуда с ней идти, но я тупо шел, озирался, чтобы запомнить дорогу.

Мы промахнули один квартал и вдруг свернули в какой-то двор. Двор был обычный, со сломанными качелями, с бельем на веревках, с гаражами, на железных дверях которых было нацарапано множество чьих-то имен, дат и глупых слов. Потом она взяла меня за рукав, и мы спустились по лестнице вниз, в подвал. Тут было темно и прохладно. Мы прошли по коридорчику. На одной двери было написано: «Техник-смотритель». На другой: «Паспортист». На третьей: «Бухгалтерия». И везде часы приема. Еще на стенах были развешаны всякие самодельные стенды, плакаты и другая ерунда. В общем, это был ЖЭК.

И тут мы попали в маленький зал с малюсенькой сценой, над которой висел грандиозный транспарант, а на самой сцене стоял стол, накрытый зеленой скатертью и с графином. Все как полагается, подумал я, хотя и не знал точно, как полагается.

— Ну вот,— сказала старуха,— мы первые. Садись. Сейчас все соберутся.

И точно, прямо в ту же секунду хлопнула дверь, и в зал вошел маленький старичок в очень аккуратном черном костюме, в шляпе и с галстуком-бабочкой. Очень смешной, в общем, старичок. Он вежливо поздоровался со старухой и посмотрел на меня.

— Не волнуйтесь, Федор Иванович,— сказала моя старуха,— это мой приятель Александр, любитель и знаток театра.

Старичок кивнул и прошел дальше к сцене.

— Это наш режиссер,— шепнула старуха весело.

В зал вошли еще две старухи, чем-то неуловимо похожие на мою, хотя и совершенно другие: одна высокая, с тонким лицом, в огромной красной шали и с крашеными черными волосами. Другая кругленькая и веселая.

«Это что, такой специальный старушечий театр, что ли?» — подумал я испуганно. Но додумать я не успел, потому что старухи начали здороваться, трепать меня по волосам и говорить моей старухе что-то про молодого поклонника. Я не совсем понимал, о чем они говорили, потому что слова были вроде все знакомые, но сама речь — как будто чужая, иностранная.

А строгий старичок в это время читал какую-то книжку, быстро-быстро переворачивая страницы. Вся книжка была в закладках. Он все время ронял их и поднимал с пола.

Потом он захлопал в ладоши и закричал:

— Все, все! Разогрелись? Начали! Все помнят, все знают, что у нас?

И старухи быстро поднялись и пошли к сцене. Моя старуха (ее звали Софья Наумовна, высокую старуху — Елена Петровна, а низенькую — Роза Александровна) села на стул. Две другие старухи встали по разные стороны от стула, а старик, режиссер, встал рядом со сценой.

Наконец, он нашел нужную страницу, взмахнул рукой, как дирижер, и высоким, театральным голосом произнес:

— Начали!

Софья Наумовна вдруг глубоко вздохнула и чистым, пронзительным голосом, так; что у меня мурашки побежали, почти запела:

— О, как играет музыка! Они уходят от нас, один ушел совсем, совсем, навсегда, мы останемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...

Маленькая старуха обняла мою и высокую, подвинула их ближе к краю сцены и чуть не плача, с блестящими глазами, тихо заговорила, очень тихо, но я все-таки услышал:

— Музыка играет так весело, бодро, и хочется жить! О боже мой! Пройдет время...— И тут она действительно чуть не заплакала, но справилась и продолжала: — ...и мы уйдем, уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было.. Но...— Она стала как будто заикаться, она повернулась к моей старухе и заговорила прямо ей в лицо, а та стояла, облокотившись на спинку стула, и смотрела на маленькую весело и с улыбкой...— страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить,— и она вдруг взмахнула рукой в мою сторону, и обе старухи радостно закивали, а я покраснел и сел глубже,— после нас, счастье и мир настанут на земле и благословят тех, кто живет теперь. О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена.— Маленькая подняла руку, как на митинге, и продолжала с поднятой рукой: — Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно («Тут будет музыка, мазурка»,— возбужденно шепнул режиссер в мою сторону), и кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!

— Тара... ра... бумбия... сижу на тумбе я... Все равно, все равно,— проговорил старик, и я чуть не треснул его за это. Не мог подождать со своей репликой!

— Если бы знать! — воскликнула маленькая в последний раз и упала на стул, тяжело дыша и помахивая платочком.

И тут я увидел, что все смотрят на меня. Смотрят внимательно и изучающе. Я встал неожиданно для себя и так же неожиданно сказал:

— Браво!

Дома я спросил маму, есть ли у нас Чехов. Мама ответила — нет. И спросила: «А что?» Я сказал, что хочу прочитать пьесу про трех сестер.

— Ну, это взрослая пьеса,— сказала мама.— А потом мы же с тобой по телевизору ее видели. Но вообще прочитай, конечно, она же у вас по программе, а все, между прочим, надо читать по первоисточникам.

— А что такое первоисточники, мама? — спросил я.

— Ну, это книги великих писателей, поэтов, философов, таких, как Ленин, Маркс, Гегель, Толстой, Достоевский, Пушкин.

— В общем, по программе? — спросил я.

— Ну, в общем, да, но не совсем...— ответила мама.

Тогда я не понял,— упрямо сказал я.

— Ну вот, если бы ты прочитал «Три сестры» по хрестоматии, то и было бы по хрестоматии, а если всю целиком, то — по первоисточнику.

— Значит, по первоисточнику — это целиком?

— Да нет. По первоисточнику — это как бы из первых рук. Вот что такое по первоисточнику. В институте будешь учиться, тогда поймешь.

— Договорились! — Я вытряхнул из портфеля книжки и сел за стол.

Но сделать уроки я не успел. Мама открыла дверь и недовольно сказала, что меня к телефону. Если, когда я делаю уроки, звонят Иван или Леха, она просто говорит, что я сейчас не могу, такая у нее дурная привычка. Значит, это были не Иван и не Леха.

Оказалось, это была Петрищева.

— Саш, ты можешь сейчас выйти? — спросила она.

— А чего? Я вдруг услышал, как тяжело и часто дышу.

— Ну, дело есть, поговорить надо... Саш, ну, пожалуйста, я тебя очень прошу, ну, на пять минут! — Голос у Уганды с каждой минутой становился все мягче и приторней.

— А что случилось-то?

— Ну, в общем, письмо я получила — после короткой паузы сказала Любка,— и там тебе привет.

— От кого?

— Ну, ты спустишься или нет? Я во дворе стою.— Любке надоело меня уговаривать, и теперь она говорила зло.

— Ладно.— Я положил трубку, натянул куртку и тихонько вышел, пока мать гремела на кухне посудой.

Ясно, что с приветом была какая-то туфта. Просто Уганде было от меня что-то нужно.

Ну и черт с ней. Пускай врет. Мне все равно.

— Здорово,— сказал я и огляделся: погода была серая, скучная, вот-вот начнет моросить. Потом я опять повернулся к Любке и покраснел: она, насмешливо улыбаясь, смотрела на меня. Не надо мне было отворачиваться, как будто мне все равно, что она пришла. Мне-то на самом деле не все равно, и это сразу заметно, так только хуже.

— Привет,— весело сказала она.— Пошли?

Куда, она не сказала, но я все равно пошел. Любка почему-то повела меня не в сторону улицы, а двором, туда, где были глухая кирпичная стена и длинный ряд гаражей. Мы повернули за какой-то гараж... и я ахнул. Почти все девчонки нашего класса были здесь! И еще стоял парень из восьмого. Он хмуро смотрел на меня и курил.

— Знакомьтесь,— Любка повернулась и показала на меня всей своей честной компании,— наш друг Александр Быстров!

Девчонки молчали. Их было здесь человек десять. Парня я не боялся, он был хотя и выше, но все равно один. Один на один можно. Это еще ничего, бывало и хуже.

Любка аккуратно перехватила юбку и села рядом со своими подружками — Надькой Тарасовой и Женькой Костроминой — на какую-то приступочку.

— Ну, и что это означает? — попытался спросить я по возможности уверенно, но голос у меня дрогнул.

— Да ничего...— ответила Любка,— хотим коечто выяснить просто. Ты письмо писал своей Георгине?

«Так! — коротко мелькнуло у меня в голове.— Очень интересно».

— Писал,— сказал я.— А что тебе-то до этого? Какое тебе дело, Уганда? — Я хотел сказать это по возможности обиднее.

Вообще-то надо было сейчас же повернуться и уйти. А то получалось, что я играю в их дурацкую игру. А если бы попытались остановить...

Правда, девчонок я никогда еще не бил. И потом мне хотелось узнать, что́ они все-таки знают о моем письме.

— А что ты там писал? — в том же тоне продолжала допрашивать Любка.

— Какое твое дело? — заорал я и подошел к ней ближе, чтоб она испугалась. Но она не испугалась, а прищурилась и спросила:

— А про нас ты что там писал?

У меня что-то опять дрогнуло внутри, и я сказал:

— Что вы все дуры последние. А вы дуры и есть.

Неожиданно Женька Костромина ударила меня по ногам, и я упал. А Любка так же неожиданно захохотала.

Потом на меня навалился этот парень, их приятель. Он связал мне руки сзади какой-то веревкой, поставил и крепко схватил за плечи. Любка подбежала и дернула за волосы так, что слезы выступили на глазах. Она держала меня за волосы, а все девчонки по очереди подходили и били по щекам. Было не больно, а противно — до тошноты.

Я почувствовал, как текут слезы, и открыл глаза. Я увидел сквозь мокрую пелену лицо Любки и ее взгляд. Такой же пристальный, как тогда, на перемене.

Потом они меня бросили и ушли, а я еще целый час развязывался. Я очень устал, щеки у меня высохли, но горели сильно. Потом я поднялся и пошел. Уже совсем не хотелось плакать, я просто думал, что́ мне теперь делать.

И тут я увидел далеко, на нашем пустыре, огонек. И сразу побежал.

Но ближе к костру я остановился и начал медленно подходить.

Леха и Иван говорили про что-то смешное: голоса у них были веселые. Когда я услышал эти голоса, я опять не выдержал и заплакал. Нет, даже заревел в голос, как маленький.

Я помню, как Иван тряс меня и шептал:

— Ну, ты чего, Саня, Санек, ты чего? Тебя отец побил, да? Отец побил, говори?

А Леха стоял надо мной с беспомощно опущенными руками и пристально смотрел мне в лицо. Я чувствовал его взгляд.

...Жаль, что я не художник и не могу нарисовать картину под таким названием: «Вечер. Леха и Иван утешают побитого Сашу Быстрова». А то бы нарисовал, ведь каждый сантиметр этой картины я знаю наизусть.

Утром я чувствовал себя как-то странно — будто не узнавал ничего. Я ходил по комнате как лунатик и медленно собирал книжки. Книжки вроде были мои — география, русский, потом еще тетрадки, потом кеды на физкультуру, но я никак не мог понять: ЗАЧЕМ ОНИ МНЕ НУЖНЫ? ЧТО Я СОБИРАЮСЬ ДЕЛАТЬ?

Потом я вспомнил.

Вспомнил весь вчерашний день. Веру Антоновну, старушечий театр, глаза Уганды, наш костерок...

Радио на кухне орало:

— АВГУСТ — СЕНТЯБРЬ! АВГУСТ — СЕНТЯБРЬ! МОЛЧИТ ТЕЛЕФО-О-О-ОН!..

Во дворе меня ждали Иван с Лехой.

— Очухался? — спросил Леха и толкнул меня в бок, а я его.

На душе вроде полегчало. Иван осведомился, делал ли я сегодня зарядку, а то лично он собирается нынче отловить того пацана, что держал меня вчера за гаражами, и маленько повоспитывать...

Я промолчал, хотя не очень поверил Ивану: парень был здоровый, и вряд ли бы мы с ним справились, даже втроем.

Мы вышли за угол, и солнце вдруг брызнуло в глаза, и показалось, что это воскресенье, третий класс, и мы идем не в школу, а смотреть мультики.

Но я не сказал об этом Ивану и Лехе.

...Планам Ивана не суждено было сбыться. И хорошо, наверное.

После уроков, которые я провел, тупо глядя в письменный стол, ко мне подбежала Нина Бочкова (ее вчера у гаражей не было) и сказала, испуганно дыша, чтобы я срочно дул за родителями.

— Что случилось-то? — поинтересовался я, хотя на самом деле было уже все равно.

Но она понятия не имела, только глаза ужасно таращила, бедняга.

...Как назло, была суббота — мои были дома.

То, что накопилось во мне за эти дни, куда-то вдруг исчезло. В голове бродили какие-то невзрачные мысли — ну вот, опять какая-то неприят-

ность, и все в таком роде. Я абсолютно, напрочь был уверен, что ТА ИСТОРИЯ уже кончилась...

— Ребята,— сказала Вера Антоновна.— Как вы знаете, мы начали переписку с зарубежными друзьями. Большинство из вас отнеслись к этому пионерскому заданию правильно и рассказали в письмах о своем классе, о пионерской дружбе, о своих родителях.

Я старался не смотреть на моих. Они чувствовали себя здесь, на первой парте, перед вдохновенной Верой Антоновной, просто ужасно. Тридцать человек не отрываясь смотрели им в спины.

— Но вот один мальчик!..— Вера Антоновна поперхнулась от нескрываемого волнения.— Один мальчик решил написать письмо сам, не показывая его никому, даже совету отряда. Письмо случайно попало ко мне. И что же? Что написал этот мальчик?

Она вдруг остановилась и в упор посмотрела на мою маму.

— Вы принесли его с собой, Юлия Никитична?— сухо спросила она, как бы вполголоса, но так, чтобы все услышали.

Моя мама встала. Медленно подняла голову. И я увидел ее лицо, дрожащие губы.

— Нет,— сказала она.— Письмо я отправила.

Вера Антоновна побагровела.

— Прекрасно! — сказала она.— Мама Саши Быстрова решила сама отправить письмо адресату. Прекрасно! А ведь я дала вам его, Юлия Никитична, совсем не за этим.

— Я знаю...— тихо сказала мама.

— Ну что ж, ребята! Наши взрослые отношения вас не касаются. Но вот рассказать вам обо всем, что написал в письме Саша Быстров, я просто обязана...

С каждым словом Вера Антоновна становилась все спокойнее. Ее голос приобретал привычный ровный тон. Как всегда, она постукивала пальцем по журналу.

Я встал и вышел из класса. Передо мною медленно проплыло лицо Веры Антоновны и испуганное, окаменевшее — мамы.

...Отец нашел меня в туалете. Я пил воду. Помоему, я выпил очень много воды.

Было уже темно, когда мы вышли из школы. Лил дождь, мама раскрыла зонтик, отец закурил под ним. Потом он выбросил сигарету и прижал меня к себе. Так мы дальше и пошли: мама, я и обнимающий меня отец.

Ровно через неделю мы получили письмо.

Когда я разрывал конверт, оттуда вывалилась цветная фотография.

С фотографии на нас смотрела девчонка с круглым лицом, черноволосая, с ясными глазами. Она улыбалась.

Буквы в письме были ровные, круглые, а между буквами пустые места — так, наверное, пишут первоклассники, поэтому первую его часть, несколько слов про нас и про меня, я прочел мгновенно.

Георгина писала:

«Дорогие ребята! Я очень рада вашему письму. Здорово, что теперь у меня есть друзья...

Саша! Большое спасибо тебе за откровенность. Ответить сразу на все твои вопросы я не смогу, но мне кажется, я тебя поняла.

ЖДУ ОТ ВАС ПИСЕМ...»

А дальше...

Последнюю фразу мне пришлось прочитать раз сто, а может, тысячу (ребята отдали мне письмо молча, без слов и ухмылок, будто так было решено заранее)... Потом я понял, что Георгина просто ошиблась, перепутала слова, она хотела написать что-нибудь вроде такого: «ЗАНИМАЮСЬ ПРЫЖКАМИ» — с трамплина или с вышки, в длину или высоту, выяснить это не удалось, потому что мы ей больше так и не написали, но сначала она меня так поразила, эта фраза, что я долго молчал и не мог ничего вымолвить от какого-то тайного страха и от восторга, переходящего в печаль, в нежность, черт его знает еще во что... «ИЗВИНИТЕ,— писала она, и буквы уменьшались, торопились, бежали куда-то в угол страницы,— ЧТО ТАК МАЛО НАПИСАЛА — ОПЯТЬ УЕЗЖАЮ НА ТРЕНИРОВКУ. — И вдруг буквы начали почти исчезать, не хватило бумаги или времени, и девочка писала последние слова очень быстро, волнуясь, что опоздает: — ОЧЕНЬ МНОГО ПОЛЕТОВ...»

КОНЕЦ

«Единство, творчество, красота» — под таким девизом в столице Болгарии с 10 по 20 июля 1988 года пройдет IV Международная детская ассамблея «Знамя мира». Отовсюду съедутся сюда юные поэты, художники, музыканты, спортсмены и изобретатели.

Конечно, на ассамблею, которая проводится раз в три года, всем желающим не попасть. И все же ее участником, правда, заочно, может стать каждый.

Ежемесячная газета Знамя мира объявила международный детский

КОНКУРС

«ЕДИНСТВО, ТВОРЧЕСТВО, КРАСОТА»

Все дети, любящие сочинять музыку, писать стихи и рассказы, рисовать и фотографировать, могут участвовать в этом конкурсе. Итоги подводят ежегодно в канун 1 июня — Международного дня защиты детей. Победители отмечаются дипломами, премиями творческих союзов, а авторы самых лучших произведений награждаются 15-дневной поездкой в творческо-экологический комплекс «Ропотамо» на берегу Черного моря.

Адрес, по которому надо направлять работы: Болгария, София, 1184, бульвар Ленина, 113 а, редакция газеты «Знамя мира». На конкурс «Единство, творчество, красота».

ЖЕЛАЕМ УСПЕХОВ!

Григорий КРУЖКОВ

Письмо в редакцию

Нижеподписавшийся
Волка повстречал.
Вышеупомянутый
Громко зарычал.
А вокруг все цветики —
Просто благодать.
По причине этого
Жалко пропадать.
Нижеподписавшийся
Крикнул: «Караул!»
И на полной скорости
К речке драпанул.
Вышеупомянутый,
Голодом томим,
В том же направлении
Кинулся за ним.
К счастью, тут охотничек
Мимо проходил,
Каковой впоследствии
Волка застрелил.
Нижеподписавшийся
Просит за спасение
Выразить охотничку
Это поздравление!

Дядя Женя

— Пойдем кратчайшим, дядя Жень?
— Кратчайшим — это как?
— Через окно, через плетень
И вниз, через овраг.

— А нет дороги поверней,
Чтоб в дверь да по мосту?
— Есть, дядя Жень, зато длинней
На целую версту!

— А этот твой кратчайший путь —
Опасный, может быть?
Нельзя там ногу подвернуть,
В болото угодить?

— Да нет, не бойтесь, дядя Жень!
— Ну, ладно, решено.
Пожалуй, я и сам из тех,
Что прыгают в окно.

Верблюд

В краю, где не встретишь ни рек, ни ручьев,
Под небом палящей лазури,
Где ветер над морем сыпучих песков
Проносит песчаные бури,

Где коршун опустится, не долетев,
Где волк упадет и завоет,
Где желтый, измученный жаждою лев
Глаза безнадежно закроет,

В пустыне, где век не бывает дождя,
Где меркнет мираж в отдаленье,—
Шагает верблюд, как заклятье, твердя:
«Терпенье, терпенье, терпенье!»

Зеркала

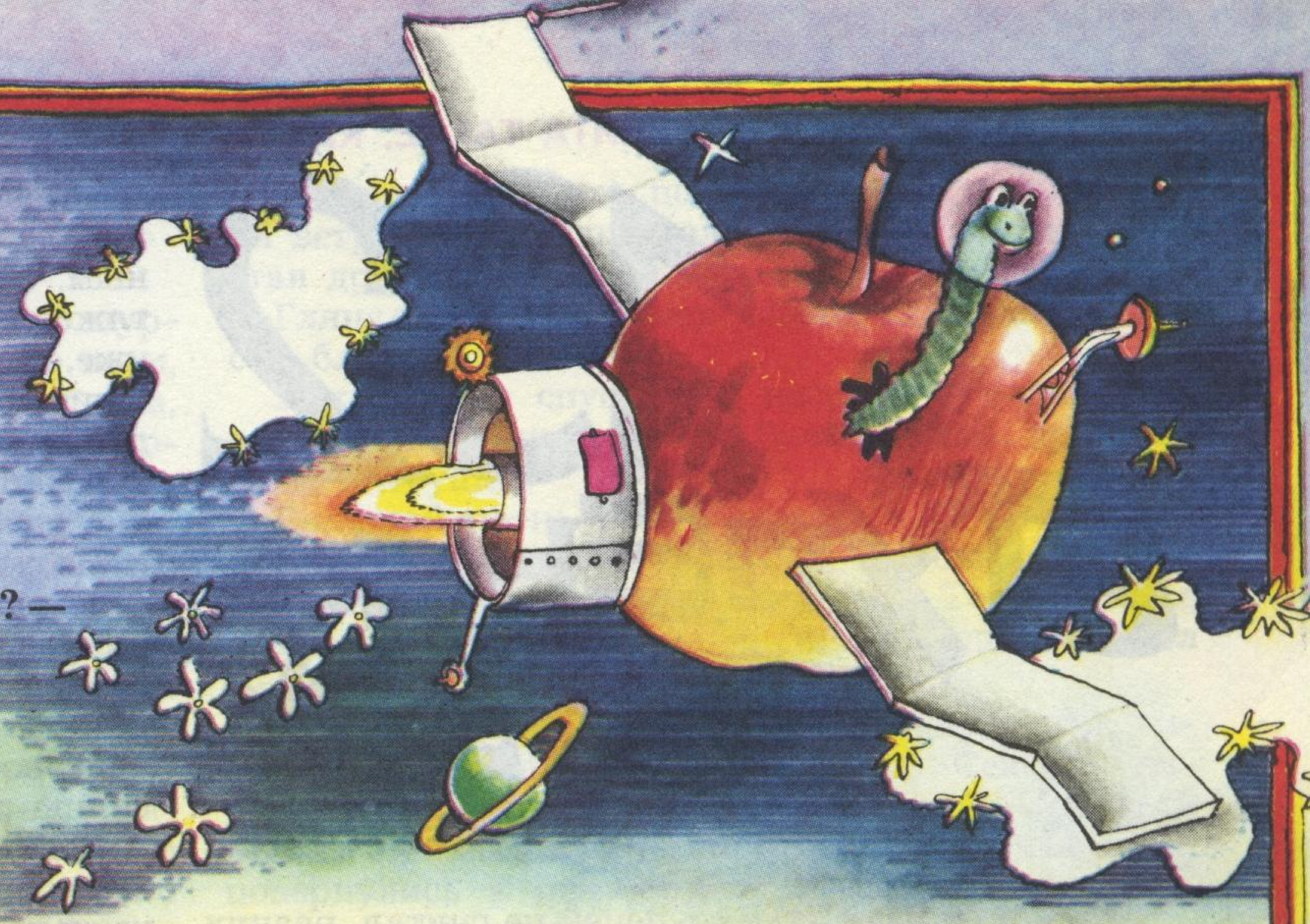
В круглом зеркале морей,
В круглом зеркале небес
Рыбы — отраженья птиц,
Птицы — отраженья рыб.

В глубине зеленых вод
Светятся морские звезды —
Отраженья звезд ночных.

Отражения китов —
Облака плывут над морем,
Совершенно как киты,
Но фонтанчиками вниз.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Слетело с ветки яблоко...



Слетело с ветки яблоко,
А в нем сидел червяк.
Слетело с ветки яблоко,
Червяк подумал так:
«В чем дело? Что за новости? —
Пропал и верх и низ.
Да я же в невесомости!
Вот штука! Вот сюрприз!

Да я же в этом яблоке
Лечу по небу, как
В космическом кораблике!
(Сообразил червяк.)

Куда же мне приедется?
Ведь космос так широк!
Большая есть Медведица,
И Рак, и Козерог.

Созвездья и галактики —
Как яблони в цвету.
Я воплощу на практике
Заветную мечту!

Какие испытания
Меня в полете ждут?
И хватит ли питания
На весь большой маршрут?

Не подведет ли рация?
И где приборы для...?
Вдруг — БУМС!!!
— Какая станция?
— Приехали! Земля.

Больше, чем было

Вот что сказал мне
старый поэт, охотник за рифмой:
«Стихотворенье нельзя придумать,
как ложь или хитрость.
Стихотворенье — кабан,
который бродит по лесу.
Стихотворенье — рыба,
которая плавает в море.
Его можно догнать,
подкараулить в засаде,
Его можно выудить
на крючок терпеливый,
Носом к носу встретить в кустах,
подобрать на счастливой тропинке.
А можно весь день
с сачком за ним прогоняться —
И вернуться с пустыми руками
и с большим аппетитом.
Впрочем, я не грущу
(добавил старый охотник).
Я не грущу,
ведь добыча моя не скудеет.
В зарослях слов
еще так много стихов незнакомых,
Что, если писать всю жизнь,
их останется больше, чем было».

РЕБЯТА ТАКИЕ, КАК ТЫ

132 ступеньки вверх

Ада БЕЗБОРОДОВА

НА этот раз Севка ступеней не считал, рванул бегом наверх. Крутая лестница, винтовая. Вьются с ней вместе узкие перильца. Без них последние ступеньки вовсе не одолеть. И вот она наконец — башня!

В ней тесно. Не то чтобы повернуться негде — просто боязно задеть «светило», окольцованное медью и потому похожее на драгоценный камень в перстне.

«Светило» живет здесь, в башенке, и посылает далеко в море свой бессонный свет. Обыкновенное солнце может в любой час спрятаться за тучу, а то и совсем удрать за горизонт. А это, в башенке, не может, не имеет права погаснуть. Никогда.

Ради этого и живет тут отец Севки — смотритель маяка мыса Цып-Наволок. «На краю света». Вот уже двадцать лет.

С ним вместе — Севкина мама. И старшая сестра Севки здесь выросла, и сам Севка тут родился. Только вот учиться ездит далеко-далеко, в Мурманск, в интернат.

Весной — дождаться не может, когда же на мыс, обратно. Летом бате нужен помощник: мать стала прихварывать. А так она была хоть куда — могла и за машинами присмотреть в дизельной, и по рации переговаривалась с кораблями.

...Высота ощущалась отсюда, из стеклянного купола, особенно остро: море казалось бесконечным. Белесое, в барашках, у берега и свинцово-тяжелое, ненастное, у горизонта. Но Севка знал уже, что с утра тут гадай не гадай, а с погодой ошибешься. Много раз за день переменится ветер, дождь налетит, а то и снег, выглянет озорно северное капризное солнце, угомонятся ненадолго гулкие удары прибоя.

Но уж очень суровой здешнюю погоду тоже не назовешь. Где-то там, дальше, мощно врывается в студеное море тепло Гольфстрима. И Севке всегда казалось, что если очень пристально посмотреть, то можно различить эти теплые волны. Они, наверное, похожи на темные, быстрые, гладкие спины разыгравшихся дельфинов.

Севка обошел тесную башенку. Так и кажется, кругом море, одно море! А полоска земли совсем узенькая. И на этой каменистой полоске несколько жилых построек, метеостанция — вот, пожалуй, и все хозяйство маяка.

До ближайшего города тут дальше, наверное, чем до полюса. Корабли мимо плывут, маленькие и большие, продрогшие и соскучившиеся по земле, а тут им маяк: «Привет, ребята! Внимательно смотрите — скалы! Я вам посвечу, а если туман — и погудеть могу. Я ту-у-ут! Я ту-у-у́т!»

— Ге-эй, там, на небе! — крикнул отец снизу.

И Севка чуть не кубарем покатился, а верней, «свинтился» вниз. И опять ступенек не считал — кто же считает, когда спускается? Считают, когда поднимаются, пыхтят...

Наевшись пирогов с грибами,— а их тут, грибов, хоть косой коси,— Севка повалялся на стожке сена, заготовленного для коровы Северной Пальмиры. А потом отправился посмотреть, чего поделывает батин ученик Проня.

Сева заглянул в дизельную, где ладно, согласно гудели машины, а потом отправился в радиорубку.

Проня, надев наушники, что-то быстро записывал в вахтенном журнале. Потом, через некоторое время, важно снял их, отложил журнал и спросил Севку тоном морского волка:

— Н-ну? Как полиморсос?

— Чего? — не понял Сева.

— Политико-моральное состояние?

Сева опять ничего не понял и поэтому спросил о другом:

— А что вообще-то полагается писать в вахтенном журнале?

— Пишем, что наблюдаем. А чего не наблюдаем, не пишем.

Ответ был странный, но логичный.

Севка собирался завести свой вахтенный журнал, чтобы потом показать в интернате. Не всем, конечно: учились в интернате такие же, как Севка, дети геодезистов, оленеводов, охотников, их журналом не удивишь. Только одна Светка Воробьева, хоть и геологова дочка, на севере первый раз. Ей-то и пообещал Сева кусок паруса от древнего корабля викингов, чему она тут же поверила. А уж на тюлений клык и вовсе клюнула. И велела Севке вести вахтенный журнал полярного маяка.

«...Край суровый, земля каменная, неродючая». Из летописи XVII века». Такой эпиграф Севка водрузил на первой, титульной странице «амбарной книги», как шутя мама называла большой в дешевом переплете альбом, который специально припас Севка.

— Это ты зря, парень, про «неродючую землю»,— рассуждал Пронька, прочитав эпиграф.— Вольница тут... Корму много. Олешки есть? Горностаи, выдры? Сами к нам ходят, угощение выпрашивают. А с моря тюлени подплывают. И нерпа, бывает, подплывает — и таращится... И чего глядит? Скучно ей, поди...

Ну, хорошо, подумал Севка. Погляжу-ка, что ты там записываешь, да и занесу в свой журнал,— а там батя и самому мне вахту доверит...

Записи были короткие.

«...На запрос инстанции передал: «порядок». Дежурный Панин». «Работал наутофон *, по причине тумана. Закачана вода в баню».

«...Видимость на маяке хорошая. Рабочая Тетюкова нарушила порядок: дверь в дизельную, уходя, плохо прикрыла, сюда могли пролезть ее дети, близнецы. Сделано замечание».

Или: «...Без происшествий».

В журнал записывались, понятное дело, метеосводки, все проходящие суда, все переговоры с соседними маяками и многое еще, к чему Севка собирался и свои записи добавить.

И опять он полез на башню. Там, рядом с «солнцем», был как будто другой мир, где переговаривались, спорили, посмеивались и посвистывали ветры, где низко и важно плыли облака, хвастая друг перед другом пышными обновами.

Глянул вниз — и обмер: олени, да сколько! Совсем близко!..

Пока Севка спустился, несколько оленей подошли совсем уж к домам. Вышла мама, принесла соль, хлебушек.

Большой олень рогач, важно, как бы кивком, разрешил оленихе и молодым олешкам подойти ближе. Выбежали все — рабочая Тетюкова, ее трехлетки-близнецы, научный сотрудник Павел Иванович...

Севка подошел к олененку. Олененок стал лизать наждачным, крепким языком Севкину ладонь. Подмаргивал золотым глазом. Но тут спустился Пронька и все испортил. Олени, как один, повернулись к нему, будто одного его и ждали. Пронька кого угощал, а кого просто гладил, хлопал по загривку. Он знал особые, какие-то оленьи слова, потому что был сын пастуха.

В этот раз Севка опять спутал счет ступенькам, потому что, уже приближаясь к стеклянному куполу, сквозь иллюминатор увидал в море лодку. Эта лодка вела себя непонятно. Как щепа, она то вращалась вокруг собственной оси в волнах, то обретала направление. Значит, в лодке сидел кто-то, не потерявший надежды добраться до берега.

Батя тут же отправился за этим «кем-то» на моторке. Севка обмирал от неизвестности — а ну, как шпион? Разоружать придется? Драться?

Но батя сидел со скучным лицом — за двадцать-то лет скольких, наверное, он спасал тут, у мыса...

Человек в лодке был с лицом усталым, угнетенный бестолковой болтанкой в море.

Перебравшись в моторку, он долго тряс отцу руку:

— Выручил, друг! Мотор, понимаешь, отказал, а веслом тут не больно-то навертишь... Ну и погнало ветром от берега, а потом, к счастью, обратно...

Оказалось, это метеоролог из дальнего прибрежного поселка.

...Пожил он на маяке с недельку. Все дивился хорошо отлаженному хозяйству. Такое, кажется, безлюдье вокруг, а гляди-ка — сколько всего!.. Семидесятая параллель северной широты. А помидоры свои. В тепличках. Огурцы. Ромашки какие-то не местного рода — глазастые, чуть не подсолнухи. «А воду зачем возите? — спросил у Севки, увидав, как Севка ловко управляется с кобылой Теркой, запряженной в водовозку.— Ведь водопровод у вас!»

* Наутофон — звуковой маяк.

«Целебная это вода! Батя источник открыл,— во-он там, видите?» — Севка показал рукой, но ровная, каменистая даль была так однообразна, что глазу не за что зацепиться. Севка ездил за этой водой по батиным метинам, которые тот оставлял краской на валунах.

— Двадцать лет здесь! — сказал Севка, кивнув в сторону полосатой бело-красной громадины маяка.

— Двадцать лет! — удивился гость.— А что же не шлют вам подмены?

— Шлют, да батя небольно отсюда торопится,— сказал Севка.

...И в который раз пришлось рассказывать, как отец с матерью здесь оказались. После войны они познакомились. Мать была из бедной северной деревни, родителей потеряла рано. А батя на рыбачьих судах ходил, пока не стали донимать его боли в спине. Старые боли... Он пацаном был еще в войну. Помнит бой за приморский их городишко. Уходя уже, били фашисты детей сапогами...

Море батя любил. Но все грозились его списать на берег, а тяжко это всегда моряку — жизнь круто менять.

Ему и предложили службу не совсем обычную — принять маяк на мысе Цып-Наволок. Дело ответственное!

Утром Пронька сам отыскал Севу:

— Полезай наверх. Кое-что увидишь.

— Что? — встрепенулся Севка.

— Лезь-ка, парень, и жди.

Севка уже успел обжить башенку. Припрятал бинокль приличный (у отца их было много, штук восемь разных). Были карандаш и тетрадка. Сухарей с десяток. Баклажка с водой. Батя уже и не трогал его — пусть сидит, раз нравится, ведь раньше когда-то, при старых маяках, всегда вахтенный сидел наверху у огня... Тем более что Севка и на земле обязанности «юнги» выполнял безотказно.

Севка сразу учуял, что Проня просто так посылать его на башню не станет. И надо в оба глядеть. Взял бинокль...

Медленно плыло море перед глазами, плыл узенький мыс, плыла за ним каменистая пустошь...

И вот что увидел Севка.

Взрыв!..

Высоко и тяжко, будто в замедленной съемке, взметнулись и грохнули оземь камни, а еще медленнее, веером, опускалась земля.

И тут он вспомнил — а ведь отец зачем-то по рации вызывал саперов! Севке ничего не объяснил. Только теперь Севка понял, что наткнулись опять на фашистскую бомбу. И как она пряталась столько лет? В камнях, что ли? Или в низкой поросли карликовых берез?..

Во время войны стояла тут наша зенитная батарея. Над мысом этим, как и над всем полуостровом Рыбачьим, кружили фашистские стервятники. Бои шли с первых месяцев войны. Фашист думал отсюда прорваться к северным нашим портам, отрезать их... И как тут воевали, на голой земле? На камнях этих? Ни пяди не отдали, в камни зарывались. Выстоял Рыбачий!

После Пронька сказал:

— Тут уж все давно прочесали, прочистили... Считали, не может быть нигде бомб этих, да вот на днях снова наткнулись пастухи. Вот сегодня саперы ее и взорвали. А теперь опять все вокруг перепроверят.

...Вертолет прилетел! Без расписания. Батя вызвал его, чтобы свезти в больницу на прививки близнецов молоденькой мамаши Тетюковой, на которую Пронька все время «жаловался» в вахтенном журнале и тем делал свои записи недостаточно по-морскому строгими.

Вертолетчик, дядя Игнат, не спешил. Видно, давно уж с батей не видался. Соскучился. И велел Тетюковой собрать ребят не торопясь, без суеты. Да и самой принарядиться, надеть новое пальто — в город ведь летит. Дядя Игнат работал на Севере всю жизнь и знал, что как надо делать.

Пронька отправился в башню. И скоро они увидели снизу, как он возится с верхней боковой рамой. Надо было подправить стекло, пригнать поплотнее, чтоб в башенку не задувало. Похоже, что стекло пришлось бы даже менять,— была в углу трещинка.

...А батя, дядя Игнат и Севка стояли, толковали о том о сем. Вдруг батя обернулся, глянул вверх и хрипло крикнул Севке:

— Беги!

Севка тоже взглянул наверх и все понял: непутевый Пронька, хорохорясь перед гостем, решил самолично, привязавшись веревкой, вылезти на выступ у башенки и попробовать сменить стекло снаружи. Вылезти-то вылез, да не удержался и, оступившись, болтался теперь на страховочной веревке... Севка взбежал по лестнице первым. Сзади поднимался, тяжело дыша, батя.

А дядя Игнат уже собрался заводить вертолет и спасать Проньку при помощи веревочной лестницы.

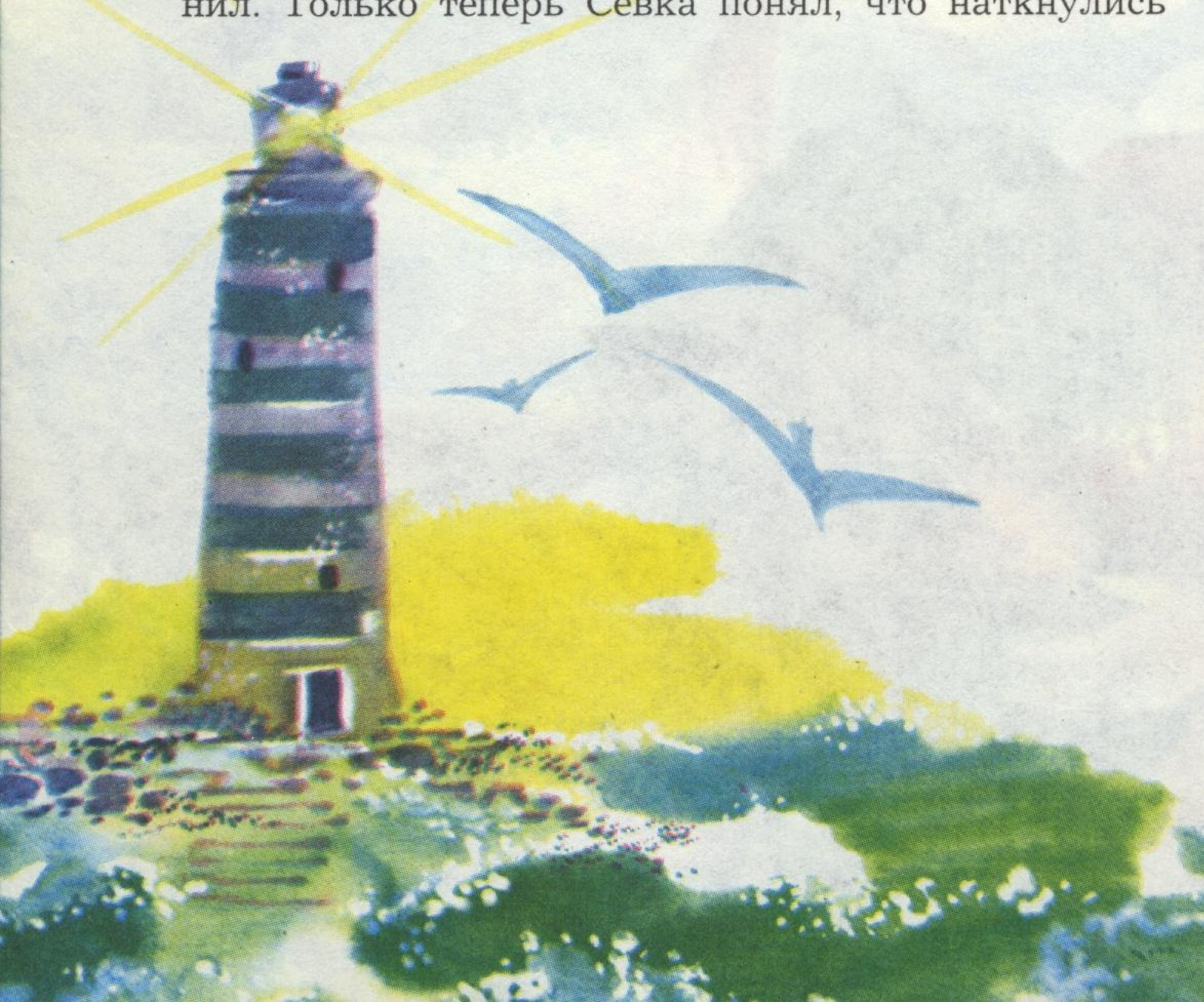
Севка перегнулся через раму, вцепился в Пронькины плечи. Так он и выкарабкался помаленьку, а отец все не мог отдышаться от высоты и от волнения.

Севке показалось, что батя от гнева может вообще выбросить Проньку обратно в окошко...

Тут забасил, захохотал снизу дядя Игнат. «Ну ты циркач, Пронька!» — крикнул. Все трое спустились, и пока спускались, Севка думал о том, что, наверно, хорошо, что тут такая чертова уйма этих ступенек. Пока отец спустится — гнев его поубавится, он уже строил планы, как окошко застеклить, вынув раму изнутри...

В своем вахтенном журнале Сева сделал запись вовсе короткую и не по форме: «Осенью выпросить Проньку в город и свести в цирк. А то «циркачом» обозвали, а в цирке не был человек. Никогда!»

...Сколько в башенке ступенек, так в Севкином журнале и не значилось. И батя тоже не помнил точно. То ли с крылечком сто тридцать три, то ли без самой верхней медной приступочки — сто тридцать одна...



Рисунки И. ПАНКОВА.

Фотография М. ХАРЛАМПИЕВА.

Саманта Смит и ее советская подруга Наташа Каширина из Ленинграда.

Саманта Смит... В июле 1983 года она прилетела из США в СССР. Она хотела узнать, можно ли нам доверять, когда мы говорим о дружбе со всеми народами, и убедилась — можно. «Ваши взрослые и дети,— написала она,— лучшие на Земле. Да здравствует мир!» Вернувшись домой, Саманта рассказала американцам, что СССР хочет мира.

Через два года Саманта погибла в авиакатастрофе. Но искра надежды, которую она заронила в души людей, не погасла. И взрослые уже всерьез говорят о детской дипломатии и о ее влиянии на судьбы мира.

И сохраняется память о Саманте Смит, девочке, которая показала всему миру, что беречь планету должны не только взрослые, но и дети.

Сергей ИВАНОВ

Таня Смелая и Алеша Пряников

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ «ИСЧЕЗНУВШИЕ ЗЕРКАЛА»

Рисунки А. ОСТРОМЕНСКОГО

История, которую мы здесь начинаем печатать,— это отрывок из повести. Вся она выйдет в издательстве «Детская литература» в будущем, 1989 году...

Печатать отрывки вообще дело сложное, а уж отрывки из середины — тем более. Сами подумайте: в середине книжки герои уже давно все перезнакомились. Кто подружился, кто наоборот — поругаться успел. Но так или иначе они знают друг про друга все: и кому какая группа нравится, и у кого сколько сестер, и как чьего дедушку зовут...

А мы, раз начинаем с середины, то оказываемся полными новичками... чтобы не сказать профанами. Кто, например, такой человек со странным прозвищем ДТ? Мы знать не знаем. А он чуть не главный герой! Таких вопросов множество.

И вот приходится писать это предисловие. Скучное, однако необходимое. Итак...

Главный герой здесь все-таки не ДТ, а Таня Смелая. Две недели пройдут, лето кончится, и Таня станет ученицей четвертого класса.

А смелая Таня не только по фамилии. Она и правда очень решительный человек. За справедливость готова пойти в любое сражение!

У Тани есть друг-товарищ Алешка Пряников, учится с нею в одном классе... Алешка — все наоборот, совсем нерешительный, вообще не любитель ввязываться в истории.

Зато он потрясающе умеет придумывать. И любит это дело. И, между прочим, своими придумками часто выручает Таню Смелую из бед...

А еще тут будут участвовать сестры-двойняшки, похожие друг на друга, как две капли воды. Их зовут Ирина и Марина. И с ними много кой-чего связано в этой повести. Например, с помощью сестер Алешка провел уже упоминавшегося здесь ДТ. Для дела — причем для Таниного справедливого дела — надо было внушить этому ДТ, что Таня и Алешка волшебники. В сие, конечно, ни один нормальный человек не поверит. Но когда на ваших глазах девочку одиннадцати лет проводят сквозь стену современного железобетонного дома...

Так именно и поступил хитроумный Алешка: таинственным движением руки отправил девочку в подъезд, где жили Таня, ДТ и он сам, пробормотал какие-то слова, и... девочка появилась с противоположной стороны дома. Волшебство называлось: «Проникающая сквозь стены». У бедного ДТ буквально глаза вылезли на лоб, а челюсть отвалилась. Он ведь не знал, что роль заколдованной исполняют двое — Ирина и Марина.

Ну и, наконец, настало время объяснить, кто таков ДТ. Он тоже не простой человек.

ДТ всех всегда выслеживает! Потому и прозвище такое имеет: ДТ — детектив.

Только ребята во дворе сильно его не любят. И даже поколачивают — когда случается возможность. А кто ж тебя будет любить, коли ты занимаешься презренным и подлым делом — подглядываешь за всеми!

Но так случилось, что Тане однажды пришлось воспользоваться услугой ДТ. Так случилось в предыдущей главе, а в этой...

Неизвестно, зачем Тане понадобилось... но зачем-то понадобилось: давай, говорит, примем ДТ к себе.

Ничего себе заявочки!

Однако Алешка даже не пробовал спорить: как известно, споря с женщиной, можно уменьшить свое долголетие вплоть до немедленной смертной казни!

Поэтому хитроумный Алешка сказал, что он вообще-то согласен, только давай сперва как следует «продадим» ДТ секрет «Девочки, проникающей сквозь стены». Таня в ответ неопределенно пожала плечами, и тогда Алешка стал излагать свой план.

Вот ДТ приходит к Тане (у Смелых днем никого, значит, можно спокойно проводить опыты), и они сидят минут пять, ждут. Причем в полном молчании. Если ДТ начинает заводить беседы, ему не отвечают, только палец к губам... На людей это действует очень неплохо.

Потом звонок в дверь — входит «Девочка, проходящая сквозь стену»... Шторы полузанавешены. Девочка раскланивается, причем не только с ДТ, но и со стульями, со шкафом, с письменным столом... Это тоже неплохо действует.

Потом Алешка сажает ее в коробку из-под цветного телевизора «Рубин», накрывает коробку каким-нибудь покрывалом, шепчет что-то. Они выходят в другую комнату. Там на диване возвышается какой-то непонятный предмет, тоже под покрывалом. Алешка срывает это покрывало — на голове стоит «Девочка, проходящая сквозь стены».

Легким касанием руки Алешка ставит ее на ноги, делает несколько пассов и уходит из комнаты, заперев дверь на ключ. ДТ, Алешка и Таня возвращаются в первую комнату, где коробка от «Рубина»... Коробка, естественно, пуста! Вдруг раздается звонок в дверь. Таня говорит: «Неужели мама? Все испортит!» Входит «Проходящая сквозь стены». Алешка властным движением опять сажает ее в коробку из-под «Рубина», шепчет, набрасывает покрывало. Они опять идут во вторую комнату. Алешка сдергивает покрывало со странного предмета, стоящего посредине. А это

«Проникающая сквозь стены» в гимнастической позе «ласточка».

Они снова выходят из комнаты и снова запирают дверь. Возвращаются в первую, коробка опять, конечно, пуста! Садятся, ждут, несколько раз Алешка напряженно смотрит на входную дверь. ДТ уже начинает злорадствовать. И вдруг раздается стук в балконную дверь. Алешка вскакивает, отдергивает штору — на балконе стоит «Проникающая»!

Они снова засаживают ее в коробку, снова возвращаются во вторую комнату и там находят «Проникающую», которая стоит, распластавшись вдоль стены... И так далее и тому подобное, пока наконец этот осел не догадается, что «Проникающих» двое. И тогда все собираются в одной комнате и начинают смеяться до полусмерти.

Все это Алешка рассказывал очень ярко и красочно, а Таня не спеша мыла посуду после семейного завтрака... Надо заметить, Алешке самому нравился его ярко-красочный рассказ. И в первую очередь потому, что вождение ДТ за нос могло состояться не раньше, чем недели через две: двойняшки были сейчас в лагере. Так что Алешка чувствовал себя абсолютно спокойно.

Ему на фиг не нужен был этот ДТ. Но ведь за две недели много чего может случиться — не так ли? Например, Таня поймет, что со столь подозрительным типом заводить дружбу — это же... после сто лет не отмоешься!

— Нет,— Таня покачала головой.— Две недели — плохо. За две недели уж все лето быстро пройдет.

Алешка, который на то и рассчитывал, что «все лето пройдет», невинно пожал плечами: мол, не я же придумал, что в августе всего тридцать один день, а не сорок восемь, например.

— Значит, надо его просто так принять! — Таня громко поставила последнее вымытое блюдце на сушилку.— А «Проникающую» можно и потом устроить! Если уж ты так сильно хочешь над кем-нибудь поиздеваться.

Алешка сам не знал, зачем это и почему, но ему нравилось приходить к Тане, о чем-нибудь с ней разговаривать, куда-нибудь ходить. И кстати, он уже прикидывал, удобно ли это будет со следующего года носить ее портфель... Некоторые четвероклассники, кажется, носят... некоторым четвероклассницам...

Да, пожалуй, можно: уроков-то прибавится и учебников прибавится. Значит, и портфель потяжелеет.

В общем, Алешка готов был уступить ей в любом деле. Только не с этим треклятым ДТ! Его никто не любил, его все гоняли. И вдруг Алешка пойдет с ним рядом... Да тогда ни один пришелец с Алеш-

кой в контакт не вступит! А это было самой дорогой его мечтой — вступить в контакт с пришельцами из Космоса. У Алешки имелось для небесных гостей несколько очень неглупых вопросов...

Хотя пришельцам-то как раз можно объяснить про ДТ, они — иная цивилизация. Но вот с ребятами из своего двора как? Сперва презирать начнут, а потом и отметелят — правильно сделают!

Нет, не хотел Алешка свое честное имя марать. Тем более, драться он не умел. И знал, что вряд ли когда-нибудь научится...

Таня же считала все наоборот: если ДТ с ней, значит, она как бы обязательство за него дает и всем говорит: не я стала, как ДТ, а ДТ становится таким, как я!

Драки же она не боялась. Потому что была Смелая не только по фамилии и потому что была... девочка: девчонкам ведь достается намного меньше, чем мальчишкам. Ей просто скажут: «Ну-ка рули отсюда!» И привет. А лупить-то будут Алешку...

Итак, наступил в дружбе решающий момент, решающий! Ссориться Алешке смерть как не хотелось. Но и с ДТ контачить...

И тогда он прибег к своему обычному способу — к вранью. Перво-наперво сделал вид, что молчит он не почему-нибудь, а потому только, что обдумывает некий план. Таня, которая тоже, конечно, не хотела ссориться (тому, кто не знает, сообщим, что она «зачем-то» вышивала на Алешкиной футболке слово «Динамо»)... Таня сразу заметила, что Алешка не дуется, а думает. Однако чтобы заглушить в себе все «посторонние чувства» и оставаться командиром в их дружбе, сказала строго:

— Только прежде чем врать, ты сперва...

Дальше все было ясно, как в мультфильме. Алешка стал говорить, что он и не собирался врать, что он вообще... Ну и тому подобное.

Наконец он поведал Тане тайну (о которой минуту назад и представления не имел): оказывается, готовясь к общению с инопланетянами-пришельцами-тарелочниками, он разработал некоторые особые способы связи — при помощи облаков. Мысль, если ее сильно думать, вылетает из головы, ударяется в облако и летит туда, куда ты ей прикажешь.

И вот Алешка предлагал — чтобы все было у них без спору, без драки — вызвать при помощи облаков сестер из лагеря, устроить цирк под названием «Проникающая», а потом, если уж так хочет Таня, законтачить с этим несчастным ДТ.

— А при чем тут все-таки облака? — спросила Таня подозрительно.

— Ну, на небе же ничего другого нету.

— А при чем тут небо?

— Ну, этот вопрос еще до конца не изучен...

Таня не верила ему. Хотя... по телевизору она видела кино про спутники связи: из Москвы посылают сигнал, он в спутник тоже как бы ударяется, а во Владивостоке смотрят передачу... Хм...

Помнится, Таня как-то заметила, что Алешкино лицо — телевизор души: все мысли можно увидеть. Однако и сама Таня тоже не очень-то умела скрывать лицом свои мысли. И хитромудрый Алешка усек: вроде бы она ему не верит, но вроде бы и начинает сомневаться — вдруг все-таки правда?

— Давай хотя бы опыт поставим, Тань! Дня на три-четыре. (А за четыре дня, хе-хе, сколько воды утечет!)

— Почему так долго-то?

— Во-первых, им из лагеря не так-то легко сорваться, правда? А во-вторых, мне облако нужно подходящее...

— Какое?

— Ну, погуще и чтобы такое... покруглее...

Таня вдруг вышла на балкон:

— О! Пожалуйста! Сам напросился! Вон тебе висит, как по заказу. Густое — раз и круглое — два.

Дело в том, что с того места, где сидел Алешка, вообще ничего, кроме синего неба, видно не было, поэтому он совершенно спокойно рассуждал про облака. Но, как это довольно часто бывает, его вранье против него же и оборачивалось.

Вслед за Таней Алешка Пряников вышел на балкон... Облако действительно было что надо. Высокое, курчавое. И в то же время тяжелое, с темным таким днищем — словно напоминало: осень, граждане, уже не за горами... Да, попался, так попался!

— Ну, чего же ты? Посылай свои мысли!

— Посылаю-посылаю, — нехотя ответил Алешка...

А все же по крайней мере дня два у него будет! Пусть не четыре, но все-таки два. Тоже немалое

время... Так думал Алешка, а сам хмурил лоб, кусал губу — в общем, делал вид, что долбит мыслями это бедное облако...

В дверь позвонили.

— Неужели мама? — сказала Таня удивленно.

Невольно Алешка подумал, что и этот звонок, и эти Танины слова были точно, как в Алешкином предполагаемом розыгрыше, — странно. Только в дверь должна была войти не мама, а «Проникающая»...

Каково же было его изумление и даже ужас, когда в дверь действительно вошла Иринка... а может, Маринка:

— Привет!

Посмотрела на побледневшее Танино лицо, на Алешкину отвисшую челюсть:

— У вас, чего, в квартире пожар случился? Или убежала змея-гадюка? — И улыбнулась выжидательно.

— Ты как сюда?.. — Алешка говорил, словно камни ворочал. А Таня так вообще не могла слова вымолвить.

— Я к тебе захожу, а мне твоя сестра говорит,

что ты... у Тани...— И неуверенно замолкает, может, все-таки она чего-то не то говорит...

— Нет! Как ты вообще приехать догадалась? Ты мой вызов услышала?

— Какой вызов?..

Тут Алешка наконец взял себя в руки, сделал значительное лицо и сказал:

— Ладно, после! Я хочу сказать, зачем же ты конспирацию не соблюдаешь? Я же предупреждал: со мной пока общаться только с помощью телефона!

— Но мы не могли доверить телефону нашу тайну! — очень серьезно сказала Ирина-Марина.

— Почему?

— А потому что у нас в лагере телефона нету! — и засмеялась.

И Таня засмеялась — она уже пришла в себя, поняла, что просто получилось дикое совпадение, вот и все.

— Я приехала одна. Иринка в лагере осталась...

Наконец-то Таня и Алешка узнали, что перед ними Марина.

— У нас, понимаете, происходят такие довольно-таки жуткие чудеса в лагере, что без вас не разобраться... Только дай мне чего-нибудь поесть, пожалуйста, Тань. А то я даже не завтракала.

* * *

Лагерь «Рассветный» от Москвы недалеко. На электричке минут сорок пять. А если доехать до последней станции метро и там на автобусе, то и вовсе минут двадцать. Москва ведь растет. К бывшим далеким загородным речкам и бывшим дремучим лесам подползают под землей тоннели метро, подкатывают троллейбусы. Того и гляди на какой-нибудь остановке медведица войдет: мальчик, скажет, уступи тете место!

Но Москва действительно велика, и как раз от дома, где живут Алешка и Таня, до того лагеря — час на метро да потом еще этот автобус-экспресс. Потому что они живут на юге нашего города, а лагерь на севере. Расстояние почти сто километров... А как это себе представить — сто километров? Да никак не представишь. Но понятно, что очень много!

И они решили тогда: поедем лучше на электричке. На электричке как-то интереснее — пахнет настоящим путешествием. Вокзал — народу полно. И все откуда-то приехали, из какой-то страшной дали. Стоят — озираются.

Или, наоборот, уезжают, спешат с ног до головы обвешанные чемоданами и сумками. Глянешь — да таких свободно можно принимать в сборную по тяжелой атлетике.

А ты идешь себе, пробираешься среди этих могучих человеческих рек пусть и маленькой, но упорной лодочкой. И билет у тебя в кармане, и на душе у тебя спокойно, потому что ты имеешь официальный отпуск в командировку на три дня!

На три дня?! Да как же это получилось?.. А вот как!

Когда Маринка стала звать их в лагерь, чтобы... чтобы участвовать в той истории, о которой мы расскажем немного погодя, они, конечно, сказали:

— Ну как, Марин, подумай, как? Разве родители отпустят?

— А вы что-нибудь придумайте! — говорит Маринка... И Таня тут поняла, что Марина с Ириной довольно-таки часто что-нибудь «придумывают» для своих родителей, для учителей, для воспитателей в лагере.

— Я же, видите, приехала! — говорит Марина, словно в подтверждение Таниной мысли.— Одна, из такой дали. А вы втроем не можете?.. Сможете!

— А почему втроем-то? — спросил Алешка, предчувствуя недоброе.

— А потому что там работы ровно на троих!

— Так нас же двое — Таня и я...

— А вы прихватите того мальчишку, который следить умеет.

Тут у Алешки такое лицо сделалось, что Таня, сама того не желая, начала смеяться, как будто ей показали пластилиновый мультфильм... Действительно, ДТ буквально обложил Алешку со всех сторон... елки-палки!

Еще продолжая смеяться над Алешкой, Таня сняла телефонную трубку, стала набирать номер... Видали! Даже номер уже наизусть помнит!

— Да нету его,— сказал Алешка с презрением и тоской.— Шпионит небось где-нибудь!

Но ДТ оказался дома. Был у человека нюх — что там говорить! А может, он и правда исправляться начал?..

Через пять минут ДТ был на месте, смотрел и слушал. И уши его, казалось Алешке, слегка поворачивались, как чаши радиолокаторов, в сторону того, кто говорил... Верно замечено, что работа накладывает на человека свою печать. У рабочего, например, у честного кузнеца, руки большие и мускулистые. А у ДТ вот уши разрослись... Так тебе и надо!

Однако делать было нечего. Лучше уж, рассудил Алешка, уехать отсюда с ДТ на несколько дней, чтоб никто лишний хотя бы их не видел... И пусть Таня сама убедится кое в чем!

Но как пропасть из дома на два, а то и на три дня? Способ Ирины — Марины по пропаданию из лагеря тут не годился. Они воспользовались своей похожестью. Оставшаяся в лагере Иринка на завтраке сперва поела за себя, потом говорит:

— Ой, пойду Маринку позову, она в туалете застряла — никак руки отмыть не может!

Воспитательница у них добрая, а ребята уже тут как тут — стали быстро рассказывать (вернее, «лапшу на уши вешать») про клетку для морских свинок да про жутко пачкучую краску...

Иринка тем временем майку переодела, бант из волос вынула и в столовую. Ей кричат:

— Давай быстрей ешь, весь отряд задерживаешь!

А для Иринки, между прочим, съесть два завтрака — это одной левой, не снимая пиджака.

Потом у них была подготовка к общелагерному сбору под названием «Я умею». Иринка должна была участвовать в хореографической шутке «Танец маленьких медвежат» (под музыку «Танец маленьких лебедей»), а Маринка была занята в пирамиде, где один первоклассник должен был держать шесть человек (на самом деле они все висели на полуневидимых канатах).

Иринка сперва отпросилась в балетном кружке будто бы помочь сестре на пирамиде, а потом (уже в виде Маринки) отпросилась у физрука «помочь сестре танец разучивать».

А сама сидела в кустах перед отрядным домом и ждала, куда ее позовут. Если в балет, она бежала как Иринка, а если в акробатику — как Маринка.

Хороший способ, но у ДТ, Тани и Алешки не было таких жутко похожих братьев и сестер... Собственно, у них вообще была «одна на троих» старшая Алешкина сестра — Альбина. Но она для таких вещей совсем не годилась...

Хм... Тут Алешку как раз и осенило! Альбину все-таки можно использовать! Но только, конечно, совсем по-другому.

— У тебя рюкзак есть, ДТ?

— Есть,— ответил ДТ и убрал голову в плечи, уж очень решительно Алешка его спросил.

— Тогда иди собирайся, чтоб тебя не ждать! Встреча через пятьдесят восемь минут!

Он бы мог сказать и через час, но тогда какой же он был бы Алешка Пряников!

— И ты тоже, Тань, собирайся.

А сам он кинулся на четвертый этаж, в свою квартиру с заколдованным номером 313, который в ту и другую сторону читался одинаково. Алешка придумал, чтобы сестрица Альбина позвонила своему знакомому однокласснику некоему Алехину Вите, а тот пришел бы и Пряниковой маме сказал, будто он вожатый и берет Алешку, Таню и ДТ в поход на три дня... Дело в том, что в заброшенном песчаном карьере — это здесь недалеко, пешком, может, минут сорок, а на троллейбусе и говорить не стоит — так вот, в том карьере обнаружено древнее лежбище динозавров. Школа начинает археологические раскопки, поэтому несколько наиболее опытных ребят... В общем, дальше Алешка мог плести, как говорится, отсюда — до завтра.

— Никуда я звонить не буду! — строго сказала будущая восьмиклассница.— И никуда ты не поедешь!

Но по тому, как сестра отвернулась, Алешка понял: может, Альбина и рада бы позвонить Алехину — хоть по такому поводу,— однако гордость не позволяет.

Дело в том, что Альбина сильно страдала по Вите Алехину. Но Алехин, как это слишком часто случается в жизни, был влюблен в совершенно другую девочку — в Рыжикову Таню... Из-за этого жуткая история случилась... Вернее, случилась бы, если б Таня Смелая и Алешка не помогли Альбине и не помогли Рыжиковой и Вите...

Да, вот представьте себе: ученики четвертого класса выручили восьмиклассников. Подробности тут рассказывать не стоит. О них вы узнаете из будущей книжки. Но, так или иначе, Алешка считал: сестра могла бы быть с ним поласковей...

— Только ты не забывай, что тебя кое-кто спас! — сказал он сурово.

— Никто меня не спасал! — крикнула Альбина.— И это неблагородно — напоминать такие вещи!

Глаза у нее при этом были такие, как будто Алешка — это директор школы, а Альбина — провинившаяся ученица первого класса.

Да теперь уж и первоклассниц-то не бывает таких пугливых. Поэтому Алешка просто не смог найти подходящего сравнения. Он даже хотел пожалеть Альбину. Но кто же это жалеет старших сестер, которые: в кино — пожалуйста, вечером допоздна — сколько хочешь, денег на проездной билет (а по правде — на тушь для ресниц) — на, милая девочка... Нет, сестер-восьмиклассниц особенно жалеть нечего. И Алешка молча ушел. Правда, не сказав Альбине ни одного колкого слова.

Мама Алешкина была сегодня дома до полудня, и если она уйдет, если не успеет Алешка и все затянется до вечера, то может вообще сорваться. Почему? Да потому что в рискованных и хитроумных делах лучше действовать сразу: эти дела не клубника, они «вызревать» не любят. Уж коли сравнивать, то они больше похожи на спичку. Чиркнул — загорелось.

Но именно вот надо было чиркать...

Алешка поднялся на девятый этаж и позвонил в дверь, где жила Рыжикова... Эх, погода слишком хорошая — небось где-нибудь загорает! Нет, представьте себе, дверь открылась, на пороге первая красавица восьмого «В». И из квартиры дым, как на пожаре: этот Витя Алехин, он и так-то хиловатый да еще курит. Во, надо Тане чего сказать: с куреньем бороться!

Рыжикова между тем сделала такое лицо, с которым говорят что-нибудь вроде: «Мальчик, тебе чего?». Но слишком она хорошо знала, что Алешка не просто «мальчик». Он ее очень выручил однажды. И поэтому взрослая Таня просто ждала, что скажет этот немного полноватый, взъерошенный маленький человек, немного странный мальчик...

И «немного странный» сказал «немного странное».

— Тебя мы знаем лучше, чем его.— Алешка уверенно кивнул на закрытую дверь комнаты.— Поэтому я тебе расскажу, что надо, а ты объяснишь ему.

Потом он все рассказал про якобы поход и про якобы вожатого. Рыжикова старалась улыбаться, но это у нее не очень получалось.

— Послушай, а я могу быть уверена, что...

— Можешь!

— Но ведь мы теперь несем за вас...

Алешка остановил ее взглядом, полным такого спокойствия, что у бедной Рыжиковой только и хватило мужества как бы равнодушно пожать плечами:

— Ладно, сейчас...— И она ушла в ту дверь, за которой, наверное, продолжал дымить ее милый Витечка.

Прошло сколько-то времени, Алешка стоял в крохотном предбанничке между открытой дверью на лестницу и закрытой в комнату. Ему было до ужаса неуютно и очень хотелось уйти. Но он знал, что сейчас-то как раз все и решается: не согласится этот Витя-курящий — и привет!

Алешка собрал всю силу воли и представил себя каким-то неизвестным даже ему самому человеком, который пришел из дэза, чтобы проверить жировку за свет. А хозяева никак эту бумажку найти не могут и волнуются там за дверью, тихо ругаются. А он, Алешка, — неизвестный человек, стоит себе, в ус не дует. Его дело маленькое: найдут — молодцы, не найдут — штраф будут платить!

Но из-за прикрытой двери никто не появлялся так долго, что это успокоительное думанье кончилось, просто все передумалось, до конца.

И уже через силу, только чтобы хоть как-нибудь не бояться, он стал думать про слово «жировка» — какое оно на самом деле смешное! Ведь это же простая квитанция, а ее называют ни с того ни с сего «жировка»! Уж назвали бы «мясница», или «маслятница», или вообще «конфетиха».

Так он себя старался веселить, ни капли при этом не веселясь, а только чувствуя на сердце тоскливое и медленное жжение. Елки-палки, придет он наконец?

И наконец ОН пришел. От него этим дымом вонючим несло, как от Змей Горыныча после битвы... Алешка во втором классе имел такую глупость — покурить для пробы. Его, конечно, сразу поймали... ну и так далее. Остальное рассказывать неинтересно. А под конец мама сказала, что дети — кто курит — перестают расти.

Но Алешка уже тогда был довольно высокий и упитанный ребенок, так что мамино запугивание

на него не сильно подействовало. А вот теперь он посмотрел на Витю Алехина и понял: правду мама говорила, не растут!

Однако чувствовал себя этот Витечка, будто он по крайней мере мастер спорта по плаванию. Хотя они с Алешкой... не одного, конечно, роста, но чуть ли не одного! Подходит эдак почти вплотную — тоже как-то неприятно — и спрашивает:

— Это ты, что ли?

Как будто здесь, кроме Алешки, еще человек десять. Сразу весь страх и тоска пропали, и Алешка подумал: все-таки очень хорошо получилось, что Альбина с ним не законтачила, а то бы еще, не дай бог, поженились, потом всю жизнь общайся с таким! И Алешка сказал:

— Не, это не я. Он там, за дверью стоит,— и мотнул головой на лестничную площадку. Да так натурально, что даже сам испугался. Сейчас этот Алехин выглянет, никого не увидит, поймет, что Алешка над ним острит... ну и пиши пропало.

Но Витя вдруг улыбнулся — оценил Алешкин суровый юмор:

— Ладно, пойдем. Ты меня по дороге еще раз проинструктируешь.

В результате он оказался даже довольно толковым. Сразу, как говорится, «послал» Алешкину идею про динозавров, а сказал, что в школе будет проводиться в начале сентября туристическая игра, и им надо выбрать место для палаточного лагеря.

Дальше все получилось отлично. Во-первых, Алешкина мама знала этого Витечку. И не просто даже знала, а с намеком на Альбину! Во-вторых, когда «ребенок» летом застрял в Москве, родители чувствуют себя перед ним виноватыми.

И мама легко отпустила Алешку. Да еще сказала, что все передаст Смелым и Степановым (родителям то есть Тани и ДТ). «И, конечно, им объясню...»

Послушно кивнув маме, что он выполнит ее наказ и пойдет в поход со старшим товарищем Витей, Алешка в изумительном настроении позвонил Тане: мол, давайте там, обедайте по-быстрому с Маринкой, и я за вами захожу. Потом позвонил

ДТ — в том же отличном настроении, но говорил уже другим голосом, суровым:

— Вам надлежит через двадцать пять минут быть у метро! — и разъединился. И подумал, что не успеет ДТ поесть: двадцать пять минут — только-только домчаться... А ничего! Немного ослабить противника неплохо. Это во-первых. А во-вторых, никто во дворе не увидит, что они едут куда-то вместе...

* * *

Благополучно добравшись до вокзала, они все четверо сели в электричку. И тут чувство свободы, которое опасливо пряталось по закоулкам души, вырвалось на свободу. Да, вот так вот — понимайте, как хотите: чувство свободы вырвалось на свободу! Веселое такое, легкое, вольное. Трое суток сам себе господин. Как хочешь, как можешь, так и живи! И родители за тебя спокойны — значит, совесть по ним не скулит.

И вместе со свободой в лицо тебе веет холодок опасности: это так Таня думала...

ДТ был решителен, серьезен и, говоря по-взрослому, сосредоточен. Три дня свободы были для него и тремя днями экзаменов. Он что есть силы мечтал выдержать эти экзамены и... понравиться одному человеку.

Таня и Алешка не замечали, а на самом деле он был довольно симпатичный мальчик. Маринка, которая не знала странной биографии ДТ, смотрела на него и старалась не влюбляться — до сестры Иринки. Так уж у них было заведено: если влюбляться, то вместе!

Алешке, если по-честному, не очень улыбалась встреча с опасностями... Не то чтобы он был труслив — нет, неправда. И многие случаи из его жизни, здесь уже описанные, говорят, что он был как раз достаточно решительным человеком... когда надо. Но Алешка не любил приключений, не лежала у него к этому душа.

Например, скрипка — достаточно крепкая вещь, и ею можно при случае забить гвоздь. Только ведь она не для этого родилась на белый свет... Так думал Алешка. А пример этот он вычитал в какой-то книжке, только забыл в какой. И считал его уже как бы своим собственным.

На всякий случай он решил еще раз продумать всю ситуацию, чтобы, может быть, уже сейчас найти какое-то умное и безопасное решение.

— Давай-ка, Марин, расскажи нам еще разок, как там все было-то...

Произнес он это негромко, без всякого нажима. Но сейчас же весь бывший до того разговор прекратился, показавшись им посторонним и лишним. У Алешки огромнейший авторитет вырос после того, как он столь замечательно добыл им три дня свободы.

А история-то действительно заслуживала того, чтобы не спеша поломать голову, а не бросаться в нее, как некоторые неумные «смельчаки» прыгают с обрыва в речку.

— Ну, я же вам уже...— начала Маринка.

— Не,— перебила ее Таня,— ты говори, как будто ты нам еще ничего не рассказывала!

Ученый Алешка, ДТ, специалист по такого рода делам, Таня — просто умный внимательный человек — знали, что подробности дорогого стоят. И дважды послушать одну и ту же историю бывает очень и очень полезно...

Лагерь «Рассветный» жил своей вполне накатанной жизнью, какая бывает в третьей смене, когда все друг друга знают, все друг к другу привыкли, а редкие новички быстро становятся в строй общего порядка. И вдруг в лагере пропали зеркала! Можно сказать мгновенно, за два дня.

Ну, не все, конечно. Осталось огромное и, наверное, старинное трюмо в клубе, остались зеркала, привинченные к стенкам умывальни. Еще там что-то где-то... Но личные зеркала, которые обычно зовут «зеркальцами», исчезли!

(Кое у кого они сохранились: бывают ведь такие девчонки, которые без зеркала минуты прожить не могут и вечно таскают его с собой. Но, как говорится, девяносто девять целых и девять десятых процента людей зеркал своих лишились!)

«Свет мой, зеркальце, скажи да всю правду доложи...» Дождешься от него!

Само собой в основном пострадали девчонки... В лагере пять отрядов, около ста двадцати человек. Девчонок... ну, около шестидесяти. И примерно пятьдесят зеркал исчезло. Серьезная история. Тем более зеркало — такая вещь... Если о ней долго думать, на душе становится как-то неспокойно и даже жутковато: почему это в них все отражается, кто ходит внутри зеркал, когда мы не видим?.. И многое другое, о чем обычно разговаривают в темноте, после отбоя, когда наконец удается убедить вожатую, что все спят, и она уходит...

Вдруг теперь эти зеркала исчезли!

— Пойдем к решению загадки постепенно,— сказал Алешка.— Сороки совершенно исключены? Они ведь сверкательное любят...

— Сколько же надо сорок! — Маринка усмехнулась.— И потом исчезновение произошло сперва в пятом и четвертом отряде, а потом в третьем, втором и первом! Значит, сороки знают обратный счет? Как на космодроме?

— А случайностью это не могло быть? — спросил ДТ, которому тоже хотелось, что называется, «принять участие».

— Могло.— Маринка улыбнулась.— Только ведь так не бывает.

— Сперва украли у маленьких, — сказал Алешка с глубокой задумчивостью в голосе,— у них же всегда неразбериха, что-то теряется. А потом у взрослых. Так?

Маринка кивнула, подтверждая его проницательность и свое уважение к ней...

Между тем они приехали, сошли вместе с небольшим облачком народа, которое тут же растаяло среди зелени и узких улиц. ...А впрочем, зелени здесь было не больше, пожалуй, чем в их московском районе. Но вот что прохладней — это точно. То ли оттого, что все-таки загород, то ли оттого, что по сравнению с тем местом, где жили Таня, Алешка и ДТ, северней на целых почти сто километров.

Они пошли по серому асфальтовому шоссе, вымытому дождями, присыпанному желтыми листьями... Такого асфальта в Москве не встретишь. В Москве он всегда черный, истоптанный автомобильными бегучими ногами. А здесь машины проносились редко, но зато уж действительно проносились — будто все они пожарные или милицейские. Зачем это им надо?..

— А зачем это ему надо? — вдруг спросил Алешка. Таня даже вздрогнула от такого совпадения.

— Кому? — откликнулась Марина.

— Ну этому, зеркальному преступнику... Есть у вас какие-нибудь досье по этому вопросу?

Вообще-то слово «досье» имеет совсем другое значение. Но Маринка отлично поняла, что юный ученый хочет спросить про подозрения. А слово

это — просто, чтоб интересней было. И она стала рассказывать, что есть «досье» про одну девчонку из их третьего отряда... такая противная! В нее никто влюбляться не хочет, и она за это на всех злится. Вот и украла... небось...

— Кто-нибудь видал? — не понял ДТ.

— Да нет. Это же досье!

— А-а...

А есть еще мальчишка злой, из ихнего, из второго отряда. Он с одной девочкой ходил, а потом она говорит: «Я не хочу с тобой дружить!». И он стал всем грубить. Мимо идет — обязательно или толкнет, или заденет: «В хоккей играешь?.. Значит, учись!»

Оба случая, получалось, из-за любви, и Тане как-то неудобно было слушать, и она не верила в такие «досье», и еще было странно, что Маринка старше нее всего на год, а так спокойно говорит про это!

Алешка и ДТ стали рассуждать, могут те мальчишка и девчонка быть зеркальными преступниками или не могут. И совсем не стеснялись. Может быть, впервые Таня почувствовала, что она самая младшая из них!

И скорее, чтобы не быть такой «малюткой»

и «крошкой», Таня тоже заговорила своим обычным веским командирским голосом. А вместе с голосом пришли и правильные слова, что нельзя обвинять кого попало. Подумаешь, человек тебя толкнул — это еще совсем не доказательства. Так очень легко можно весь лагерь записать в подозреваемые!

У Маринки на примете было еще несколько личностей — из тех, которые смотрятся в зеркала каждую минуту и у которых не украли... Или у которых просто были запасные зеркала. Теперь они ходят по лагерю и разрешают желающим посмотреться за десять копеек... Так, может, думала Маринка, это сделали — чтобы с людей деньги сдирать?

— Я в это тоже не верю! — сказала Таня.

— А во что же ты веришь тогда? — спросила Маринка довольно неприязненно. Наверное, ей обидно стало: думала-думала, подозревала-подозревала, а тут приезжает какая-то бывшая третьеклассница...

* * *

Но поссориться и даже просто обменяться неприязненными взглядами оказалось уже некогда — они пришли. Было, надо сказать, довольно удобное время — тихий час: можно пробраться в лагерь под покровом сна...

Это так в первую минуту им показалось, а потом они быстренько сообразили, что взрослые-то не спят и, наоборот, сразу увидят, что трое каких-то подозрительных бродяг крадутся по территории лагеря.

Маринка посмотрела на часы:

— До горна еще сорок пять минут. Мне здесь тоже светиться...— она усмехнулась,— не светит. Пойдемте пока на дачу!

Лагерь, оказывается, стоял среди обычных дачных участков. С лицевой, самой длинной стороны — улица, а с боков и со спины дачи. Все огорожено забором, все нормально — живут, не ссорятся. Хотя особенно и не дружат. У пионерских лагерей ведь свои особые законы, свой режим и так далее.

А одна дача пустая. Здесь, говорят, какой-то профессор живет. Только он в экспедицию уехал, чуть ли не в саму Антарктиду. И вот — двери закрыты-закупорены, на калитке замок.

Из лагеря сюда под покровом темноты или под покровом тихого часа пробираются отдельные личности — для особо секретного разговора, для мужского выяснения отношений... да мало ли! В лагерно-дачном заборе проделано для этой цели несколько дырок.

Они юркнули в лагерную калитку, потом прокрались за кустами вдоль забора... дырка. Через высокую, дикую, уже профессорскую траву тянется тропинка, заворачивает за большой и старый двухэтажный дом. Перед ним заросшая клумба и лавочка, старая, но еще крепкая вполне.

— Здесь будете жить,— сказала Маринка.

— Где?!

— Ну вот хоть на террасе. У нас у двух девочек есть лишние матрасы. А вторые одеяла мы с Иринкой уже попросили — нам сегодня дадут.

— А если нас заметят? — Алешка покачал головой.— Скажут: «О! Профессор из Антарктиды!» И к нам...

— Ну так вы не шумите...

Алешка посмотрел на Таню, она чуть заметно пожала плечами: а чего делать-то?.. ДТ сидел, закусив губу. Он, как и Алешка, побаивался, но говорить об этом ни в коем случае не хотел.

— А как мы в лагере будем появляться? — спросил Алешка.— Под видом голубей?

— Здесь тебе не Москва,— сказала Маринка с обидой,— здесь голуби не водятся!

Хотя обижаться ей бы следовало на себя. Ну действительно: возникают на территории лагеря три неизвестных личности. Чем заняты? Неясно. От всех зачем-то прячутся... Да их через пять минут обнаружат, еще через пять отведут к начальнику лагеря. Тогда вообще все пропало!

— Не знала я, что вы такие смельчаки! — сказала Маринка с чем-то в голосе, еще более обидным, чем простая обида. И она бы сразу ушла, но осталась, потому что до горна не могла появляться на территории лагеря.

Таня изо всех сил старалась на нее не сердиться и продумывала какой-то сказочный вариант, чтоб устроить общий сбор и честно дознаться до истины.

Только это все была, конечно, полная ерунда!

Значит, ничего не оставалось, как идти на риск — прятаться, ползать, ходить на цыпочках. И неминуемо попасться на глаза честным людям. Но что же было ей делать? Сказать: «Да, я боюсь»? И уехать? Нет уж! Не для того меня зовут Таня Смелая!

И она сказала:

— Я лично остаюсь тут и буду искать «Зеркального»!

ДТ молчал, глядя на Алешку. И Алешка молчал, но глядя в землю. Как будто надеялся увидеть червяка, который невидимо и неслышимо пробирается там внутри по своему червиному метро.

Потом он вдруг улыбнулся, словно действительно сумел увидеть под землей того червяка... Таня с облегчением и с беспокойством поняла: придумал что-то!

— Вы знаете, кто мы? — Алешка почти строго посмотрел на Маринку.— Вот мы трое?.. Мы внуки профессора... как его там фамилия-то?

— Чуркин...

— Отлично! Дедушка Чуркин, а мы его чуркинята!

Маринка, которая только что собиралась сказать «все, что она думает» про Алешку и его команду, теперь рассмеялась — так громко, что ее, пожалуй, и в лагере могли услышать.

— Нас дедушка попросил землю вскопать. Чтобы на следующий год сорняки не росли, и мы пришли к вам в лагерь за лопатами, за гвоздями, за пилами — за чем хочешь. Дайте взаймы, пососедски... Здорово?! А потом дедушка, когда из Антарктиды приедет, он вам за это лекцию прочитает и кино покажет...

— Вы вообще можете по лагерю гулять! — закричала Маринка.

— Правильно! — закричал Алешка.

— Только мы совсем не похожи,— очень тихо сказал ДТ.

— Ну и что? — сразу заспорила Маринка.— Бывают и непохожие внуки! Что, не бывают, что ль?..

Как будто если она сейчас докажет это ДТ, то и взрослые в лагере поверят. Но взрослые не такие дураки!

— Да спокойно вы! — опять улыбнулся Алешка, и Таня поняла, что он опять придумал.— Приехал внук Алексей Пряников и два его школьных товарища, которые... ну, в общем, тимуровская помощь!

Тане как-то противно сделалось от такого вранья и как-то тоскливо, словно ты уже простудилась и заболеваешь, но еще не знаешь про это, а только ни с того ни с сего в сон клонит и все кругом вдруг неинтересно...

Пока Алешка, Марина и ДТ веселились над новой Алешкиной хитростью, Таня успокаивала себя, что, может быть, по-другому не бывает, когда идет расследование. Без вранья никак не обойтись... Вот, например, Шерлок Холмс в телеспектакле «Собака Баскервилей», он ведь тоже то прикидывался стариком, то прятался в пещерах...

На Танино счастье, тут и горн заиграл. Марина унырнула через дырку в близлежащий туалет. Оттуда ей легко будет выйти на глазах у всех, как будто она никуда и не ездила. Алешка посмотрел на Таню и на ДТ веселым, лихим взглядом... Даже, можно сказать, в з о р о м, потому что очень уж он был сейчас боевой, Алешка, очень уж, как будто он сидит на верном скакуне и осматривает свой отряд.

ДТ откликнулся взглядом «верного отряда», что, мол, он готов в огонь, в воду, в медные трубы, а то и куда подальше! Таня же просто отвела глаза... Ладно, переживем как-нибудь, подумал Алешка.

— Ну... пошли?! — И сам первый ринулся в дырку, на территорию лагеря.

Он шагал впереди, Таня и ДТ невольно вместе, как говорится, плечом к плечу, слегка сзади. Такой действительно получался «боевой отряд». Причем шел Алешка быстро и решительно, будто у него времени ну буквально в обрез!

Впереди замаячил какой-то взрослый. Он был в шортах, в кооперативной майке с надписью «Хэппи тайм» и с баяном. Он только хотел развести мехи своего баяна, чтобы все дружнее тянулись на полдник, но тут как раз к нему и подшагал Алешка Пряников со своим сопровождением:

— Здравствуйте, товарищ! Где я могу видеть начальника лагеря?

— Здравствуйте... А вы кто такие?

— Я внук профессора Чуркина,— Алешка кивнул в сторону пограничного забора,— а это мои друзья...

Баянист как-то немного потерялся... Не потому ли, что и он хаживал по каким-то своим делам на нейтральную профессорскую территорию?

— Начальник?..— Баянист сделал предупредительный жест рукой.— Вот пожалуйста, в том домике.

Сказав: «Спасибо!», Алешка произвел четкий поворот, словно ему скомандовали: «На пра-ву!», и зашагал к указанному домику. А баянист, глядя им вслед, чуть не заиграл вместо бодрой песни «Вставай, вставай, дружок!» грустный вальс «На сопках Маньчжурии», но сдержался...

Если одеть Арамиса в джинсы и современную рубаху, а в зубы ему дать прямую, так называемую капитанскую трубку, то это как раз и получился бы начальник лагеря «Рассветный» Евгений Евгеньевич Белов. Однако Алешке некогда было даже и полсекунды подумать о таких далеких вещах. Он четко, как пишущая машинка, отбарабанил свое вранье.

Арамис Евгений Евгеньевич отложил трубку, погладил правый ус... Видно, он не хаживал на нейтральную территорию и вообще у него хватало своих забот, кроме еще Алешкиных...

— Это мои друзья,— сказал Алешка уверенно, но как-то не очень.— Татьяна Смелая и ДТ...

— Что-что? — Арамис поднял правую бровь.

— Даниэль Тихонов,— быстро поправился Алешка, и ДТ глотнул воздуха, словно карась, оказавшийся на берегу.

— Ну, а мы-то... что? — Арамис посмотрел на бумаги, лежащие перед ним...

Если тот баянист, судя по его бодрому виду, провел тихий час в постели, то начальник-Арамис сидел вот здесь, за этим столом. И дыму тут табачного хватало, несмотря на то, что распахнутое за спиною Арамиса окно исправно глотало этот адский дым.

Очень и очень неловко было Тане врать такому человеку. И подумалось, что, может, не такая уж и глупая явилась ей мысль — устроить общий сбор. Или просто все рассказать — вот прямо здесь, вот прямо в данную минуту, вот прямо этому усталому Арамису.

Ведь они приехали не за плохим! И могли бы действовать с ним заодно.

Но так не бывает! Не бывает, чтобы ребята

подошли к взрослому, к начальнику лагеря: «Мы хотим расследовать тут у вас одно странное дело...»

— Мы хотим...— начал Алешка.— В общем и целом дед просил меня подготовить грядки к будущему году... Но я ключи забыл. Так разрешите, я буду пользоваться вашей калиткой и... нашей общей дырой в заборе. И вообще мы будем иногда появляться на вашей территории... И еще: нам бы три лопаты.

— Что ж, появляйтесь.— Арамис Евгеньевич посипел трубкой, выпустил синий с извивающимися лапами шар дыма, тут же разогнал его рукой, словно чтобы лучше видеть ребят.— Лопаты попросите на нашей биостанции... Ребята покажут... Я ведь знавал Олега Дмитриевича... Вам, кстати, помощь не нужна?

Так они узнали, что «дедушку» зовут Олег Дмитриевич.

* * *

Вечером детективы сидели на профессорской террасе при свете двух фонарей, покрытых Таниным платочком — чтобы в глаза не лезло,— и подбивали бабки, то есть рассказывали, кто чего сумел сделать.

Алешка, сказавшись шестиклассником, познакомился с той девчонкой, которая выпендривается и которая никого не любила за то, что ее никто не любил. Между прочим, ее и звали подходяще — Галя Неверова.

Алешка попросил достать четыре зеркала, которые ему нужны якобы для фотонного отражателя на приеме космических сигналов. И эта Галя очень хотела помочь Алешке: ведь с ней уже день десятый никто не хотел иметь никаких дел, плюс Алешка еще был якобы шестиклассник.

Но единственно, что она могла придумать,— зеркало в умывальной комнате. Говорит: хочешь, я его утащу, а ты разобьешь на четыре куска. Алешка едва отбоярился: мол, ему нужны не осколки, а ровные отражатели.

— Неужели она может девчонок совершенно без зеркала оставить? — не поверила Таня.

— Ну, она же на них злится.— Алешка пожал плечами.

— Она чего, такая некрасивая?

— Я не знаю, Тань... Я не приглядывался.

Двойняшки, которые сидели тут же, о чем-то быстро пошептались, но вслух говорить ничего не стали.

— А у тебя чего, Тань? — спросила Иринка.

Таня вступила в контакт с теми двумя девчонками из четвертого отряда, которые давали посмотреться за десять копеек. Таня им сказала, что хочет купить зеркало, цена пять рублей. Эти две дурочки стали ругаться, и каждая подсовывала свое. Таня оба посмотрела и говорит: мутные, другие достаньте, чтоб были яркие. Можете? А те: можем! Таня говорит: через час! И ушла. А через час приходит, они ей подают те же свои зеркалишки несчастные, только стекла протерты зубной пастой, а с другой стороны обвернуто золотой бумагой... Глупые же, четвертый отряд!

Вывод: если б у них были другие зеркала, они бы Тане их обязательно показали!

— А у тебя, ДТ?

— Никаких данных,— ответил ДТ, все так же оставаясь в полутьме.

Какое-то время они молча глядели, как бабочки и огромные некусачие комары, которых иногда называют «карамора», толкутся вокруг Таниного платка, под которым горят фонарики. То взлетают, то снова падают на пятно света. И странно так было на это смотреть и немного жутко. И невольно думалось: зачем это им надо?

И в погрустневшем вдруг сердце шепотом отдавалось: до чего же это осенние, августовские приметы, на небе крупные, переспелые звезды — того и гляди упадут, а у лампы или вот у фонаря эти бабочки и какие-то мошки, и огромные комары целым роем...

— Ладно, ешьте,— сестры стали разворачивать полиэтиленовые пакеты с припасенным для детективов ужином и двумя бутылками сладкого чая.— У вас еще три дня впереди!

— Вернее, два,— откликнулся Алешка.

— А может, и три, если сегодня за день не считать...— сказала Таня.— Мы же родителям точное число не говорили.

Сестры ушли — опасались, что вожатая заглянет в палату после вечернего педсовета. Да и потом они чувствовали себя не совсем складно: ведь действительно позвали людей помочь в расследовании. А чего-почему?.. Схватили каких-то первых попавшихся подозреваемых... Хорошо еще, Алешка придумал, как в лагере появляться!

Поужинав, Таня, Алешка и ДТ стали устраиваться спать. А это было не очень веселое занятие — ложиться на голый матрас и укрываться застиранным одеяльцем, и класть под голову рюкзак, у которого с одной стороны все пряжки да пряжки, а с другой — жесткие ремни.

Таня знала у себя такое настроение и знала, как от него избавляться. Надо сказать, что утро вечера мудренее, что завтра чего-нибудь да придумается...

Придумается же! Она отсюда не уедет, не поймав зеркального жулика! Вот и все. Значит, надо спать, чтобы завтра подняться бодрой и решительной.

Алешка рассуждал сам с собой, что отсюда надо мотать, пока хозяева не явились, пока соседи из других дач не заинтересовались, пока собственные родители не хватились. Он был почти уверен: ничего не получится с этим «Зеркальным»! Народ они не знают, а сестры-бестолковые, хотя и верные товарищи, но подозревают не того, кого надо, а того, кого они лично не любят. Так преступника не поймаешь!

Свою боевую задачу Алешка видел в том, чтобы отсюда уехать и чтобы Таня на это согласилась. А ДТ?.. Что ему скажут, то он и сделает!

Один ДТ продолжал заниматься детективной работой. Он думал про своего «подшефного», про того мальчишку из второго отряда: настоящий шестиклассник, с ним не познакомишься, как с Неверовой или с теми «продавщицами взглядов»,— он взрослый и гордый. Что оставалось ДТ? Следить! Просто следить, как он это делал, можно сказать, всю свою жизнь!

«Подшефный» — его фамилия была Истратов — сидел на террасе отрядного дома и играл сам с собой в такую довольно-таки скучную игру, которая называется «Йога»,— что-то вроде шашек, где вся задача — запереть противника «в уборную».

И он сидел над ней, как колдун... Вожатая бедная заглянет:

— Истратов Игорь, у тебя нога все еще болит?

А он ответит с особой небрежностью:

— Болит-болит! — Мол, твое-то какое дело...

А ДТ за ним упорно наблюдает. Нашел хорошее

местечко и смотрит, слушает. И заметил, кстати, когда на ужин шли, Истратов совсем не хромал. Значит, ничего не болит.

Это, пожалуй, и вожатая понимала, просто не хотела с ним связываться. Он же не балуется, не убегает, сидит, как... действительно, как колдун. Да пусть сидит. У вожатой двадцать человек — хорошие, так будет она себе из-за одного пенька настроение портить!

А вот чего не знала вожатая — это что Истратов жадный. ДТ за ним понаблюдал часок. У-у, думает, жадоба так жадоба!.. Хотя Истратов ничего такого не сделал... «жадного». Просто ДТ умел определять человеческие недостатки.

Нормальные люди чаще всего замечают, что в окружающих есть хорошего, а у таких, как ДТ, появляется с годами «профессиональное заболевание» — видеть в людях плохое. И ДТ точно знал: этот — жадина!

Жадность такое чувство, которое внутри человека долго сидеть не может. Однако за целый день Истратов свою жадность никак не ублажил. Мо-

жет, надеялся ДТ, ночью чего-нибудь устроит? Но едва протрубили отбой, Истратов улегся на свою кровать носом к стенке, укрыл ухо одеялом и... «клопа давить»!

Опять же есть способы узнать, притворяется человек или правда спит... Истратов спал! Лишь тогда, покинув свой пост, ДТ явился на профессорскую дачу — между прочим, последним, и намного последним.

Теперь он последним и засыпал. Он все думал про этого Истратова, довольно-таки, кстати, крепкого и дылдистого парня — значит, уж мог бы в отряде занять какое-то приличное место. Но вот надо же: был зол на весь свет!

И чувствовал ДТ: за этим Истратовым стоит еще последить! То, что ему никакие зеркала на фиг не нужны,— это ясно. Но что-то из того Истратова вытянуть можно.

Однако что? И главное — когда?..

Когда-то ведь этот Истратов живет по-человечески, а не сидит, как истукан, над своей йогой... Когда же?

И вспомнил ДТ один старый рассказ, подслушанный им, кстати, тоже в пионерском лагере. Два приятеля сидели на берегу и секретно разговаривали. А речка была узкая — ДТ все отлично слышал... Эх, комары его тогда пожрали, будь здоров! Но вот, оказывается, теперь пригодился тот разговор. Один другому рассказывал, как это глупо не спать допоздна, чтобы тебя вожатая грызла. Никакого удовольствия, если только ты не придурок и не любишь взрослых доводить, как некоторые придурки.

Куда лучше сразу уснуть и проснуться рано, когда еще все спят — и вожатые, и воспитатели, и начальник. Даже птицы еще спят. И получается, что ты — как ночью, потому что таинственность такая же, только спать не хочется и светло.

И причем ты совершенно один, совершенно! Хочешь, иди рыбу лови, хочешь, за грибами, хочешь, сиди думай. И никто тебе ничего не скажет, потому что рано вставать никто никогда не запрещает, ни в одном лагере!

И ДТ вдруг подумал, что, может быть, что даже наверное, Истратов пользуется ранним вставанием. И живет, как ему хочется, и ублажает свою жадность...

Наверное, еще никогда в жизни ДТ так не хотел добыть ценные сведения, как в этот раз. Ему очень надо было спокойно так, без суеты подойти к Алешке: «Я тут кое-что узнал...» И рассыпать бриллианты и самоцветы своей информации!

Причем именно не перед Таней (которую ДТ про себя звал Танька), а перед Алешкой (которого про себя звал Алеша или Алеха, когда они, в мечтах ДТ, сидели на лавочке и о чем-то разговаривали).

Нет, он не выслуживался, он хотел дружить. А для этого надо было доказать, что ты можешь, что ты умеешь, что ты ценный... Так ДТ представлял себе дружбу.

Потом, как человек, привыкший себя заставлять, привыкший себе приказывать, ДТ приказал себе уснуть и завтра проснуться рано, а вернее. даже очень рано. И он уснул.

А потом, показалось ему, сразу проснулся. Было утро, был утренний холод, была утренняя августовская серость, про которую думаешь, что день будет пасмурный, а оказывается, просто еще солнце не встало.

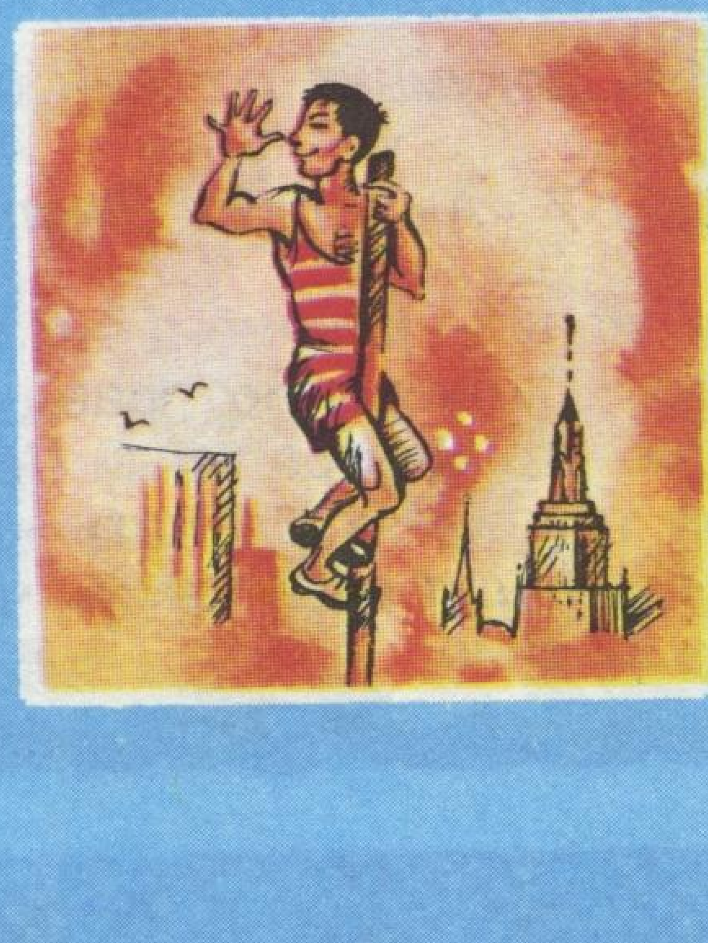
ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

БЕЗ ПРАВИЛ ПРОЩЕ, НО...

В каждом виде спорта масса разных правил. Зачем они? Ведь кажется, и без них можно обойтись? Взять хотя бы прыжки с шестом: разбежался, уперся в шест и перелетел через планку. Просто и хорошо. Так нет же, изволь соблюдать еще 20 правил, среди которых, между прочим, есть и такое: «Во время прыжка нельзя перехватывать шест руками». А не все ли равно? Оказывается, нет. В 1904 году на Олимпийских играх в Сент-Луисе (США) был такой случай...

В то время прыгуны с шестом, перелетев через планку, приземлялись в яму с песком. Воспользовавшись этим, японский шестовик Масао Фудзи, когда настала его очередь прыгать, подошел к яме, воткнул шест в песок перед планкой и под недоуменными взглядами публики и судей стал на него карабкаться. Он залез выше планки и с шеста перепрыгнул ее. Посоветовавшись, судьи решили, что прыжок не может быть засчитан, так как, по их мнению, его надо делать с разбега. Это нисколько не смутило Фудзи. Он отошел подальше от ямы, затем подбежал к ней, снова воткнул шест в песок и ловко полез вверх...

Неизвестно, до какой рекордной высоты смог бы забраться таким способом японский спортсмен, но ему помешало введенное тогда же новое правило. Это и было правило, запрещающее перехват шеста руками, которое действует и по сей день.



НУЖНА ЛИ ГРАМОТА СВИНЬЕ?

Знания подобны волшебной палочке. Задаст жизнь задачу, а решение припрячет. Ищут его люди, мучаются... А приходит знающий человек и находит решение так просто и легко, что только диву даешься...

Снимался фильм «Вечера на хуторе близ Диканьки» по Гоголю. Дошла очередь до эпизода, где свинья залезает через окно в хату и съедает бумажный свиток — грамоту. И тут выяснилось, что свинья наотрез отказывается исполнять свою «роль». Долго билась съемочная группа над этой «сценой» и наконец обратилась за помощью к знаменитому дрессировщику Владимиру Дурову.

— Заприте свинью в чулан и не кормите,— сказал он по телефону.— Я через три дня буду.

Приехав, дрессировщик попросил подвести свинью к окну и приготовиться к съемке, а сам тем временем зашел в хату и намазал грамоту медом. Как только голодную «актрису» привели, она прыгнула в окно и проглотила грамоту.

— А можно еще раз?— спросил, не веря своим глазам, режиссер.

— Разумеется,— ответил Дуров.— У свиньи такой аппетит, что она будет рада повторить съемку.

М. ЗАЛЕССКИЙ

Рисунки Н. ФЕДОРОВОЙ.

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

ВПЕРЕД

ЮНКОРОВСКАЯ ГАЗЕТА ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» · ИЮЛЬ 1988

ПРИСАЖИВАЙСЯ К КОСТРУ

ТРАДИЦИИ И РИТУАЛЫ

Сегодня у нас костровой — Юра ЕФРЕМОВ, делегат IX Всесоюзного слета пионеров. В дружине своей 307-й московской школы Юра несколько лет был знаменосцем.

— Меня попросили прочитать отклики ребят на проект документа «Наши пионерские традиции» и сказать, что я об этом проекте думаю. Откликов было много, вот, например, такие:

«Прочитали проект «Наши традиции» и сначала не поняли, что же обсуждать, все правильно, так было всегда... А потом флаговый говорит: «Место хранения отрядного флага — пионерская комната. Как же я могу отвечать за сохранность флага, если я его вижу, когда иду в пионерскую комнату да когда пионерский сбор отряда? Получается, отвечает за флаг старшая пионервожатая. Хранить флаг надо в кабинете, закрепленном за классом, в специальной стойке».

Совет дружины школы № 1, г. Унеча, Брянская область.

— Я согласен с советом дружины из Унечи: флаг отряда должен быть в отряде.

«Я много раз видела, как пионеры завязывали друг другу руки галстуком при драках или когда играли. Не надо, чтобы в магазинах продавали галстуки. Надо, чтобы их закупала дружина, и когда октябренка принимают в пионеры, ему бы повязывали галстук, который будет у него единственный до вступления в комсомол».

Аня Лебедева,
г. Серов, Свердловская область.

— А вот относительно продажи галстуков... Многим ребятам кажется, если запретить продавать галстуки в магазинах, пионеры сразу станут относиться к ним бережно. А, по-моему, дело не в том, продаются галстуки или нет. Если нет в отряде дела, вокруг которого все сплотились, нет настоящей жизни, дружбы, то и галстук не дорог. Сами по себе ритуалы ничего не значат, если нет пионерской работы. Галстук можно и на труддесанте порвать, и нечаянно сжечь, когда гладишь... Как тогда? Наверное, нужно продавать галстуки в специальных магазинах, да и деньги мы платим не за сам галстук, не за святыню, а за материал.

«Мы предлагаем: пусть вступающий в пионеры не только дает торжественное обещание, общее для всех, но и добавляет что-то свое: что он должен сделать, чтобы стать настоящим пионером».

6 «В» класс, школа № 1,
г. Камень-на-Оби.

— Разумное предложение.

«Главное замечание — документ должен быть точен и краток. А у вас он огромный».

Пионеры 7 «А» класса школы № 51 г. Астрахани.

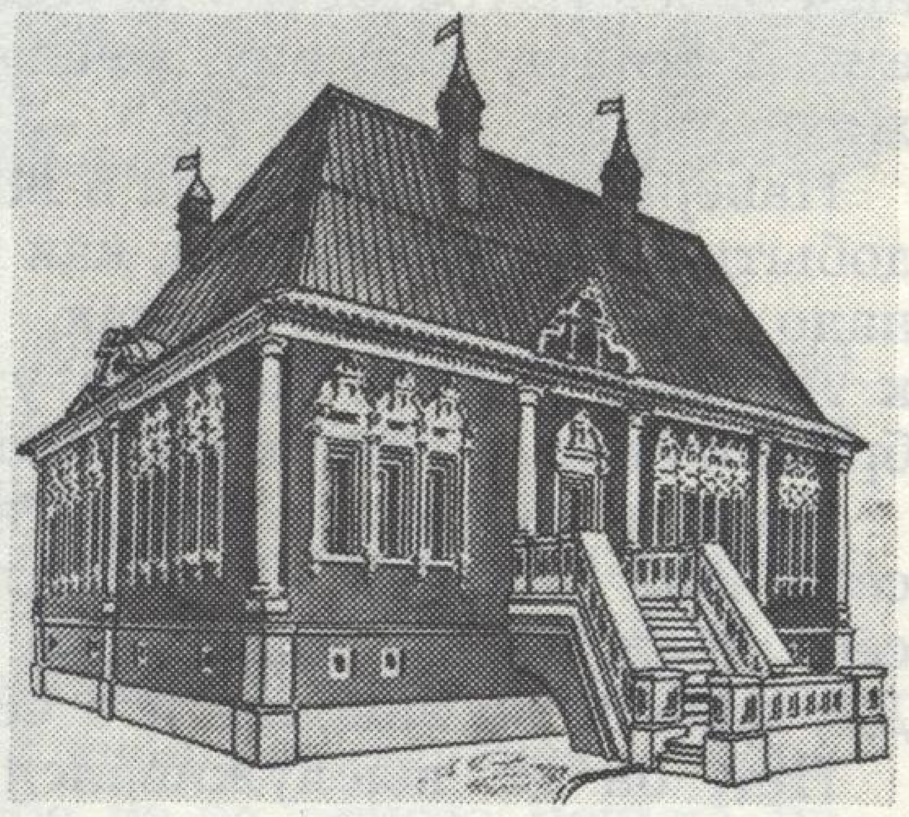
Правы ребята из Астрахани — документ читать трудно, раскатали его так, что занял всю «Пионерскую правду». От руководителя нашего штаба мы узнали, что Центральный Совет принял решение документ о пионерских традициях сделать кратким. А к нему — книжечку-приложение, где будут разъяснены частные вопросы. Вот это хорошо. Учли наше мнение.

ИНФОРМАЦИЯ К ДЕЙСТВИЮ

!!

Два года существует наше молодежное объединение «Слобода». Мы боремся за то, чтобы памятники архитектуры в нашем Бауманском районе не сносили, а реставрировали. Сейчас опасность грозит более 100 зданиям XVIII, XIX, начала XX века. Среди них дом Анны Монс (Старокирочный переулок, 6) *. Это здание — единственный памятник архитектуры XVII века из застройки Немецкой слободы.

* О том, кто такая Анна Монс, ты можешь узнать из эссе Юрия Нагибина «Московский Петергоф».



ПАТЕНТ НА УДАЧУ

ВЕСТИ ИЗ ХЕРСОНА

Пионеры дружины имени Ф. Э. Дзержинского восьмилетней школы № 15 заключили договор с аптекой и проводят операцию «Пузырек». Пузырьки и бутылочки из-под лекарств они сдают в аптеку, а заработанные деньги перечисляют в Фонд мира и на спецсчет школы.

Пионеры дружины имени Ю. А. Гагарина средней школы № 20 организовали кооператив «Роза». Они выращивают цветы и продают их жителям города.

Коллективный корреспондент газеты «Вперед» — РПШ «Алые паруса», г. Херсон.

ЗАВАЛИНКА

Перед концертом на ЗАВАЛИНКЕ встретились руководитель рок-группы *«Мастер» Андрей Большаков* и наш корреспондент, ученик 7-го класса школы № 21 города Загорска *Игорь Деянов.*

НО ЗАЧЕМ ЖЕ СТУЛЬЯ ЛОМАТЬ?

— Андрей, я очень люблю тяжелый рок. И когда в Доме культуры бывают концерты, мы с друзьями встаем с мест, прыгаем перед сценой, кричим и вообще веселимся. Взрослые нас за это называют животными и одноклеточными. Обидно. Вы тоже так про нас думаете?

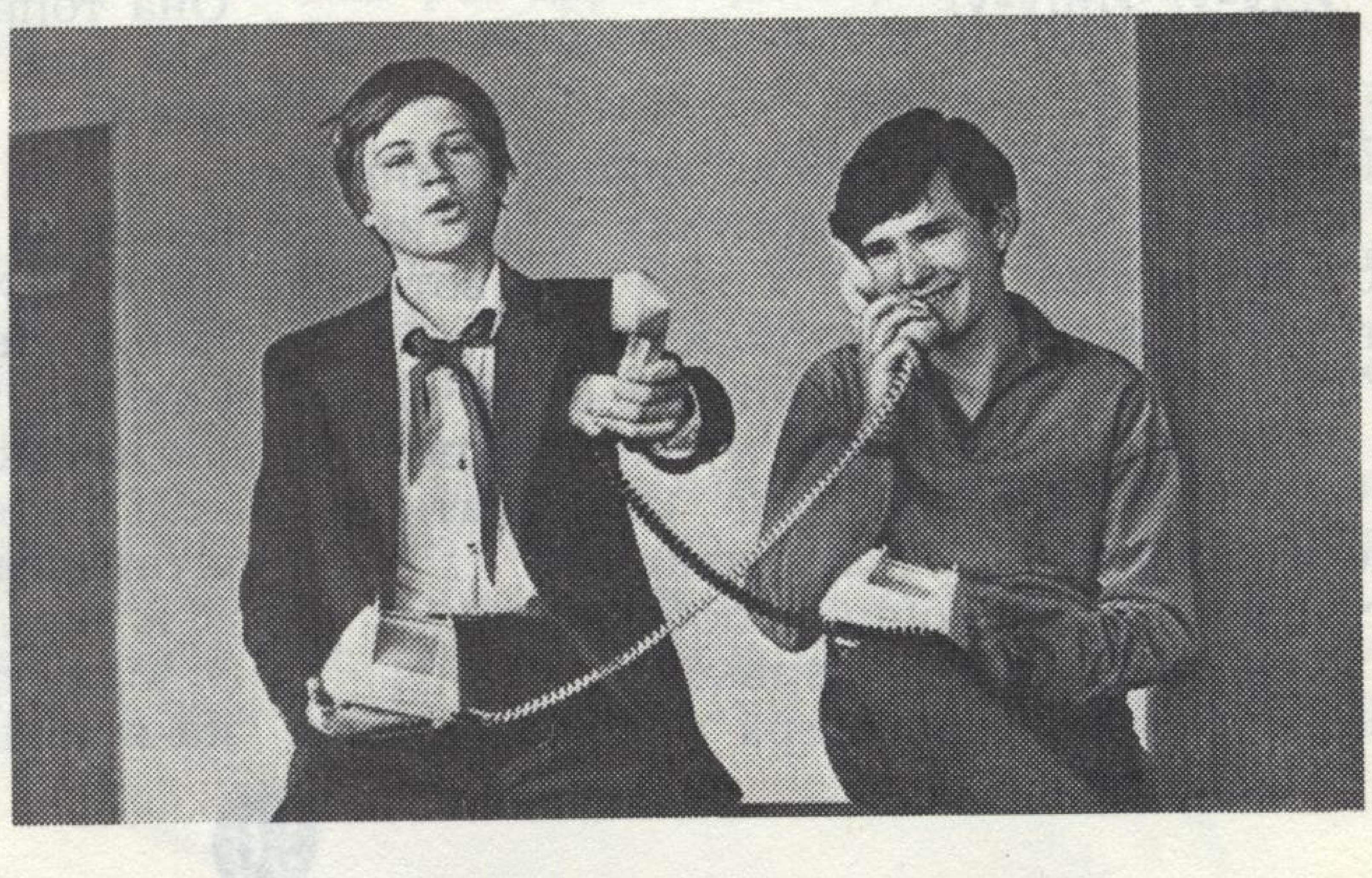
— Я думаю, что взрослые забыли, как сами раньше прыгали на концертах ВИА. Я не против, чтобы вы вели себя раскованно и свободно на наших концертах. Это поможет и вам выпустить пары, и нам, музыкантам, установить контакт со зрительным залом. Я, правда, против проявлений вандализма на концерте. Ну зачем, скажите, ломать в зале кресло, на котором сидишь? Оно ведь никому не мешает.

Порешать вопрос

Единодушно поддерживаем

Вы видите две фотографии: на одной наш руководитель — Григорий Стрижев изобразил дом Анны Монс таким, каким он был в годы юности Петра I. На второй — этот же дом в наше время, перестроенный. Но и это изуродованное здание может навсегда исчезнуть. А если бы его отреставрировали, оно стало бы украшением города Москвы!

Совет молодежного объединения «Слобода», г. Москва.



Обязанности редколлегии исполняли Юра ЕФРЕМОВ из Москвы и Игорь ДЕЯНОВ из Загорска.

Лев КУЗЬМИН

НОЧНОЕ КУПАНИЕ

Над темными, теплыми кровлями деревни всплывает огромная луна. Час поздний, но только теперь все избы, все подворья и серо-светлая перед белой ночью улица наполняются бодрыми звуками.

И это понятно. В хорошей, работящей деревне днем всегда пустовато. Летним днем да при вёдрой погоде местный люд от мала до велика в лугах, в полях.

А вот когда дневной жар изотлел, когда перегретые лужайки опять начали покрываться седоватой дымкой росы, то и каждая калитка, каждые ворота хлопают все чаще. И во дворах мычит, блеет скот; брякают в руках хозяек подойники; со звоном отбивают иступленные за день косы мужики; а по уютной в сумерках улице, радуясь такому перед сном вдруг всплеску жизни, бегают с визгом, с дробным топотом ребятишки.

Под яркою луной да по мягкой деревенской траве я бегал когда-то тоже не раз. Бегал и считал: ничего прекрасней этих минут нет.

Вот, к примеру, игра в прятки.

Тот, кому выпало водить, честно зажмурил глаза, уткнулся лицом в коряжистый ствол березы и на всю деревню выкрикивает:

У медведя во бору
Грибы-ягоды беру!
Медведь постыл
На печи застыл!
Кто не даст поспать,
Тех начнет искать!
Иду-у! Ищу-у!

Он идет, ищет.

А ты, замирая в сладком ужасе, припал темным комочком к земле в густых лопухах и видишь: вожатый поворачивает именно к тебе. Он вот-вот обнаружит тебя, он вот-вот дотронется до тебя,— и ты весь, как тугая пружина, готов к встречному броску. У тебя еще есть шанс чуть раньше его домчаться до той березы, там «застукаться», хлопнув по шершавой коре ладонью.

Ну, а если повезло,— вопишь победно:

— Чур, я первый! Чур, я первый!

Такая вот однажды у нас игра и происходила. И убегались мы до того, что Валёк Спиридонов, самый среди нас малыш, рухнул на траву, сказал:

— Ух, жарко!

А его старший брат, мой закадычный друг Николаша, добавил:

— Неплохо бы купнуться!

— Ночью-то?— удивился я, но Николаша как всегда и в тот же миг слово свое быстрое повернул на немедленное исполнение:

— Ночью вода в речке куда теплей, чем днем. Кто со мной на Нёндовку? Я пошел!

Он, всею своей крепкой фигуркой четко обозначаясь в лунном свете, шагнул было на тускло мерцающую рядом с лужайкой пыльную дорогу, и, наверное, вся бы наша коротроштанная команда повалила за ним, да тут не менее бойко выпалила Метка Савосина:

— Зачем, Николаша, берешь с собой этих карапузиков? Они там забоятся, заревут! Возьми лучше меня да Нюрку Носкову.

И Метка тут же поднялась, и Нюрка поднялась. Они обе давай отряхивать свои платьишки, явно готовясь пошагать за Николашей.

Да им-то Николаша отрезал еще решительней:

— Девчонок не берем!

— Зачем вам на речку? У вас прямо за деревней на лугу есть девчоночий бочаг. Идите, да там и бултыхайтесь! — хихикнул, поддержал Николашу Валёк.

— Бултыхайтесь, шлепайтесь! — засмеялись все малыши-мальчишки.

Тогда Метка Савосина ужасно рассердилась. Она топнула, она тонкими руками взмахнула так, что мне показалось: над нами в небе растерянно мигнула луна.

— Ну, если ты, Николка, такой...— гневно выдохнула Метка,— ну, если ты, Николка, зазнаешься, то пускай тебя и всех, кто с тобой пойдет, на Нёндовке схватит старик-водяник! Пускай там вас ухватят за голые пятки стариковы дочки, русалки-водяницы. А мы с Нюркой обойдемся без вас.

И Метка подхватила Нюрку под ручку — они обе с гордым видом отчалили парой за Меткину избу.

А наш отважный отряд мигом поредел.

Мальчишки лишь только заслышали про старика-водяника, про его дочек-русалок, так сразу, кто

боком-боком, а кто и в открытую, давай отступать к своим домам. Даже родной браток Николаши, невеличка Валек, притворно-озабоченно забубнил: «Мне тоже надо бы домой... Мне тоже на речку что-то уже не хочется...»,— и мы с Николашей остались на улице одни.

— Ну, а ты что, купальщик? — спросил меня насмешливо Николаша, и я, потупя голову, ответил:

— Я — ничего... Я готов с тобой хоть куда... Только если не позовут домой ужинать.

— Так ведь пока не зовут! — засмеялся Николаша, и мы плечо к плечу запылили по ночной дороге то быстрым шагом, то ретивой рысцой.

А надо сказать, что речка Нёндовка от нашей деревни не очень близко. До нее — километр, а может, и более. И все сначала лесом да лесом, а потом под крутую гору, называемую Крюковской.

Она, Крюковская гора, а вернее, проезжая по ней дорога, там взаправду изгибается как бы этаким крюком. Напрямую по горе не взъехать, не съехать никакой конной подводе, ни даже трактору. Немало тут в старопрежние годы было наломано колес, немало было запалено лошадей,— вот наклонный путь по крутому склону и нарезан плавным зигзагом, а еще он плотно вымощен булыжником.

Мостовая во глубине темнохвойных лесов производит впечатление самое ошеломляющее. Шагаешь ты, скажем, или едешь по зыбким в жару от пыли, по хлюпким в дожди от грязи колеям, а навстречу тебе, утомленному, тянутся все скучные ельники да ельники. И вдруг...

И вдруг посреди дремучей глуши перед тобою широкое, наклонное, совсем как при спуске в некий старинный город, устланное гладко-окатными, разноцветными камнями-камушками удивительное местечко!

Оно раздвинуло дорогу вширь. Оно бежит, зовет вниз. И пускай это всего лишь крутая часть все того же глухоманного пути, да тебе-то уже мнится: скучный лес волшебно ожил, лохматые пирамиды елей стали таинственными сторожевыми башнями, а по-за самым изгибом дороги, у самой там, внизу, подошвы горы на речной луговине тебя и впрямь поджидает тот, внезапно тебе примечтавшийся с уютными светлицами, с высокими теремами город-городок.

Такое чудо с Крюковской горой сотворил мой дед. Мой родной дедушка — Андрей Андреевич. Сотворил, разумеется, не только сам, не в одиночку, а сбив в крепкую, добровольную артель всех по округе жителей. И было это сразу после революции, когда на белом свете происходили еще и не такие расчудесные, развеселые дела.

Дедушка-то мой был тогда совсем еще молодым, демобилизованным красноармейцем, и, говорят, именно тут, на общей работе, на устройстве этой среди ельников полусказочной мостовой он и встретил мою бабушку. Встретил, и вот от них и пошел весь наш род, в том числе я — дедушки Андрея внук...

Ну, а теперь это все уже уплыло в далекое прошлое. И сейчас, когда мы с Николашей здесь шагаем, когда по-над нами сеется серебристая, чуть жутковатая лунная дымка, то я вспоминаю дедушку лишь, как говорится, для поддержки собственного духа.

Я думаю: «При таком моем дедушке мне водяников-стариков бояться не положено! Да и вряд ли водяные в нашей речке остались. Ведь сразу под горой дедушка поставил со своей артелью через Нёндовку еще и высокий, прочный до сей поры, если по нему едешь, звонкий мост. И когда они, артельные плотники, тут старались, когда махали топорами да дружно заколачивали сваи, ухали громогласно «Дубинушку», то вся речная нежить, в том числе водяные с их дочками-русалками, наверняка разбежалась по самым дальним-предальним лесам, болотам...»

И вот, чтобы не оступиться на крутизне, чтобы не обрезать босые пятки о какой-нибудь уже расколотый временем и колесным железом булыжник, мы спускаемся теперь под высвеченную лунною гору осторожно, медленно. И нам уже видно, как взблескивает сквозь легкий туман узенькая излука Нёндовки. Ну, а под ногами на каждом шагу у нас тоже то кошачьим глазом вдруг слюдяной обломок взблеснет, то среди черных, молчаливых деревьев за дорожной обочиной что-то вдруг пискнет и прошуршит; то на полном виду, над головой, пугая меня до оторопи, метнется косо, бесшумно летучая мышь.

Несмотря на утешительные думы о дедушке Андрее, я жмусь все ближе к своему товарищу:

— А что, Николаша? Неужели Савосина Метка кричала нам правду? Неужели водяные в Нёндовке и теперь все-таки есть?

Николаша бодрится, но отвечает сейчас не так уж четко, не так самоуверенно:

— Есть они или не есть — никто не видел. Все только болтают. Если после каждой болтовни трусить, то и в самом деле что-нибудь примерещится.

— Я, Николаша, не трушу. Я просто так.

— Вот и — нечего... Держи хвост морковкой. Сейчас искупнемся, да и тем же ходом домой.

Место для купания нам в ночных сумерках выбирать не надо. Не доходя до моста, мы круто сворачиваем с торной дороги на едва приметную в мокрых уже от росы травах тропинку. Мы держим курс на туманные заросли ольшаника. За ними — почти поперек всей речки — похожая на плотинку песчаная коса. Она отжимает поток бегучей воды к другому берегу. Там бурливый, говорливый перекат. Ну, а слева, справа песчаной косы-плотинки — наша мальчишечья ныряльня и купальня. Причем на любой вкус эта купальня!

Кто боится глубины, тот, пожалуйста, шлепай от косы по речке вверх, и тебе все время будет по пупик. Там, на теплом мелкодонье, будут щекотать твои ноги настырные и очень юркие пескарики. Там можно с помощью собственных штанов наловить в подводной, зеленой, извилистой траве бычков-подкаменников, отчего-то именуемых в нашей местности «попами».

А кто очень смел, как друг мой Николаша, тот, едва скинув одежонку, тут же орет: «Ширну, мырну, гляньте, где вымырну!» И он, смельчак, кидается с косы в омут вниз, влево.

Омут тоже не так чтобы глубок. Я в этом месте сам раз-другой донырнвал до дна. Но это было белым днем, да еще и при солнышке. А теперь вот, когда прибрежные деревья, когда песчаная коса словно бы нарисованы черной тушью, когда вода по обе стороны косы укрыта седым паром, а над паром зыбится, хотя и очень светлая, да все равно мрачноватая луна, то мне уж не только на глубину, но и на мелкое-то место лезть хочется не очень.

А вот Николаша скидывает рубаху, штаны. Он по упругому, по испятнанному ночными зеркалами мелких лужиц песку идет вдоль косы к середине речки. Я поневоле раздеваюсь, ежусь, зябко охватываю руками плечи, плетусь за ним.

И — странное дело — чем я, голенький, к воде, к середине речки ближе, тем мне теплей... Гусиный озноб с кожи сходит. Босым подошвам на влажном, крепком песке — как дома на только что вымытом полу.

И вот Николаша кидается в дымный омут, гаркает:

— Молоко! Не водица, а парное молоко! Что, Левка, жмешься, оглядываешься? Ныряй и ты!

Я лезу в темную, прибеленную туманом воду. Но лезу в ту сторону, где помельче, где страшно не слишком. Забредаю к мирно спящим «попам» да к пескарикам и не ныряю, а вприсядку окунаюсь. Ору тоже:

— Молоко!

Зажав пальцами нос, уши, приседаю во второй раз, горланю еще громче:

— Молоко! Молоко! Кипяченое!

По реке в ночи катится эхо. Этим эхом и этою теплою водою все мои страхи смыты окончательно, я даже кричу своему приятелю:

— Сейчас перебегу, перенырну к тебе на самую глубину!

И вот только я на песчаной отмели снова оказался, только из воды вылез, как слышу, под тем берегом на перекате раздается этак странно-престранно:

— Скрипы-шлеп... Скрипы-шлеп... Скрипы-шлеп...

Я, разинув рот, уставился туда. А там, в плавучем тумане по-над самым перекатом, колышется кривая, разлапая, наклоненная к воде ива. И сидит в развилине этой ивы, в самой тьме густой листвы кто-то... белый! Ножки свесил, мне помахивает легонькой в белом рукаве ручкой: «Иди, мол, иди поближе сюда...»

Я как стоял посреди речки голышом на гладкой косе-отмели, так гольем на песок и уселся. И, не оглядываясь в сторону Николаши, не то жалобно запричитал, не то жалобно, барашком, заблеял:

— Водя-ни-и-ца... Ой, Николаша, тут рядом русалка-водяница!

А Николаша ничего не видит, ничего не слышит. Он знай себе в омуте кувыркается, будто чирок-нырок.

Да вот то ли накувыркался, то ли наконец увидел, как я присел на холодные от страха пятки, и в ту сторону, куда я указываю, глянул он сам, да и сам протяжно сказал:

— Ну и ну-у...

Но дальше-то Николаша, не в пример мне, ежиться да ахать не стал. Николаша подгреб поближе, высунулся из воды по грудь, зашипел:

— Што рот раскрыл? Што сидишь трясешься? Одежу подавай! Не видишь, я безо всего!

— Так ведь и я такой ж-же...— выстукиваю я зубами, все гляжу на русалку и, не разгибаясь, вприсядку пячусь по песку к своему берегу, к брошенной там одежонке.

Пячусь, пячусь, шарю позади себя по росной траве, но одежды не нашарю никак.

— Ее отчего-то нету...— объявляю я Николаше.

Объявляю слабым голосом, а русалка на гибкой развилине-иве меня все равно, должно быть, слышит, потому что вдруг как зальется тоненьким-претоненьким смехом,— ну, совсем как будто над речкой, над перекатом кто-то вдруг поднял да и покачнул легонький стеклянный бубенец.

— Хи-хи! — прозвенело в ивовой листве. А вослед то ли речное эхо, то ли еще другая, вторая, невидимая русалка подхватила послышнее на повтор:

— Ха-ха! Ха-ха! Ха-ха!

И если бы не Николаша, то я так бы тут, на песке, и умер.

Но Николаша вновь остался Николашей.

Не дожидаясь, пока я нашарю одежду, он шумно, по грудь в воде, ринулся к той иве, к самому перекату.

А там раздался совсем почти обыкновенный девчоночий визг. Белая русалка, опережая Николашу, исчезла. Ива, шумя листвой, над водою распрямилась. Там, в ночных кустах, в зарослях, я услышал теперь только чей-то легкий, быстрый бег. А потом выше нас на другом перекате за дальней излукой пробурлила снова вода, и уже не на чужом, а на этом нашем берегу, под Крюковской крутою горой, все смолкло.

Я напряг слух, но теперь все было по-обычному. Над головой тихо светила луна, рядом лишь побулькивал речной стрежень. Николаша, выставясь по плечи из воды, также настороженно замер: да, понятно, и он ничего уже расслышать не мог. Он побрел не спеша в мою сторону. А я заново стал высматривать на сухой, осыпистой земле меж темных травяных островков нашу одежду. И все никак не находил. Немудреное наше барахлишко исчезло без следа. И мне стало опять так знобно, что хоть снова полезай в речку, в парную воду. И совсем уж я пал духом, когда представил, как прихожу домой без рубашки и даже без штанов.

— Ую-юй! — заныл я, возя рукой по гладким, прохладным сверху, по теплым, мохнатым снизу листьям мать-и-мачехи.

А Николаша сам тоже шарит, сам тоже везде смотрит, наконец говорит:

— Вон в стороне что-то как будто черненькое и что-то как будто беленькое...

— Опять, что ли, русалка? — комком сжимаюсь я, вновь приседаю ниже травы.

Но приятель бодро кричит:

— Рубахи! Моя и твоя... И штанята здесь... Целехонькие!

Мы оба ухватываемся за штаны, каждый тянет к себе свои собственные, а они — как привязаны друг к дружке. Если Николаша тянет, то у меня мои вырываются из рук; если я тяну, то Николаша пыхтит:

— Погоди, не дергай!

Штаны-то в самом деле связаны крепкими узлами штанина к штанине, да еще и при этом каждый узел, ясно, что специально, замочен в реке. И теперь их — тугие, мокрые — можно распутать только зубами.

Стукаясь лоб об лоб, мы стараемся каждый над своим узлом что есть сил. Николаша сквозь занятый рот, сквозь стиснутые зубы рычит:

— Ну, р-русалки... Ну, Метка! Ну, Нюрка! Вот только погодите: оденусь, обеих вас, р-русалок, догоню!

Я, тоже полувнятно, спрашиваю:

— М-может, не они? М-может, кто-то из другой, соседней деревни?

— Ха! — только и злится Николаша. И я с ним уже согласен, я тоже начинаю наливаться мстительным азартом.

И вот мы натягиваем на себя измочаленные вдрызг штаны, натягиваем рубахи, и — стрелой, стрелой! — как два сердитых охотничьих пса, пускаемся в погоню.

Мы одним духом пролетаем залитый лунным светом луг. Мы на одном вдохе-выдохе одолеваем

крутую Крюковскую гору. Мы мчим сквозь черный, сонный лес по серой дороге к деревне с такой скоростью, что если девчонки нас чуть опередить и смогли, то уж дальше-то околицы им все равно не проскочить. В избах своих за крепкими дверями они укрыться от нас не успеют.

Мы злы всерьез. Купанье наше пошло насмарку. Мы опять, как при игре в прятки, задыхаемся от стремительного бега. Глаза наши залиты жарким потом. И ко всему прочему первые деревенские четкие под луною дворы уже на виду, а на тихой улице меж ними нет ни Метки, ни ее подружки Нюрки. Там вообще ни единой живой души. Деревня управилась со всеми своими вечерними делами да и улеглась на покой. Только в двух-трех избах горит еще свет. Горит он в Меткиной избе, горит в Нюркиной.

Разгоряченный Николаша заявляет:

— Что ж... Не успели сцапать их на дороге, давай проверим через окошки — они там на речке были или не они. А поутру отомстим!

Самое близкое к нам в ночи окно — Нюркино. Изба эта низенькая, заглянуть в окошко просто. Но когда мы, крадучись, подсовываемся к самым стеклам, то огонь в избе тут же гаснет.

— Нюрка — хитрюга! Прячется! — выходит из себя Николаша. Не сдержавшись, он бьет кулаком по раме.

На стук кто-то в избе идет, обе половинки рамы открываются: перед нами сердитое лицо тети Шуры — Нюркиной матери.

— Что за полуночники? Зачем? Не нашлялись, не нашумелись? Тарабаните к чему?

— Нюрка где?

— Так девятый сон досматривает. Давно спит. Марш и вы по домам! Марш, марш!

Рама захлопнута, мы в полном недоумении переминаемся с ноги на ногу.

— Ну и ну! — говорит Николаша.— Неужто ошиблись? Тетка Шура в общем-то никогда не врет.

Но и все равно Николаша не сдается, первая неудача его лишь подстегивает:

— Что-то здесь все-таки не так... Какое-то тут есть плутовство... Пойдем заглянем к Метке.

Меткина изба совсем иная, чем Нюркина. Она еще старой постройки, воздвигнута в полтора этажа. Острый конек избы возносится под верхние ветви берез и даже как бы задевает круглую, высокую в бездонной синеве ночи луну.

На передней темной стене избы светящихся окон — целых пять. Мы выбираем самое яркое. Мы выбираем то, за которым наверняка висит лампа. Только вопрос: как до окна дотянуться?

— Подставка нужна...— заключает мой дружок.

Но подставок на лужайке рядом — никаких; и, гляжу, Николаша примеряется ко мне.

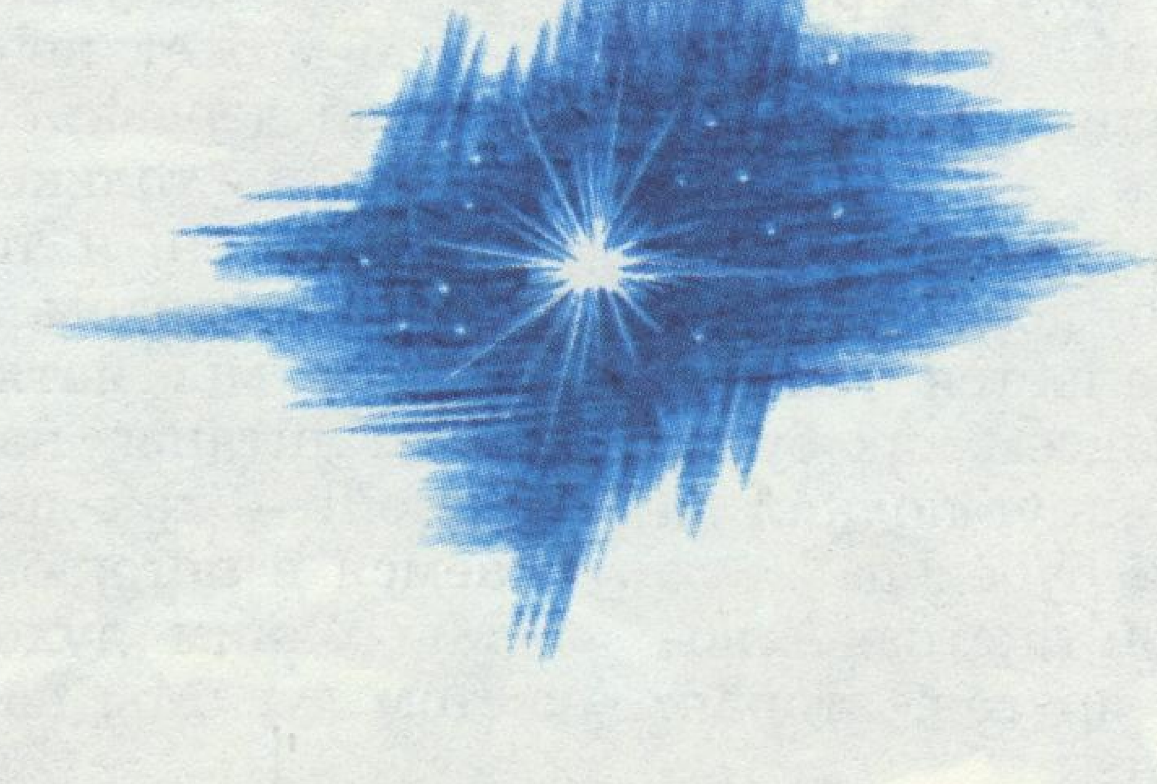
— Ежели я встану, Левка, тебе на плечи, ты выдержишь? Не упадешь со мной вместе?

— Вряд ли... Не знаю...— вздыхаю я.

Тогда Николаша сам упирается обеими руками в бревна стены, сам подставляет мне спину:

— Лезь!

А мне опять, как на реке, страшновато. Я знаю: у Метки в доме не только она, не только ее мать, а есть там еще дедушка, бабушка и отец. И вот если они все сейчас там сидят за столом под лампой, а я выставлю к ним свою чумазую, дурацкую физиономию, то неизвестно еще чем все это кончится.



Но и перед другом спасовать нельзя. И я карабкаюсь по Николашиной согнутой спине, еложу острыми коленями по его ребрам, Николаша покрякивает, шипит, да все ж терпит. И вот я встаю на его зыбкие плечи.

В избе за широким, покрытым пестрою клеенкой столом, на мое счастье, никого старших нет.

Но под яркой висячей лампой в этой комнате хоть иголки собирай. И там ко мне спиной, лицом к прямоугольному пристенному зеркалу стоит Метка.

Она стоит, не видит меня. А я на подоконнике вишу не дышу, и вдруг — неведомо отчего! — будто бы наяву слышу:

Металина, Мета, Мета,
В сердце светлая замета...
Веточка-заметочка,
Подружка-однолеточка!

Черт... Неизвестно по какой причине я тут вспомнил частушку, которую однажды Нюрка сложила, пропела Метке у них на крыльце. Пели они тогда в общем-то вместе то одну частушку, то другую, но спели и эту. Они воображали себя, видно, совсем тогда взрослыми и были конопатенькие, белобрысые, малявки малявками — очень для меня смешны.

Но теперь вот и частушка не смешно припомнилась, и Метка стоит перед зеркалом такой, какой я ее не видывал никогда.

Она в белой, длинной, с широкими рукавами рубахе. Ее длинные волосы влажны и темны. Они распущены на две пряди. Одна прядь густо, тяжело свисает по рубахе меж лопаток; другая прядь перекинута через наклоненное чуть вниз плечо. И Метка расчесывает эту прядь, отжимает волосы от капель влаги гнутым девчоночьим гребешком. И — тихо смеется. Ее губы смеются, лицо все смеется; ну а глаза в ярком зеркале — прямо, как две ясные звездочки.

Вот она зачерпывает ладонью прядь вторую, высоко вскидывает руку: широкий рукав, совсем как у той русалки, опадает... И я ухаю с плеч Николаши на гулкую землю. У меня колотится сердце.

— Дома Метка? Дома? — торопит меня Николаша.— А если дома, так заметно, так понятно, что она только что с реки?

И тут я говорю совсем не то, что видел.

Я говорю:

— Ничегошеньки не понятно... Метка, похоже, давно уже, как Нюрка, спит. А за столом пьют чай ее отец да матерь... Верно, верно! Меня чуть не заметили, я чуть не схлопотал по макушке!

И то, что я говорю, мне совсем не кажется завирательским враньем. Я думаю, я уверен: только так вот сейчас мне сказать и надо.

Рисунки А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Узел связи

«АЛЛО! МИЛИЦИЯ?..»

«Внимание, редакция! Секретно. Мы собираем плохие истории. Кого подозреваем, можем и побить. Нас все боятся! Скажите, как сделать, чтобы еще больше боялись? Мы хотим учиться на следователя. Напишите, где учиться, и сколько вам еще прислать разных плохих историй?

Команда: Конькова Роза, Конькова Света. г. Волгоград, дом не пишем, нас знает весь квартал».

Письмо на этом не кончалось. Роза и Света еще исписали три листа: там было про «разных плохих»... И как же тут быть, по-вашему? Что на все это ответить?

Уважаемая «команда» из Волгограда! Пусть ответит вам майор милиции товарищ Кузьминова Нина Ивановна, старший следователь по делам несовершеннолетних Севастопольского управления внутренних дел г. Москвы. Вызываем на связь!

У телефона — Кузьминова:

— Внимание, грозная Роза, внимание, страшная Света! В следователи вы не годитесь. Даже если бы вы окончили юридический факультет, как положено. Почему? Мы не любим, когда нас боятся. И не любим плохих историй! Я вот нарочно расскажу историю, когда после «алло, милиция?» я услышала не крик ужаса, а...

Но все по порядку. Район у нас большой, с широченными улицами, асфальтовыми дорожками среди высоких новых домов. И вот по этим дорожкам вдруг стали носиться ярко раскрашенные автомобильчики,— да вы их знаете, это карты. Несутся, правда, с грохотом, но — скорость! Мечта... А на другом конце района, в часе езды на автобусе, остался опустошенный сарай, вернее, гаражик. Там ребята-картингисты не год и не два собирали машины, отлаживали, чинили, ездили с ними на соревнования по картингу... Занимались они своей техникой при нашем доме пионеров.

Итак, передо мной — взломщики Женька и Иван. Поймали их быстро. Они сбили замок, вытащили все эти технические сокровища. Перепрятали. Потом две ночи (из конца в конец час на автобусе!) перевозили все это к себе во двор.

...Сидят передо мной, вяло мямлят: «Да мы так просто... покататься просто... для ребят просто...» В самом деле, очень многие мальчишки катались вовсю. Карты перекрасили, многие перемонтировали, а часть на детали растащили. Как это вернуть? Женька с Иваном и не помнят, не знают, у кого теперь что. Деньгами вернуть? Невозможно. Один растет без отца, семья еле концы с концами сводит. И у второго дела не лучше. Таких денег — больше семисот рублей, и некому заплатить. За такой материальный ущерб полагается наказание серьезное. Уголовное дело! Кое-каким мальчишкам, кто по соседству с моими взломщиками жил, я рассказала, что дела плохи, но если бы «ущерб возместить»... Но — ищи-свищи! Могут и побояться — что, мол, соучастники. Словом, кануло. Наверняка спрятано-перепрятано, у кого, неизвестно, по частям, по деталям...

Нет, не могли уже вспомнить ничего и сами Женька с Иваном,— одному дали покататься, тот — другому, третьему... сороковому... Вот тут-то и звонок: «Алло, милиция? Нам Кузьминову, мы везем мотор,— нашелся!..» «Милиция?.. Везем колеса!» Кто руль вез, кто целиком машину, кто груду деталей-железок.

Вернули! Ну, может, не до последнего винтика. Но почти на всю сумму этого самого «ущерба»! Не зря я в ребят верила. Не зря старалась, чтобы меня никто не боялся!

И я перечеркиваю на папке слова «Уголовное дело»! Наказания ребятам было все равно не избежать, но совсем другого. Сейчас они окончили ПТУ, уже и в армии отслужили, часто навещают меня.

Внимание, очень страшные и грозные Роза и Света! А также прочие любители подозревать, наговаривать, писать в редакцию письма, которые так смахивают на доносы! А вдруг кто-то на ваших глазах за кого-то заступился? Проявил смелость? Даже мужество? Или просто не побоялся сказать правду? Как говорится, мужество — налицо! Налицо — поступок! ХОРОШЕЕ ПРОИСШЕСТВИЕ! Бери скорей бумагу, пиши: Дорогая редакция, НЕСЕКРЕТНО... Знаешь, как все обрадуются! Точь-в-точь, как я тому звонку: «Алло, милиция...»

...Договорились?

По «Узлу связи» дежурила А. БОРИСОВА.

Фестиваль длиною в год. Такое было впервые. Начавшись 3 июля 1987 года в Москве, фестиваль Индии в СССР прошел по всей стране. Мы познакомились с наукой и искусством Индии, с жизнью ее народа. Фестиваль пробудил у многих ребят огромный интерес к Индии, ее истории и сегодняшнему дню. Мы приоткрываем сегодня одну из страниц самобытного искусства древнего Индостана.

Танец-представление

Лет десять назад я изучал в Индии языки и литературу. В южном штате Керала в маленьком городке жили родственники моего делийского приятеля. Во время одного из путешествий по стране я поселился у них. Оказалось, что самый младший в семье, двенадцатилетний Джаян, с которым я подружился, учится не только в обычной школе, но еще и в школе катхакали — школе классического танца. Я видел этот знаменитый танец только в кино, поэтому, когда Джаян спросил, не хочу ли я побывать в школе, тут же согласился.

Длинное одноэтажное здание было почти скрыто за пальмами и цветущим кустарником. В просторном репетиционном зале, под высоким потолком вращались длинные лопасти вентиляторов. Вдоль стен на деревянных тумбах стояли бронзовые статуэтки танцующих богов и богинь. Над ними висели портреты пожилых людей в белых одеяниях: это были выдающиеся учителя катхакали.

Посреди зала на стуле с подлокотниками сидел мужчина лет тридцати. «Это наш учитель, господин Гопинатх»,— шепнул Джаян.

Перед учителем в позе пастушка, играющего на дудочке, стояли два мальчика чуть постарше Джаяна. Другие ученики сидели на полу поодаль, внимая словам учителя. А он, как видно, добивался от «пастушков» четкости и мягкости движений.

Увидев меня, учитель прервал занятия и поднялся. Джаян, сложив руки перед грудью, почтительно приветствовал его: индийцы уважают учителя не менее родителей. Я назвал себя. Господин Гопинатх сказал, что рад встретить гостя из страны, знаменитой своим балетом. Нас окружили ребята. Меня расспрашивали о советской школе, о музыкальном образовании, о наших спортсменах, космонавтах и о многом другом.

Потом наступила моя очередь задавать вопросы. Долго сидел я с новыми друзьями, слушая рассказ об удивительном искусстве танца.

Овладеть классическим танцем, говорил господин Гопинатх, значит овладеть сложной наукой. Индийские танцовщики следуют принципам, которые были изложены около двух тысяч лет назад в «Нритьяшастре» («Науке танца») — самом раннем из известных учебников танцевального искусства. «Нритьяшастра» учит, что есть три способа выразить себя в танце: нритта, нритья и натья.

Нритта — это танец, подчеркивающий красоту человеческого тела, ритм и пластичность движений. Нритья выражает чувство, настроение: например, радость, печаль, испуг, удивление. Натья не только передает красоту движения, не только выражает чувства, но и рассказывает о каком-то событии. Вот разошлись веером пальцы, взметнулись вверх и опустились брови, качнулось из стороны в сторону тело, а зрители видят, как выходит на лесную поляну пятнистый олень, не подозревая, что из-за деревьев следит за ним охотник.

Наиболее развита символика движений в катхакали. В этом танце двадцать четыре фиксированных положения рук. Сочетания жестов и переходы от одного к другому дают более семисот значений. Все это дополняется десятью условными положениями туловища, девятью —

шеи, тринадцатью поворотами головы. Свой смысл имеют каждое из тридцати шести положений бровей, век, зрачков.

Владея языком жестов, актеры могут разыгрывать целые представления. Сюжетами катхакали служат эпизоды из древних легенд, сказочные истории, а иногда и подлинные события. Они известны индийцам с детства, и зрителям не приходится объяснять что к чему.

Традиционно все роли в катхакали исполняют мужчины. Дело в том, что этот танец требует большой физической подготовки. Юноши играют принцесс, лесных фей, пастушек. Правда, традиции меняются, заметил учитель Гопинатх, мы приняли в школу двух девочек, которые будут исполнять в представлениях лирические танцы...

В конце разговора меня пригласили прийти в школу и завтра, когда будет дано представление.

На следующий день я пришел к школе задолго до начала спектакля. На краю открытой площадки стоял деревянный помост с крышей из пальмовых листьев, но без всяких декораций. Джаян повел меня за кулисы, точнее, в шатер за сценой, где вовсю уже шла подготовка к представлению.

Один из актеров сидел на циновке, скрестив ноги, раскинув кругом белую юбку-абажур, и расправлял перед маленьким зеркальцем украшения, сверкающие на красной рубахе: массивное ожерелье-нагрудник, толстые браслеты, подвески. Лицо его было плотно загримировано и казалось добродушной маской. Один из учеников собирался помочь актеру надеть на голову тяжелую золотую тиару, густо украшенную поддельными рубинами и изумрудами.

Другой актер лежал на полу, сложив на груди руки, и как будто спал. Склонившийся над ним гример неспешно тоненькой палочкой раскрашивал зелеными и черными полосами его лицо.

Джаян сказал, что гримирование длится несколько часов и требует большого терпения. Каждый цвет имеет свой смысл. Белый символизирует чистоту, зеленый — добро, красный — смелость, черный — злобу. Сочетания цветов подчеркивают характер героя...

Представление началось, когда стемнело. Показывали «Рамаяну» — сказание о легендарном царевиче Раме, любимом герое индийцев. Всю ночь длилось представление. В ярком свете ламп пышные одеяния и красочный грим выглядели просто великолепно. А от огромных теней картина казалась нереальной, фантастической. Рядом сидел будущий актер Джаян и завороженно смотрел на сцену.

Фестиваль Индии напомнил мне о маленьком городке на юге Индостана. Приезжал ли Джаян в Москву, я не знаю, но думаю, что, если бы увидел его, повзрослевшего, на сцене, узнал бы даже за красочным гримом катхакали.

В. ЕФИМЕНКО,
кандидат философских наук.

Сочетание цветов на масках катхакали создает строго определенный характер, обозначает настроение героя в пьесе. Справа — маска положительного персонажа, слева — отрицательного.

Кораблик

Имя итальянской школьницы Вероники Бьянкарди у нее на родине известно многим: там вышли в свет три сборника ее стихов: «А завтра будет лучше!», «Измени мир улыбкой» и «Я живу!». Стихи Вероники прочли не только дети, но и взрослые, о них писали настоящие большие поэты — всех привлекают богатый душевный мир девочки и та искренность, та простота, с которой она говорит о своих переживаниях.

Очень короткую жизнь — всего 13 лет — прожила Вероника. Долговечнее оказались ее стихи — они продолжают радовать читателей разных стран и разных возрастов.

Маргарите МАНГОВОЙ из Болгарии 10 лет. Ей нравится, когда «ВСЕ ТАНЦУЮТ».

Вероника ***БЬЯНКАРДИ***

Ярче всех!

**Речка сияет
в зеленой траве.
Солнце сияет
в морской синеве.
Звезды сияют,
но ярче всех
сияют улыбки
и детский смех!**

Бабочка

**Бабочка озорная,
как воздушный шарик,
цветная!
Ты над пестрым лугом
порхаешь,
словно радуга, полыхаешь.
Вьются крылышки из опала,
из прозрачного изумруда.
Я хотела поймать тебя
и упала.
Бабочка — ты настоящее чудо!**

Цветок

**Цветок,
ты задумывался,
отчего тебя любят стрекозы?
Цветок,
ты задумывался,
отчего ты так красив?
Цветок...
а вот я задумалась,
зачем я тебя срываю?**

Наташа МАНИНА, 10 лет, живет в Душанбе. «ГОРА ШКОЛЬНИКОВ».

«ПИОНЕР» №2 М-ТМ 72 ц.1коп.

Четырнадцатилетняя Радинка ЕВАНОВИЧ живет в Югославии. «МОЯ БАБУШКА» называется ее рисунок.

Слезы и дождь

**Капли дождя
и капли слез
так похожи:
и те и другие
смывают незабытую горечь,
отмывают забытую радость.
Но главное,
и дождь, и слезы
рано или поздно
проходят.**

Художник

**Сперва он долго стоит перед холстом,
краски смешивает потом.
Что это будет — пейзаж, портрет?
Пока секрет:
дело в том, что художник и сам не знает,
он картину только начинает.
Но вот намечен эскиз,
художник берет кисть,
краски на холст спешит нанести,
картина готова почти,
а он соскребает и пишет заново,
до вечера никак не управится.
Наконец картина художнику нравится.
От усталости ломит спину,
нет больше сил рисовать,
а он бросается на кровать
и задумывает новую картину.**

Мир навсегда!

**Люди,
народы,
страны,
вслушайтесь в голос
Мира!
Каждый день он кричит вам:
«Разбейте пушки,
опустите винтовки,
не проливайте крови,
посмотрите в глаза друг другу,
протяните друг другу руки,
повторяйте мое имя —
МИР!»**

Перевел с итальянского
Роман ДУБРОВИН.

ПОД БУМАЖНЫМИ ФЛАГАМИ

ДЛЯ НАЧАЛА НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК И ПИСЕМ НАШИХ ЮНКОРОВ

«Бывает так: прозвенел звонок с урока, все схватили портфели — и к двери. Вдруг в класс заходит классный руководитель Зоя Алексеевна и говорит: «Все остаются! Сейчас проведем сбор отряда, на котором будем говорить о том, когда пойдем на экскурсию». Ей, конечно, Шариков Алешка в ответ: «А у меня сегодня тренировка по плаванию!» Но Зоя Алексеевна грохочущим, как гром, голосом скажет: «Мне, Шариков, нет дела до твоей секции! К нам сегодня зайдет директор посмотреть, как мы сборы проводим! Тебе что, честь отряда не дорога?!»

Тут загудит весь класс: «Мне в музыкальную школу» и т. д.

Но за Зою Алексеевну вступается председательница Галка Бобрикова: «А если ты, шарик пинг-понговый, не останешься на сбор, мы тебя в «Колючку» запишем! Видите ли, у него тренировка! Честь отряда его уже не интересует! К нам же директор придет!»

Алешка умолкает. И никто его не поддерживает. Все знают, что бороться за честь отряда — это значит слушаться Зою Алексеевну и бояться директора. Тут уж как-то не до своей собственной чести...»

Маша Сухарева, 4-й класс.

«Сначала, после шестого урока, в класс зашла классная руководительница (не правда ли, оригинальное начало? — ред. группа). Она, перекрывая шум своим голосом, сказала, что сейчас будет сбор. Все закричали «у-у-у!». «Никаких «у»!» — отрезала учительница. Все разошлись по своим местам.

Сначала было еще ничего. Классная руководительница долго говорила о наших проблемах, и ее было довольно хорошо слышно. Но потом начали выходить звеньевые и предлагать дела для класса. И голос их тонул в беспрестанном шуме. Учительница долго пыталась успокаивать ребят, но ничего не вышло. Тогда она закричала: «Да что это такое: люди совершенно не умеют слушать друг друга и в конце концов не уважают товарищей и меня!» И все это без точек и запятых. Потом было голосование. Никто, конечно, не слышал, за что голосуют, и руки поднимали наугад. Голова раскалывалась, жара и духота были нестерпимые. Наконец нас отпустили, и мы с криками «ура» понеслись к раздевалке».

Ира Михайлова, 5-й класс.

«После уроков нас оставляют в классе. Сборы обычно начинаются так:

— Кого нет в классе? — спрашивает учительница.

— Помощницы председателя совета отряда нет,— говорит дежурный.

— Она не в счет, у нее важное дело, я ее отпустила. А кого еще нет?

— Никитина.

— Почему? Я ему «два» в журнал поставлю!

— Ему надо малыша сегодня из садика пораньше забрать.

— Так, все! Ему «два» в журнал!»

Андрей Торшин, 5-й класс.

Ну что, товарищи читатели, продолжать? Вы скажете: «Одно и то же! Надоело!» Правильно: одно и то же. Совершенно верно: надоело. Особенно, если учесть, что перед нами, перед редакционной группой, таких заметок — целая пачка.

Но все-таки кто виноват, что таких случаев множество? Сами ребята? Или... кто-то другой? Почему «все об одном и том же»? О том, что ставят двойки за неявку на сборы и пионерские смотры, что вместо вожатых командуют учительницы, что ребята не хотят носить пионерские галстуки, что понятие «честь отряда» внушают угрозой вызвать к директору и написать плохую характеристику, что учительница может снять с пионера галстук, что сбор макулатуры — единственное «пионерское» дело в школе — всем уже поперек горла...

Однажды при разговоре наших юнкоров с редакцией «Пионера» прозвучали слова: «Бюрократизм заел...» Тогда редакция и решила: «Вот и разберитесь: что такое бюрократизм в пионерской организации».

§ § §

2

МЫ ПОПРОБОВАЛИ РАЗОБРАТЬСЯ.

Обратились к словарям: «Философскому», «Политическому», «Толковому», «Иностранных слов», «Энциклопедическому»... Но там такие объяснения, что к одному словарю надо еще несколько, чтобы разобраться во всех терминах. Вот только одно определение, которое разыскал Игорь Бессонов, показалось нам более или менее простым: «...существо его (бюрократизма) заключается в отрыве центров исполнительной власти от воли и решений большинства членов этой организации». В нашем случае это значит, когда взрослые не считаются с ребятами, а делают все, что сами считают нужным.

А можно еще и проще рассудить: «бюро» — значит письменный стол, «кратия» — власть. Получается: «власть письменного стола». То есть когда настоящее дело заменяется отчетами, инструкциями, рапортами и всякими другими бумагами, за которыми уже не видишь, где правда, а где ее нет.

Вот несколько выступлений, подтверждающих эту точку зрения.

«Я понимаю бюрократию в пионерской организации так: когда, например, учителя пытаются заставить учеников что-нибудь делать только для того, чтобы отрапортовать на линейке или заполнить в журнале графу «Общественно полезный труд».

Например, нашему классному руководителю сначала понадобилось, чтобы все записались в клубы, кружки, секции и т. д. И все это делалось, чтобы отметить в журнале, что у нас все где-то занимаются. Через неделю у нас начались занятия ОПТ, и она сразу же стала говорить, что ее не интересуют ни кружки, ни секции и что, если мы настоящие пионеры, мы не подведем своего класса и обязаны дружно ходить на ОПТ».

Алеша Сухарев, 5-й класс.

«Бюрократия — это когда делают вид, что заняты важной работой, а на самом деле наносят ущерб этой работе. Бюрократия — это нарушение закона под прикрытием этого закона. Бюрократы все делают для отписки, для «галочки», прикрываясь пустыми отчетами. А еще бюрократия — это равнодушие.

Пионерская организация попала под власть школьного начальства для отчетности учителей и директоров перед своим начальством».

Роман Урманов, 6-й класс.

На наш взгляд, Рома Урманов написал правильно: это нужно педагогам, которые заинтересованы в отчетности, а не в живых делах ребят. Вот запись диалога во время нашей юнкоровской дискуссии на тему «Есть ли бюрократизм в пионерской организации?». Это когда уже решили, что его «столько есть, что дальше некуда», и выясняли: откуда и почему?

Денис Заборов, 7-й класс:

— Не все учителя и завучи плохие, но они все привыкли сводить к одной точке: я поручил, а ты выполняй. С малолетства, как только примут человека в пионеры, приучают его быть ленивым, ни за что не отвечать. Все за него решают взрослые, не потому что они плохие, а потому, что это система.

Денис Соловов, 4-й класс:

— Когда готовят в пионеры, учительница насильно водит на беседы. Попробуй не пойти...

Костя Попов, 5-й класс:

— Учителям выгодна бюрократия, потому что они потом отчитываются перед директором, а директор смотрит, сколько проведено мероприятий. Чем больше отчетов, тем больше авторитет. Учителя привыкли заставлять ребят все делать под угрозой, а если не сумели заставить, говорят: «Ты единоличник!» И начинают читать лекции.

Андрей Ждахин, 7-й класс:

— Получается пирамида. Учитель отчитывается перед директором, тот — перед районо, те — перед облоно, потом — перед министерством. И всем нужны бумаги. Вот эта пирамида и есть система...

§§

Игорь Бессонов, 7-й класс:

— Степень настоящей пионерской активности зависит от вожатой. Но ведь ее тоже заставляют отчитываться перед директором. Была у нас «Гайдаровская неделя», и в отчете записали: «Проведена радиопередача». А ее не слышал никто ни в одной смене...

Андрей Ждахин, 7-й класс:

— Вожатая тоже боится директора. Потому что руководство принадлежит не ей, а учителям.

Стас Белоглазов:

— Учителя говорят, что они с удовольствием оставили бы в покое пионерские отряды, только пусть с них перестанут требовать отчеты, доклады о пионерских мероприятиях их классов...

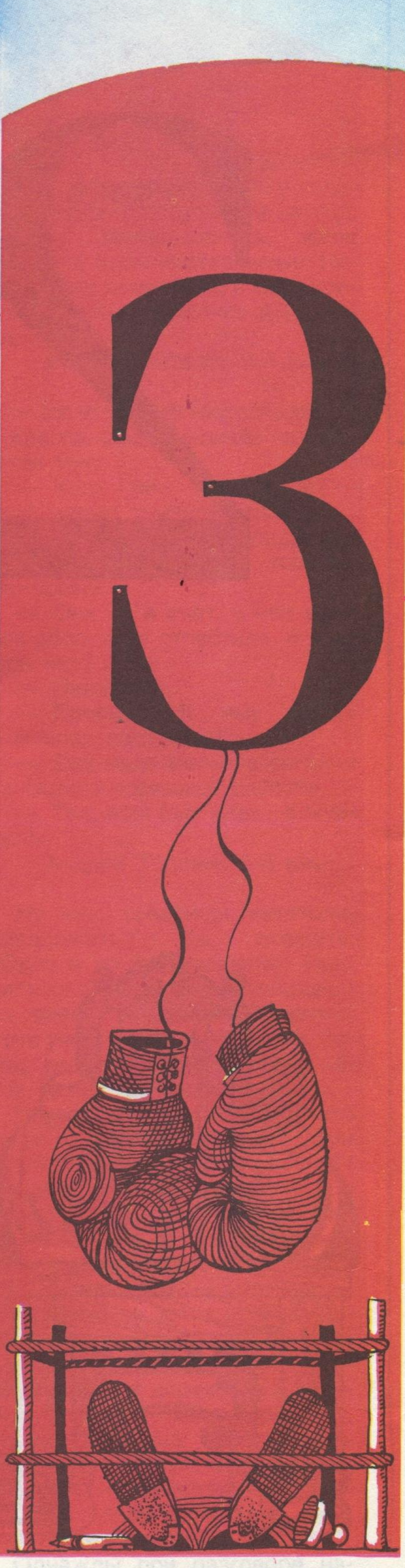
Мы уже не первый раз задумались: почему же все-таки так вышло? Вроде бы по всем документам, по всем правилам считается, что пионерской организацией руководит комсомол. А на самом деле? Вот, например, есть у нас в отрядной библиотеке такая педагогическая книжка — «Организатор внеклассной и внешкольной воспитательной работы». Книга очень научная, и читать подряд такой мудреный труд никто из нас, конечно, не пытался. Но есть там глава «Организатор и старший пионерский вожатый». В ней написано: «Старший пионервожатый — один из главных помощников организатора, который должен исходить из того, что недостаток жизненного педагогического опыта не всегда позволяет вожатому находить наиболее эффективные пути решения той или иной воспитательной задачи». Если перевести это на нормальный язык, получается так: «Вожатый еще юный и неопытный, как бы чего не натворил, и поэтому нужна умная, опытная и добрая тетя, которая будет следить и за вожатым, и за ребятами и подсказывать им, что делать и как работать». Вот и появились в каждой школе такие тети. А как они умеют подсказывать, и ребята, и вожатые знают! Попробуй не послушаться...

Получается: на бумаге пионерскими дружинами руководят советы — от районного до центрального, а на самом деле планы пионерской работы составляются сотрудниками Министерства просвещения. И самое грустное, что комсомольские органы это, видимо, устраивает. Им так спокойнее живется. Мы не раз слышали, как работники горкома и обкома комсомола говорят: «Да, это безобразие, что учителя командуют в отрядах!» Ну, говорят. А дальше что? И все бы было ничего, если бы учителя как-то умели работать с пионерами. Но они привыкли только командовать — так же, как в своем главном, учебном, деле. Но школа сейчас и со своей-то реформой не может управиться, только разговоры ведет...

У нас про все это написали большую корреспонденцию Денис и Лера Белиховы. Мы всю ее здесь не помещаем, чтобы не повторяться, но конец хотим напечатать.

«...К сожалению, таких учительниц не одна, не две, а много. Именно они воспитывают ребят, которые потом становятся не пионерами, а бюрократами и которые ничего не хотят делать. А учительница радуется: «Ребята послушные, ничего не говорят против, все, что надо, делают, а мне спокойнее». Не надо учителям лишней ответственности.

Хотя про всех этого не скажешь. Есть учителя, которые и с ребятами охотно в поход пойдут, и на интересную экскурсию сходят, и хорошее дело придумать помогут. Но если самим пионерам ничего не интересно, кроме дискотеки и кино, то уж никто здесь не поможет. Значит, бюрократия выгодна не только взрослым бюрократам, но и школьникам, которые ничего не хотят делать. Спокойная жизнь их удовлетворяет. Но есть же люди, которым не все равно как жить! Им хочется интересных дел, самостоятельных, важных! Они борются, как могут. Но очень нелегко расшевелить того, кто привык к скучной жизни,— и школьника, и взрослого. Не всегда удается побороть лень, формализм, бюрократию. Ведь бюрократов сейчас очень много. Но бороться все равно надо. Чтобы не росли из ребят взрослые, которым ничего не нужно и ничего не интересно, кроме собственной карьеры и хорошей квартиры. Чтобы в пионерском возрасте не был для них самым главным бумажный отчет».



КАК ЕЕ ОДОЛЕТЬ, БЮРОКРАТИЮ?

Мы не раз собирались и говорили на эту тему и пришли к выводу, что надо рассматривать вопрос и в общественном, и в личном плане. В обществен-

ном — ясно, про это сейчас много рассуждают и пишут. Пионерской организации нужна настоящая самостоятельность (не «пожалуйста, разрешите», а «мы имеем право»), нужны командиры-вожатые, а не организаторы внеклассной работы и учителя, нужно доверие к ребятам, чтобы взрослые не боялись давать настоящее дело. И формы работы нужны другие. Мы не устаем повторять, что отряды пора выводить из классов и образовывать их по желанию самих ребят. И одного возраста, и разновозрастные. И вокруг интересных дел, и по закону товарищества. И в школах, и за пределами школ. И все эти отряды должны иметь **полные пионерские права.**

Недавно к нам в гости приезжали челябинские юнкоры, и их руководительница заспорила: «А как быть с теми, кто в такие отряды не попадет? Они останутся за рамками организации, без присмотра».

Но пионерская организация — не продленка для детишек, которые могут нашалить без взрослых. Она добровольная, для тех, кто хочет работать. Это первое, а второе... Разве сейчас мало таких, кто в организации числится, а на самом деле «за рамками»? Галстук сует в карман, когда выходит из школы, когда классная руководительница не видит. Так зачем бюрократию разводить, бумажные цифры? На бумаге пионеров чуть ли не двадцать миллионов. А сколько их по правде, кто-нибудь считал?

По правде это те, кто не успокаивается, отстаивает интересную жизнь и права организации. И вот тут надо сказать о втором плане, о личном: о чертах характера, которые нужны, чтобы бороться с бюрократами.

Какая черта главная?

Не сразу ответили даже опытные юнкоры. Говорили всякое:

— Смелость...

— Твердость....

— Честность...

— Убежденность...

И лишь после долгих обсуждений кто-то сказал:

— Человеческая гордость.

И решили, что это точно. В «десятку». Потому что всех качеств, которые упоминали раньше, недостаточно, если нет у человека гордости, хорошего самолюбия, крепкого личного достоинства. Нет понятия о своей чести. Ведь именно достоинство не дает человеку отступить, если он прав, заставляет отстаивать свою точку зрения до конца. Такой человек понимает, что, если он отступит, не защитит правду, он унизит себя. Для него общая правда и личное достоинство, гордость за себя — неразрывны. Ох, как часто взрослые про таких ребят говорят: «Он ведет себя вызывающе!» А он **вызывает** огонь на себя. Потому что справедливость для него дороже спокойной жизни и благополучной характеристики.

Неожиданный поворот, да? От разговора о бюрократии до понятия о личной чести. Но выясняется, что темы эти переплетены. Ведь недаром те, кто хочет превратить пионерскую организацию в «продленку», так боятся самостоятельных и принципиальных ребят.

Вспомните, в «воспитательных беседах» на классных часах когда-нибудь говорилось о личной чести пионера?

Стали вспоминать.

Маша Сухарева:

— Нам говорят, что честь класса надо любить, но про свою честь и гордость — ни слова.

Костя Попов:

— Старшие часто унижают ребят и заставляют делать то, что хотят. А гордый этого не позволит.

Андрей Ждахин:

— Про честь класса нам твердят все время, а про честь человека — никогда. Разве что на уроках литературы. Но это не про нас, а про книжных героев. А нас это будто не касается. Выскажешь какое-нибудь несогласие, и тебе сразу: «Не дорожишь честью коллектива, эгоист». А разве может быть честь у коллектива, в котором у каждого человека честь пытаются задавить?

Марина Келина:

— А если у каждого из ребят в коллективе есть свое достоинство, то и отряд будет крепкий, честный. В общем, хороший. Хотя некоторым кажется, что «хороший» значит «послушный».

Гоша Боченин:

— Мне вообще кажется, что это отдельная тема для целой статьи. Я предлагаю всем юнкорам «Пионера» выступить в журнале о том, что такое личная честь пионера и честь пионерского коллектива, как они связаны. Почему иногда будто бы ради чести коллектива честь человека стараются подавить?

Хорошее предложение. Но кончать статью мы на этом не стали. Во-первых, нет у нас такой привычки кончать материал призывами: «Давайте все вместе подумаем и обсудим». Во-вторых, мы хотим рассказать еще об одном случае.

Один мальчик не пришел в отряд «Каравелла» на вахту. День в отряде был очень ответственный, вахта очень важная. Да и вообще неявка на вахту в морском отряде — это ЧП. Все равно что уход с поста. Мальчик объяснил, что он не мог прийти: учительница отправила его на какой-то неожиданный дружинный сбор, сказала: «У нас и так мало барабанщиков». Как случилось, что он оказался барабанщиком в школьной дружине, хотя состоял в «Каравелле»,— это отдельный вопрос. Можно ли состоять в двух пионерских отрядах и дружинах одному человеку; как быть, если

совпадают дела; кто тут должен решать — четких разъяснений до сих пор нет. Раньше было известно точно: пионер может состоять только в одном отряде. Но сейчас высшее пионерское руководство ясности не внесло даже на слете. И это отдельная тема, не о том сейчас речь (хотя говорить об этом тоже нужно, и чем скорее, тем лучше).

Если бы мальчишка обратился к пионерскому руководству, если бы школьная вожатая попыталась как-то согласовать вопрос с нашим отрядом, все можно было бы решить, но мальчик пошел по привычному пути — к классной руководительнице. И она привычно ответила, что ничего не знает, главное — это школа. И он ведь не разрывался между долгом перед школьной дружиной и долгом перед «Каравеллой». Он разрывался между нашим отрядом, где провел больше года, и **страхом перед учительницей.** Впрочем, не очень-то и разрывался. Видимо, привычно решил: раз учительница велела, пионер должен слушаться обязательно.

У него хватило понимания и самолюбия не дожидаться потом совета отряда и самому заявить об отставке. Но твердости, чтобы отстоять себя в стычке со школьным бюрократизмом, не хватило.

Мы не обвиняем его. Наверное, сами виноваты: не умели воспитать в нем прочного понятия о достоинстве. Но ему всего двенадцать лет. А почему же комсомольским руководителям, которые стоят во главе пионерской организации, не хватает тех же качеств, что и двенадцатилетнему школьнику? Неужели не страдают их гордость, достоинство, самолюбие, когда пионерской организацией — организацией, которой поручено руководить им! — командуют завучи и классные руководители? Ведь у школьных педагогов совсем другие права и задачи. А командиром в каждом отряде, в каждой дружине должны быть посланцы комсомола.

Редакционная группа пресс-центра «Каравелла»: Костя Попов, Роман Урманов, Станислав Белоглазов, Лера Белихова, Денис Белихов, Витя Жуков, Игорь Бессонов, Маша Боченина, Гоша Боченин.

Командир ред. группы Л. Белихова

Руководитель п/ц «Каравелла» В. Крапивин.

Оформление А. КРУПНИКОВА.

ОТ РЕДАКЦИИ: Читатель! Есть предложение. Обсуди с друзьями точку зрения пресс-центра «Каравелла» и напиши нам, как ты понимаешь, что такое бюрократизм в пионерской организации и в чем ты согласен с каравельцами, а в чем нет. На конверте поставь девиз:

«ДОЛОЙ БЮРОКРАТИЗМ!»

СЕКРЕТНОЕ ПОСЛАНИЕ

Сережа с Чипом долго спорили, подводя итоги Большого конкурса 1987 года. Они отобрали семь лучших работ, и в каждой были интересные идеи, но, увы, ни в одной не было такого блеска, как в работах победителей прошлого года. Да и самих писем получено меньше. Тогда две с половиной тысячи, а сейчас 615. Конечно, сказки и шутки программировать легче, чем серьезные задачи.

— Знаешь, Чип, обиднее всего, что так много ребят прислали чужие программы, вместо того чтобы придумать свои.

— Да, стыдно! — Чип усмехнулся и добавил: — А ведь пройдет лет пять — и появятся компьютеры пятого поколения, которые смогут сами писать программы. Эти ребята рискуют остаться без работы в двадцать первом веке.

— Ну вот смотри, Чип, Витя Лавренко из г. Истры придумал свою игру «рыбная ловля». Идея, по-моему, интересная. Можно выбрать наживку, удочку, место, где лучше клюет, рыба может и оборвать леску, ее видно сквозь воду, так что игра азартная.

— А мне больше нравится игра «автогонки» Вити Урнышева из Петропавловска-Камчатского. У него гонщик перед началом гонки сам собирает автомобиль. Сам выбирает мотор, кузов, колеса... Интересные работы прислали Миша

Погонин из Архангельска, Саша Бауров из Новосибирска, Карапет Овивян из Москвы, Петя Сурдяев из Одессы и Паша Юркин из с. Громово.

— Нет, Чип, так мы не выберем победителя. Слушай, а может, возьмем самого среднего — это же тоже одно из условий конкурса?

— Давай смотреть: средний участник конкурса-87 родился 17 августа 1975 года в 5 часов 30 минут. Ближе всех к этому моменту Олеся Матвеева из Армавира, она родилась в этот день, но на час позже. Правда, в остальном ее работа намного слабее семи лучших.

— Опять несправедливо,— возразил Сережа,— все-таки у двух Вить работы интереснее. Знаешь, а что если дать им, семи финалистам, еще одно задание. Кто лучше справится, тот и победит. Чип, помоги придумать такую задачу!

— Ну что же, мы с тобой еще не играли в шифры.

— Что, загадывать или отгадывать? — загорелись глаза у Сережи.

— И то, и другое, но только сначала я расскажу тебе одну детективную историю.

«Штирлиц взглянул на часы. Было 12.33, одна минута до условленного времени. Он не отрываясь смотрел в окно вагона, привычно фиксируя отражения. Стрелка солидных швейцарских часов неторопливо прошла еще круг. Он вздохнул, вынул часы из жилетного кармана и переложил в правый карман ватерпруфа. Это был сигнал.

Движение нежной маленькой руки оказалось небрежно, почти незаметно. «Хорошо их учат в этой пресловутой школе»,— усмехнулся про себя Штирлиц. Из осторожности он проехал еще одну остановку. Неподалеку от Генерального штаба он присел на скамейку, подождал, пока мимо проковыляла седая дама с ризеншнауцером, и только тогда вынул из кармана записку.

Судя по кириллице и размеру слов, текст был на русском языке, но шифр — новый. «Пожалуй, часа два у меня есть, раньше они не хватятся». Штирлиц любил разгадывать шифры. Частотную таблицу русских букв он помнил наизусть. Оставалось составить такую же таблицу для неизвестного текста и сравнить их. Сообщение получалось довольно странное.

О мядр щзщшпдкф юяфяспд.

— Люп впшпыкю?

— Нфпд.

— Пюлоьз.

— Пю шяыпфеьз.

— Тюп шзм дзьп?

— Чплпфзьз.

— Ьфр лпвп?

— Ьфр нэдз мпявп.

— З мдпвп фк ъыкнфзюх?

— Ьз ъоьпш пюзл ърюх
КФК чянюх:
Упфхчя ямо дя наянюх:
Пд о мядр ябя мзфядхлкг.

Увлекшись, Штирлиц забыл обо всем. В ключе не хватало всего трех букв, когда знакомый голос насмешливо произнес: «Игра окончена, полковник. Разведчик должен уметь проигрывать».

— Дениска, так нечестно! Мы же договорились до трех часов, а сейчас 2.30. Мне же совсем немного осталось!

— Эх, дедушка, как же ты не заметил, что я тебе в метро часы на полчаса назад подвел. А еще бывший разведчик! Ну ладно, ничья, а теперь пошли скорее, я обещал, что мы еще хлеб по дороге купим...».

— Так это что, не настоящий Штирлиц?! — возмутился Сережа.— А я-то уши развесил.

— Почему не настоящий, самый настоящий, только он уже на пенсии. Разве не может бывший разведчик поиграть после школы с внуком?

— Ну, допустим, а что за частотная таблица — я ничего не понял.

— Частотная таблица — один из самых важных инструментов шифровальщика. Возьми любую книгу и посчитай, сколько раз на какой-нибудь странице встречается буква «а», потом на другой странице, на третьей. Ты получишь примерно одинаковые числа. То же самое надо проделать с другими буквами алфавита. Можно посчитать, что любой русский текст состоит на 9,4% из букв «о», на 9% из «а» и так далее. Теперь возьми секретное послание. Мы предполагаем, что оно написано по-русски, перетасованным алфавитом. Посчитаем, какие буквы в нем встречаются и с какой частотой, сравним таблички и....

— Понял! — обрадовался Сережа.

— Только не думай, что все так просто, это ведь статистика, так можно угадать только самые часто встречающиеся буквы, так что тебе придется попотеть. А если остались еще какие-то неясности с частотной таблицей, посмотри рассказ Эдгара По «Золотой жук».

ОТ РЕДАКЦИИ.

Эту задачу мы предложили в письмах семи финалистам конкурса Чипа. Лучше всех справились Саша БАУРОВ и Карапет ОВИВЯН, они и получают калькуляторы фирм «Кассио» и «Электроника» на солнечных батарейках. Победитель шуточного конкурса Олеся МАТВЕЕВА — годовую подписку на «Пионер» 1989 года. А остальные пять претендентов на призовые места — грамоты журнала «Пионер».

А ТЫ НАШЕЛ КЛЮЧ К ЭТОМУ ШИФРУ?

Рисунки Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.

БУКЛАВКА

Аркадий АВЕРЧЕНКО

ЧЕЛОВЕК ЗА ШИРМОЙ

Аркадий АВЕРЧЕНКО по праву одним из первых появляется в нашей «Буклавке». Когда-то он очень много рассказов напечатал в журнале «Сатирикон». Потом сам создал журнал «Новый сатирикон» и печатал рассказы там. Мы решили: пусть уж он и в «Сатирикончике» тоже напечатается. Чтоб по справедливости.

План у Мишки был такой: залезть за ширмы около печки в комнате тети Аси и там умереть. Это решение твердо созрело в голове Мишки.

Жизнь его была не красна. Вчера его оставили без желе за разбитую чашку, а сегодня мать так толкнула его за разлитые духи в золотом флаконе, что он отлетел шагов на пять. Правда, мать толкнула его еле-еле, но так приятно страдать: он уже нарочно, движимый не внешней силой, а внутренними побуждениями, сам по себе полетел к шкафу, упал на спину и, полежав немного, стукнулся головой о низ шкафа.

Подумал: «Пусть убивают!»

— Пожалуйста, не притворяйся,— сердито сказала мать.— Убирайся отсюда!

Мишка встал и пошел в темную комнату тети, придерживая рукой сердце, готовое разорваться от тоски и уныния...

Зашел за ширмы и присел, но сейчас же, решив, что эта поза для покойника не подходяща, улегся на ковре. В какой позе его должны найти? Что-нибудь поэффектнее, поживописнее. Мишка лег на спину, разбросал руки, ноги и стал понемногу умирать...

Но ему помешали. Послышались шаги, чьи-то голоса и разговор тети Аси с знакомым офицером Кондрат Григорьевичем.

— Настасья Петровна! Десять минут... Мы так с вами редко видимся и то все на людях... Я с ума схожу!

Мишка, лежа за ширмами, похолодел. Офицер сходит с ума! Что если сумасшедший найдет Мишку за ширмами?..

— Вы говорите вздор, Кондрат Григорьич,— совершенно спокойно, к Мишкиному удивлению, сказала тетя.— Не понимаю, почему вам сходить с ума?

Мишка потихоньку заглянул в нижнее отверстие ширмы, тетя преспокойно сидела на кушетке, а офицер стоял около нее, опустив голову...

— И вы не догадываетесь?!

— Нет,— сказала тетя, кладя зеркальце на колени.

— Так знайте же, что я люблю вас больше всего на свете!

«Вот оно... Уже начал с ума сходить,— подумал со страхом Мишка.— На колени стал. С чего, спрашивается?»

— Я день и ночь о вас думаю... Ваш образ все время стоит передо мной. Скажите же... А вы... А ты? Любишь меня? Ну, скажи мне! Я буду тебя на руках носить, я не позволю на тебя пылинке сесть... Ну, скажи — любишь? Одно слово... Да?

— Да,— прошептала тетя, закрывая лицо руками.

— Одного меня? — навязчиво сказал офицер, беря ее руки.— Одного меня? Больше никого?

Мишка, распростертый в темном уголку за ширмами, не верил своим ушам. «Только его? Вот тебе раз!.. А его, Мишку? А папу, маму? Хорошо же... Пусть-ка она теперь подойдет к нему с поцелуями, он ее отбреет».

— Настя! — сказал офицер, прикладывая руки к груди.— Сокровище мое! Я за тебя жизнью готов пожертвовать.

(Продолжение на с. 51)

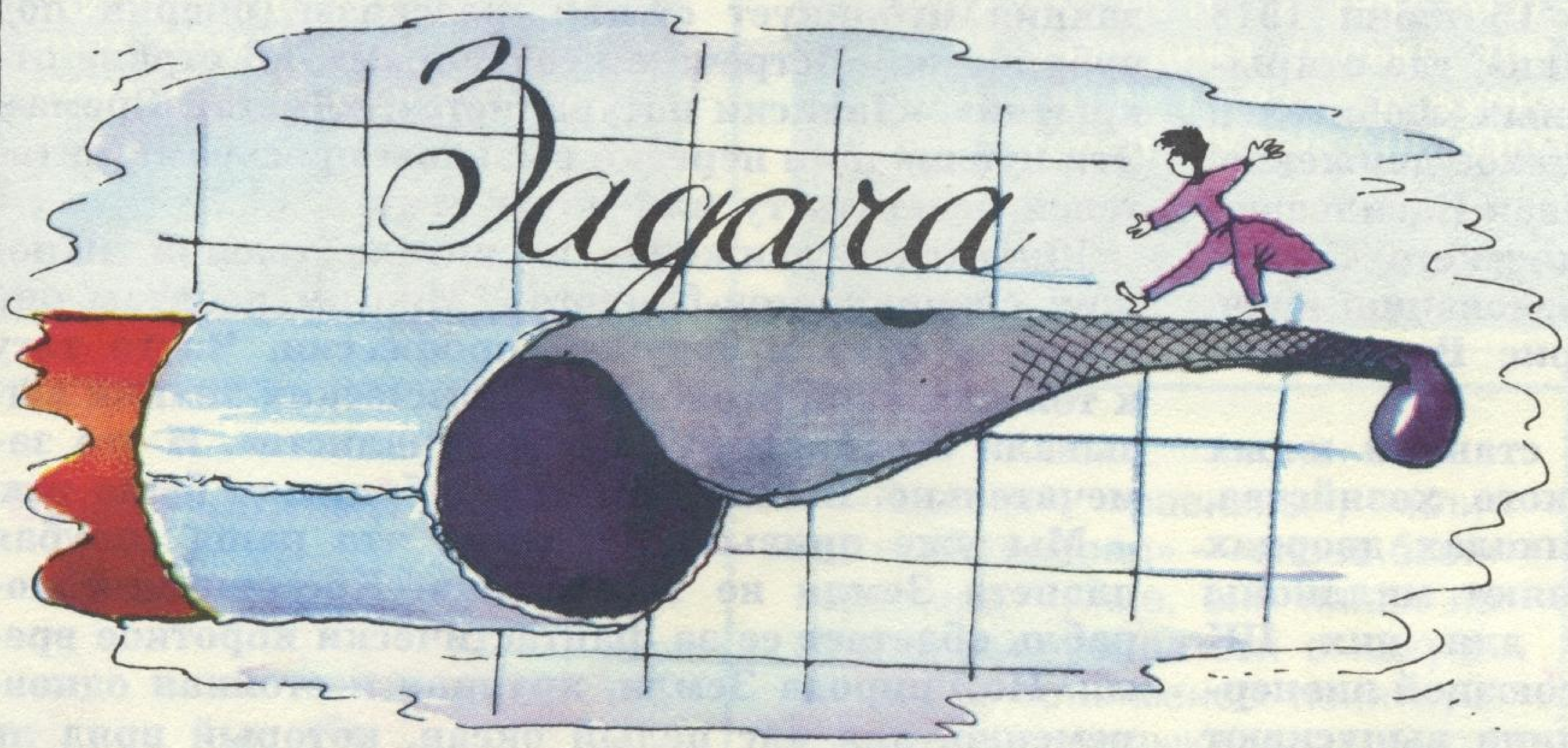
ПРО МАЛЬЧИКА ЛЕШУ

Сергей СЕДОВ

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Однажды мальчик Леша делал домашнее задание. А одна задачка не решалась! Тогда он позвал маму, а сам превратился в муравья и залез в чернильницу. А пока мама думала, как решить ему задачку, он незаметно выполз из чернильницы и залез на тетрадку. А потом как превратится обратно сам в себя да как закричит: «Ага, мамочка! Кляксу поставила!» И показывает на то место, где сам только что ползал. Мама удивилась: «Как же это, я ведь шариковой ручкой пишу! Опять какие-то твои фокусы! Не буду больше решать!» И ушла на кухню. А Леша быстренько превратился в академика, решил задачку и побежал играть в футбол.

(Продолжение историй про мальчика Лешу следует)



ОТВЕЧАЙНАЯ

«Напечатайте в своем журнале «Три повести о Малыше и Карлсоне» писателя Лингрода». Б-ва Таня, г. Воркута.

«Писателя Пушкина знаем, писателя Толстого знаем, даже шведскую писательницу Линдгрен знаем. А вот с Лингродом, извини,— не знакомы!»

«Когда я вижу по телевизору спортсмена К-на, я обмираю и становлюсь неживой». В-ая М., г. Курск.

«Уважаемая М. В-ая! С твоей жалобой мы обратились на телевидение. Больше они этого спортсмена показывать никогда не будут. Живи!»

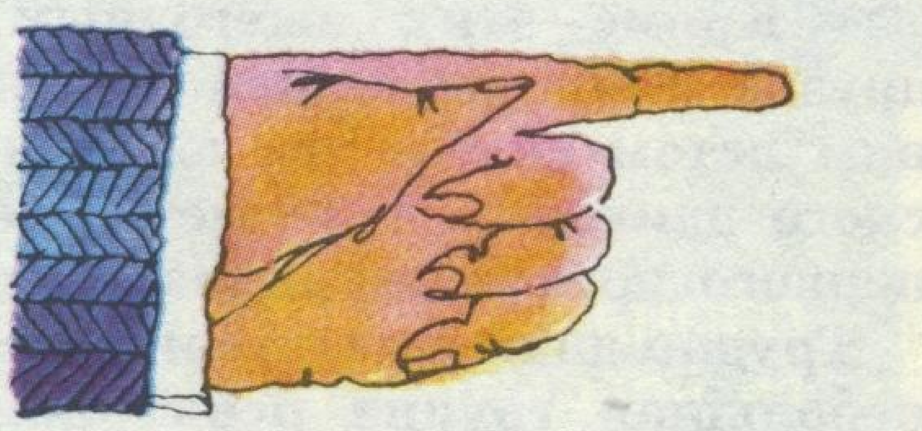
ХОДЯЧИЙ АНЕКДОТ

НУ, ДИРЕКТОР, ПОГОДИ!

— Если директор не откажется от своих слов, я уйду из школы.

— А что он сказал?

— Он сказал, что исключает меня из школы!



ПЕРЕВОД ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

* * *

Я расскажу историю
Про Джека и про Глорию.
Итак, я начинаю.
А после расскажу я
Про Тома и про Джули.
На этом я кончаю.

Перевел с английского Н. ЛАММ.

АБЗАЦ

НОВОСТИ ИСКУССТВА

Самым знаменитым металлистом стал в городе К. Витя Н. Сдав в пункт Вторсырья весь находящийся на себе металл, он смог приобрести на вырученную сумму электрогитару, электроорган и еще хватило на электроутюг.

В СТИЛЕ «РЕТРО»

Даниила Кешева часто спрашивают:

— Даниил, почему ты уже третий год не можешь перейти из пятого класса в шестой.

— Мой стиль — ретро,— вежливо отвечает Даниил.

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

ПРАЗДНИКИ ЮННАТОВ

Дни птиц и леса, Праздники урожая и цветов, Всемирный день охраны окружающей среды. Кроме этих ежегодных праздников, юные друзья природы нашей страны отмечают нынешним летом еще и два юбилея — 70-летие юннатского движения и 60-летие со дня выхода в свет первого номера журнала «Юный натуралист».

Трудно даже представить себе, что только очень небольшая группа ребят пришла 15 июня 1918 года в московский парк «Сокольники», где открылась первая в России станция юных любителей природы. Так началось у нас юннатское движение. У истоков его стояли большевик Иван Васильевич Русаков — председатель Сокольнического Совета рабочих депутатов Москвы, по образованию врач, и молодой учитель биологии Борис Васильевич Всесвятский.

Сейчас в стране более тысячи станций юных натуралистов и опытников сельского хозяйства, множество юннатских кружков в школах, дворцах пионеров, зоопарках. Они объединяют миллионы юных друзей природы. Именно для них ЦК ВЛКСМ и Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина выпускают журнал «Юный натуралист».

Шестьдесят лет назад, когда в 1928 году вышла первая тоненькая, невзрачная тетрадка журнала, слово «экология» было известно в основном биологам. Да и не вкладывали в него того содержания, которое вкладывают в наше время. И тем не менее журнал и тогда, и сейчас служил и служит одним целям. Главные из них: воспитывать человека, преданного коммунистическим идеалам, честного, трудолюбивого, образованного, активного в жизни. Воспитывать человека, любящего природу и знающего, что в ней можно делать, а что нельзя.

Кого мы называем юннатом? В первую очередь школьника, стремящегося познать законы естествознания и обратить эти знания на пользу природе и своему народу.

Сейчас охрана природы требует больших затрат и больших усилий. И, конечно, юннатам предстоит учиться так хозяйствовать на земле, чтобы не наносить ущерба природе. Важно не истощать, обогащать ее. А это не простая наука.

«Колосок», газета в журнале, рассказывает ребятам о всех формах юннатского движения. Здесь и опыт лучших отрядов голубых и зеленых патрулей, ученических производственных бригад, школьных лесничеств, научных объединений учащихся, школьных заказников и заповедников.

Среди юннатов есть юные зоологи, ботаники, экологи, лесоводы, полеводы, аквариумисты, собаководы, пчеловоды... Всех и не перечислишь. Юннаты не только изучают, исследуют, обогащают, но и охраняют природу, участвуя во многих всесоюзных природоохранных операциях: «Зеленый наряд Отчизны», «Живое серебро», «Малым рекам — полноводность и чистоту», «Муравей», «Подснежник», «Родничок». Все эти юннатские дела, конечно же, находят отражение на страницах их научно-популярного журнала. В нем часто выступают ведущие ученые-биологи, писатели, журналисты, художники, фотографы.

Читатели журнала активно переписываются с редакцией. Выступают в рубриках «Колосок», «Клуб Почемучек», «Размышляя о письмах». Редакция публикует статьи, рассказы, очерки под рубриками: «Встреча с необычным», «В стране открытий», «Записки натуралиста», «Листая Брема». Эти публикации нередко вызваны просьбами читателей осветить ту или иную тему.

Юннатское движение воспитало тысячи знающих специалистов-биологов. Многим ребятам оно открыло путь к будущей профессии. Часто тягу к той или иной отрасли биологических знаний вызывали страницы «Юного натуралиста». И это замечательно. Важно, чтобы и в будущем было так.

Мы уже привыкли к тому, что наша голубая планета Земля не так велика. Космический корабль облетает ее за фантастически короткое время. Но природа Земли, хрупкая и стойкая одновременно, для нас целый океан, который вряд ли дано объять одному человеку. Она, как магнит, притягивает нас к себе — красотой, богатством, тайнами.

И для увлеченных людей, для таких, как наши юные натуралисты, встречи с природой, работа в ней всегда были праздником. Исследовать природу человек будет всегда.

С праздником вас, ребята!

А. РОГОЖКИН,
главный редактор журнала «Юный натуралист»

Фото автора

МУЗЫКАЛЬНОЕ ЛОТО 3

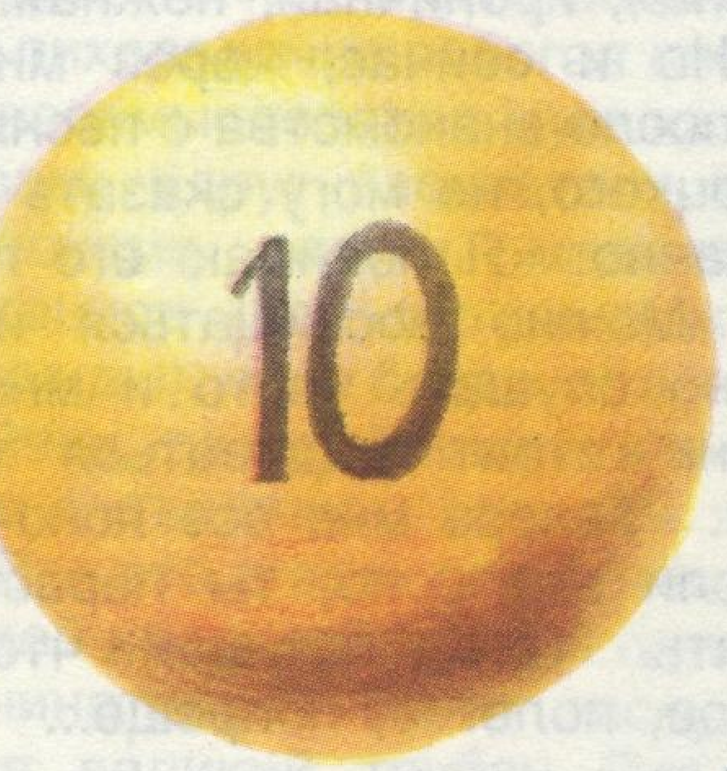
СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Борис МИНАЕВ — ЖИВЫЕ ПЕСНИ
ЛУИ АРМСТРОНГ
ДОМАШНЯЯ ФОНОТЕКА

СЮРПРИЗ ДЛЯ ТЕХ, КТО СОБИРАЕТ ДИСКИ.

Внимание! ЧЕТЫРЕ НОМЕРА НАШЕГО МУЗЫКАЛЬНОГО ЛОТО (см. № 10 за 1987 год) — 7, 10, 11 и 4 — отгадали из 13 671 участника только 100. ПОСЛЕДНИЕ ДВА ШАРА вы узнаете из № 11 нашего журнала. Также в № 11 мы объявим победителей МУЗЫКАЛЬНОГО ЛОТО-88.

ВЫИГРЫШНЫЙ НОМЕР



ЖИВЫЕ ПЕСНИ

Помню, как папа впервые принес и поставил на проигрыватель пластинку с песнями из кинофильма «Вертикаль».

Здесь вам не равнины,
здесь климат иной,
Идут лавины одна за одной.
И здесь за камнепадом
ревет камнепад...

«Лавины», «равнины», «климат», «камнепад» — слова были взрослые, чужие, они никак не хотели выстраиваться в какую-то более или менее понятную картину, но музыка слов была тревожно-захватывающей, как само восхождение:

Мы рубим ступени, ни шагу назад,
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине
бежать из груди...

Еще тогда, вместе со школьными прописями, сложением и вычитанием, я воспринял первый урок поэзии, который дал мне Высоцкий. Урок был такой: слова — живые. Когда напряжение становится колоссальным, когда у альпиниста режет глаза, звенит в ушах, тогда:

Как вечным огнем,
сверкает днем
Вершина изумрудным льдом,
Которую ты так и не покорил.

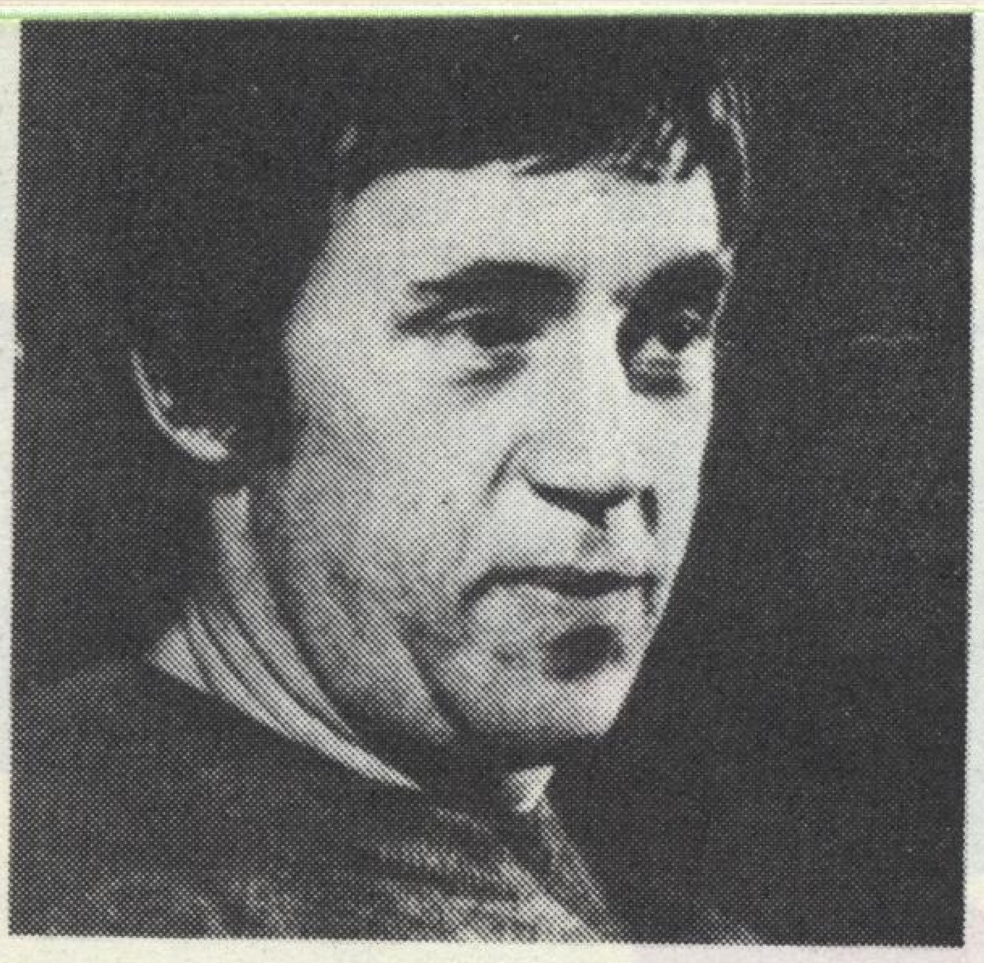
Вам, меломаны, на заметку!
Спешите распахнуть журнал
И обнаружить этикетку
Для диска (может, кто достал?)!
Возьмите ножницы и классно
По кругу вырежьте картинку,
Затем наклейте на пластинку.
Диск будет выглядеть прекрасно!
Отныне так и поступайте,
Но и читать не забывайте!

С60 26903 007 — РАВНОДЕНСТВИЕ — СТЕРЕО, 1 сторона

ГРУППА «АКВАРИУМ»

Музыка и слова Бориса Гребенщикова
1. Иван-чай. 2. Великий дворник. 3. Наблюдатель. 4. Партизаны полной луны. 5. Лебединая сталь.
Запись 1987 года.

«ПИОНЕР» — «МЕЛОДИЯ»



И совсем другой ритм был у песни о земле:

Кто сказал: «Все сгорело
дотла.
Больше в землю
Не бросите
семя»...
Кто сказал,
Что земля умерла?
Нет...
Она
затаилась
на время.

Огромные паузы между словами, будто человек глотает слезы, они душат его, и вот речь получается отрывистой, каждое слово стопудовое, и как же нелегко его поднять...

Прошло время. Несколько купленных отцом миньонов с военными песнями Высоцкого пылились где-то между «Самоцветами» и «Песнярами». А магнитофона у меня тогда не было. Поэтому песни Высоцкого доставались мне в каком-то разорванном виде, то в автобусе, то в электричке, то в кино споют полкуплета и оборвут разговором. Песни как будто дразнили, ускользая,— они были везде, вокруг, а услышать по-настоящему я их не мог.

...Наверное, из-за этой обрывочности песни часто ставили меня в тупик. Чем Высоцкому не угодили космические пришельцы с созвездия Тау-Кита, Бермудский треугольник, идея о переселении душ? Почему сказочные персонажи в его песнях похожи на скандальных соседей по лестничной клетке, и наоборот — самые заурядные личности вызывают жгучий интерес? Разве могут мыслить, злиться, иметь человеческий характер волк, конь, самолет?

Но постепенно я понял, что к песням, к поэзии Высоцкого нужно искать свой путь, трудный, может, и «опасный, как военная тропа». Но обязательно свой. Ведь мир его песен огромен, и входить можно через самые разные двери.

Вход первый — самый доступный. Подхохатывать жесткому, смачному его юмору, не очень задумываясь о смысле. К сожалению, так многие и поступают.

Второй — извлечь из песни простую, честную мысль (в восемнадцатом веке ее назвали моралью, а сейчас так говорить вроде бы не принято, и все же...).

Не лучше ли при жизни быть
Приличным человеком?..

Я не люблю,
когда мне лезут в душу,
Тем более, когда в нее плюют.

Третий — прожить вместе с песней жизнь ее персонажа: солдата, канатоходца, альпиниста.

А есть еще четвертый, пятый, шестой... Мне кажется, ключиков к этим дверям всегда по два: поэтический и нравственный, этический.

Я уже говорил об удивительной **музыке слова:** неожиданные созвучия, перемены ритмов. И хотя мелодия кажется нехитрой, но внутренняя музыка таких строчек, как «И еще будем долго огни принимать за пожары мы, будет долго зловещим казаться нам скрип сапогов...», обладает и энергией рока, и раскованностью джаза, и глубиной симфонии.

Человечность. Нет такого героя, такой темы, к которым поэт отнесся бы «никак», нейтрально. И даже если ты с непривычки запутался в водовороте образов, кружеве слов, **человеческая** интонация всегда поможет разобраться — гневная, язвительная, ироничная, нежная.

...Но и сейчас, через много лет после знакомства с песнями Высоцкого, не могу сказать однозначно: «Я понимаю его песни». Можно восхищаться ими, можно слушать часто и много, но не стоит радоваться про себя: «Теперь мне все ясно».

Если все ясно, ты перестал думать. Тогда слушай что-то другое, полегче, попроще...

ВНИМАНИЕ!

СЛЕДИТЕ ЗА ЖУРНАЛОМ «ПИОНЕР»!!

В СЛЕДУЮЩИХ ВЫПУСКАХ «МУЗЫКАЛЬНОГО ЛОТО» БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ ЭТИКЕТКИ ГРАМПЛАСТИНОК ИЗВЕСТНЫХ СОВЕТСКИХ РОК-ГРУПП!

ВЫИГРЫШНЫЙ НОМЕР

ЛУИ АРМСТРОНГ

Одни считают Армстронга великим певцом. Другие — великим трубачом. И те и другие правы. «Заслуга Армстронга состоит в том, что он превратил джаз из коллективной музыки в искусство сольной игры»,— пишет историк джаза Дж. Коллиер. Что это значит?

Вы слышали, как джазовые музыканты внезапно переходят из одной тональности в другую, в верхний регистр, на немыслимо высокие ноты? А саксофон, пианино или контрабас, исполняя соло, вдруг начинают отклоняться от такта (что немыслимо в эстрадной музыке), совершая «пируэты» вокруг основной мелодии: то как будто задыхаясь, то лихорадочно забегая вперед? И незамысловатая музыкальная фраза вдруг расцветает всеми красками радуги, множеством оттенков (все это за какие-то секунды), как будто солнечный зайчик, раздробившийся в цветном бутылочном стекле?

Все это и есть искусство джазовой импровизации. И одним из зачинателей этого искусства был великий трубач Луи Армстронг.

До конца своей долгой жизни Армстронг продолжал концертировать — ему было семьдесят один, когда он умер,— неувядаемый Сэчмо, любимец публики, обладатель потрясающей улыбки и хриплого, будто насквозь простуженного, откуда-то из могучей груди идущего голоса. Этот голос, исполняющий «Хелло, Долли!», «Мэкки-нож» и другие веселые песенки сороковых годов, стал паролем юности ваших дедушек и бабушек, он разносился по послевоенной разрушенной Европе как символ надежды, тепла, радости. Его голос (можно сказать отсутствие голоса) нарушал все законы вокального искусства, но Армстронг пел, и его голосом пел негритянский джаз Америки.

Джаз, родившийся в нищенских кварталах Нью-Орлеана, джаз, игравший без нот, по слуху, на уличных праздниках, карнавалах, в маленьких кафе, джаз, блестящими импровизациями доказавший белой Америке и Европе, что «искусство черных» есть неотъемлемая часть мировой музыки.

Ансамбль «Машина времени» выпустил уже несколько пластинок. Есть на них старые шлягеры, есть и новые песни. Но важно то, что впервые в истории советской рок-музыки вышел альбом (два диска-гиганта) «Реки и мосты», который является не сборником песен, а попыткой создать как бы целостное произведение со своей оригинальной композицией, интересными музыкальными связками, а главное — единой мыслью. Иногда, правда, песни кажутся многословными, а гитарные импровизации напоминают «что-то знакомое». Но не беда.

Оказывается, рок-музыка заставляет думать, слушать аранжировку и мелодию, а не просто «дрыгать в такт ногой».

Это открытие ожидает всех, кто внимательно послушает альбом «Реки и мосты».

* * *

Рей Конифф оказался первым в истории музыки аранжировщиком, который взялся сделать танцевальную мелодию из Первого концерта и «Лебединого озера» Чайковского, «Серенады» Шуберта, других гениальных творений классиков. «Хэппи-бит» (стиль, созданный Кониффом) запросто уложил в пульсацию гитары и ударных все популярные мелодии, которые когда-либо создавали композиторы. «Хэппи-бит» оказался удачной находкой благодаря прекрасному хору, поющему в унисон с оркестром, что придает звучанию особый тембр, окрашивает знакомые произведения новым светом... Так что можно потанцевать под Чайковского, если купить пластинку «Голубая рапсодия»... И послушать знаменитый оркестр тоже.

(Смотри с. 46)

Этот ход Мишке понравился. Он чрезвычайно любил все героическое, пахнущее кровью, а слова офицера нарисовали в Мишкином мозгу чрезвычайно яркую, потрясающую картину: у офицера связаны сзади руки, он стоит на площади на коленях, и палач, одетый в красное, ходит с топором. «Настя! — говорит мужественный офицер.— Сейчас я буду жертвовать за тебя жизнью...» Тетя плачет: «Ну, жертвуй, что ж делать». Трах! И голова падает с плеч, а палач, по Мишкиному шаблону, в таких случаях скрещивает руки на груди и хохочет оскорбительным смехом.

— Ах,— сказала тетя,— мне так стыдно... Иди, милый.

— Иду. О радость моя! Один только поцелуй!

— Нет, нет, ни за что...

— Только один! И я уйду!

— Нет, нет, ради бога...

«Чего там ломаться,— подумал Мишка.— Поцеловалась бы уж. Будто трудно... Сестренку Труську целый день ведь лижет». Мишка видел, офицер протянул руки и схватил тетю за затылок, а она запрокинула голову, и оба стали чмокаться.

Мишке сделалось немного неловко. Черт знает, что такое. Целуются, будто маленькие. Разве напугать их для смеху? Высунуть голову и прорычать густым голосом, как дворник: «Вы чего тут делаете?» Но тетя уже оторвалась от офицера и убежала.

Оставшись в одиночестве, обреченный на смерть, Мишка встал и прислушался к шуму из соседних комнат.

— Миша! — раздался голос матери.— Мишутка! Где ты? Иди чай пить.

«Эх,— подумал добросердечный Мишка.— Ну и бог с ней! Если она забыла, так и я забуду. Все ж таки она меня кормит, обувает».

Он задумался о чем-то и вдруг неожиданно громко сказал:

— Мама, поцелуй-ка меня!

— Ах ты, поцелуйка. Ну, иди сюда.

Мишка поцеловался и, идя на свое место, в недоумении вздернул плечами: «Что тут особенного? Не понимаю... Полжизни... Прямо умора!»

(Печатается с сокращениями)

Виктор ДРАГУНСКИЙ
(1913—1972)

Я очень любил бывать на выступлениях Виктора Драгунского. Вот он выходит на эстраду, его круглое лицо с черными глазами сосредоточенно и серьезно. Но вот он передвигает стул или подходит к микрофону, и ребята в зале сразу начинают хохотать.

— Чему ты смеешься? — спросил я однажды какого-то школьника, что сидел рядом.

— Да он смешной очень! Как из цирка...

Этот мальчик почти догадался. Виктор Драгунский чуть ли не всю свою жизнь был связан с театром, с цирком. Однажды он сказал: «Я был бы клоуном, если бы не стал писателем». Но прежде чем стать писателем, Виктор Драгунский прошел через все искушения театрального и циркового искусства.

Виктор Юзефович Драгунский родился в 1913 году, и ему было всего 22 года, когда он стал актером. Но ему больше нравилось придумывать, чем заучивать придуманное другими. Скоро он начал писать для цирка, для клоунов. Те веселые шуточки, которыми обмениваются клоуны на арене, разыгрываемые ими сценки они не придумывают сами тут же, при публике. Эти репризы — так они называются — пишутся заранее, они разучиваются, репетируются, и только потом публика начинает над ними хохотать. Так вот, Виктор Драгунский был большой мастер сочинять такие репризы для клоунов, чье искусство он любил и уважал.

Но ему и этого было мало. В 1948 году он организовал ансамбль «Синяя птичка». Это было веселое представление, в котором шутили, пели, танцевали, пародировали известных артистов и поэтов. В этой «Синей птичке» Виктор Драгунский был руководителем, режиссером, автором, а иногда и исполнителем. И когда через десять лет этот ансамбль распался (а это рано или поздно всегда случается с ними), Виктор Драгунский стал выступать единолично на эстраде. Он читал написанные им самим рассказы о детях. И любил их читать детям. Был у Виктора Драгунского любимый герой — мальчик Дениска. От его лица писатель рассказывал разные и всегда очень веселые истории. Зрителям очень нравились Денискины рассказы. Но даже самый большой зал может вместить не так уж много ребят. И тогда Виктор Драгунский решил эти рассказы издать книгой, и в 1959 году вышла книга «Денискины рассказы». Так появился новый детский писатель.

А потом увидели свет новые книги этого писателя: «Он живой и светится», «Расскажите мне про Сингапур», «Человек с голубым лицом» и другие. Только не следует думать, что в этих книгах было только смешное, что главная цель писателя — смешить. Конечно, с героями Виктора Драгунского случалось множество смешных историй. Но эти ребята были умными и добрыми, в основе их смешных историй и приключений лежало стремление к хорошему. И хотя Виктор Драгунский был веселым человеком, но он не проходил мимо невеселого, тяжелого, что пришлось ему увидеть и пережить. В 1963 году писатель выпустил книгу «Он упал на траву» — о суровых днях начала Великой Отечественной войны.

Виктор Драгунский был очень работящим писателем. Не только создавал рассказы, но и продолжал их читать с эстрады, писал для театров, кино. По его сценарию был поставлен фильм «Веселые истории».

О том, нужен ли писатель читателям, скорее всего узнается по тому, как издаются его книги, когда самого писателя уже нет на свете. Книги Виктора Драгунского издаются часто и никогда не задерживаются на прилавках магазинов. Как и не застаиваются они на библиотечных полках.

Лев РАЗГОН

■

Виктор ДРАГУНСКИЙ

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

— ...Тайное всегда становится явным.

И, когда она вошла в комнату, я спросил:

— Что это значит, мама: «Тайное становится явным»?

— А это значит, что если кто поступает нечестно, все равно про него это узнают, и будет ему очень стыдно, и он понесет наказание,— сказала мама.— Понял?.. Ложись-ка спать!

Я почистил зубы, лег спать, но не спал, а все время думал: как же так получается, что тайное становится явным? И я долго не спал, а когда проснулся, было утро, папа был уже на работе, и мы с мамой были одни. Я опять почистил зубы и стал завтракать.

Сначала я съел яйцо. Это еще терпимо, потому что я выел один желток, а белок раскромсал со скорлупой так, чтобы его не было видно. Но потом мама принесла целую тарелку манной каши.

— Ешь! — сказала мама.— Безо всяких разговоров!

Я сказал:

— Видеть не могу манную кашу!

Но мама закричала:
— Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей! Ешь. Ты должен поправиться.
Я сказал:
— Я ею давлюсь!..
Тогда мама села со мною рядом, обняла меня за плечи и ласково спросила:
— Хочешь, пойдем с тобой в Кремль?
Ну еще бы... Я не знаю ничего красивее Кремля. Я там был в Грановитой палате и в Оружейной, стоял возле Царь-пушки и знаю, где сидел Иван Грозный. И еще там очень много интересного. Поэтому я быстро ответил маме:
— Конечно, хочу в Кремль! Даже очень!
Тогда мама улыбнулась:
— Ну вот, съешь всю кашу, и пойдем. А я пока посуду вымою. Только помни — ты должен съесть все до дна!
И мама ушла на кухню.
А я остался с кашей наедине. Я пошлепал ее ложкой. Потом посолил. Попробовал — ну, невозможно есть! Тогда я подумал, что, может быть, сахару не хватает? Посыпал песку, попробовал... Еще хуже стало. Я не люблю кашу, я же говорю.
А она к тому же была очень густая. Если бы она была жидкая, тогда другое дело, я бы зажмурился и выпил ее. Тут я взял и долил в кашу кипятку. Все равно было скользко, липко и противно. Главное, когда я глотаю, у меня горло само сжимается и выталкивает эту кашу обратно. Ужасно обидно! И тут я вспомнил, что у нас есть хрен. С хреном, кажется, почти все можно съесть! Я взял и вылил в кашу всю баночку, а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание, и я, наверно, потерял сознание, потому что взял тарелку, быстро подбежал к окну и выплеснул кашу на улицу. Потом сразу вернулся и сел за стол.
В это время вошла мама. Она посмотрела на тарелку и обрадовалась:
— Ну что за Дениска, что за парень-молодец! Съел всю кашу до дна! Ну, вставай, одевайся, рабочий народ, идем на прогулку в Кремль! — И она меня поцеловала.

В эту же минуту дверь открылась, и в комнату вошел милиционер. Он сказал:
— Здравствуйте! — и подошел к окну, и поглядел вниз.— А еще интеллигентный человек.
— Что вам нужно? — строго спросила мама.
— Как не стыдно! — Милиционер даже стал по стойке «смирно».— Государство предоставляет вам новое жилье, со всеми удобствами и, между прочим, с мусоропроводом, а вы выливаете разную гадость за окно!
— Не клевещите. Ничего я не выливаю!
— Ах, не выливаете?! — язвительно рассмеялся милиционер. И, открыв дверь в коридор, крикнул: — Пострадавший! Пожалуйте сюда!
И к нам вошел какой-то дяденька.
Я как на него взглянул, так сразу понял, что в Кремль я не пойду.
На голове у этого дяденьки была шляпа. А на шляпе наша каша. Она лежала почти в середине шляпы, в ямочке, и немножко по краям, где лента, и немножко за воротником, и на плечах, и на левой брючине. Он как вошел, сразу стал заикаться.
— Главное, я иду фотографироваться... И вдруг такая история... Каша... мм... манная... Горячая, между прочим, сквозь шляпу и то... жжет... Как же я пошлю свое... фф... фото, когда я весь в каше?!
Тут мама посмотрела на меня, и глаза у нее стали зеленые, как крыжовник. А уж это первая примета, что мама ужасно рассердилась.
— Извините, пожалуйста,— сказала она тихо,— разрешите, я вас почищу, пройдите сюда!
И они все трое вышли в коридор.
А когда мама вернулась, мне даже страшно было на нее взглянуть. Но я себя пересилил, подошел к ней и сказал:
— Да, мама, ты вчера сказала правильно. Тайное всегда становится явным!
Мама посмотрела мне в глаза. Она смотрела долго-долго и потом спросила:
— Ты это запомнил на всю жизнь?
И я ответил:
— Да.

Рисунки К. ОРЛОВА.

Юрий НАГИБИН

Московский Петергоф

Лефортово возникло как прообраз Петергофа. Здесь, на берегах Яузы, Петр I оттачивал глаз и развивал пространственное воображение, так пригодившееся ему при создании Северной Пальмиры. В Лефортове гармонично соединились архитектура, вода и культивированная природа. Его справедливо считают вторым после Кремля величайшим памятником Москвы.

Но прежде чем рассказывать о самом Лефортове, хотелось бы коснуться его предыстории, ибо она весьма любопытна. Я уже рассказывал вам о «государевой дороге». На своем пути царский поезд оставлял справа от себя, против Басманной слободы, поселение иноземцев, которое обходилось вначале без названия, а при Алексее Михайловиче обрело имя Кукуй, по ручью Кукую, ныне не существующему. Впоследствии главная улица этой слободы получила название Немецкой, а ныне носит имя Баумана в память Николая Эрнестовича Баумана — революционера-большевика, убитого черносотенцами во время событий 1905 года.

Кукуй строился по плану: прямые, широкие улицы были обставлены нарядными поместительными домами, каждый со своим чистеньким садом. Здесь находились веселые австерии, где звучала музыка и рекой лилось пенистое пиво, давал свои представления театр, созданный разжалованным пастором Грегори. И хотя не надо преувеличивать культурный уровень его обитателей, состоявших в основном из офицеров, некоторого числа врачей, аптекарей (Аптекарский переулок напоминает о первых московских фармацевтах) и ремесленников,— Европа делегировала в далекую и холодную Московию далеко не лучших своих сынов,— все же попадались тут люди и образованные, вроде лекарей Блументроста и Розенбурга, а также повидавшие свет, подобно английскому полковнику Патрику Гордону или швейцарцу Францу Лефорту. И это привлекало в Кукуй наиболее пытливых из московской знати. Сюда наведывался ближайший человек Алексея Михайловича, направитель русской политики боярин Матвеев, женатый на шотландке и увлекавшийся театром, частым гостем здесь был знаменитый фаворит царевны Софьи князь Голицын, образованный, даровитый и несчастный государственный деятель, не угадавший в Петре монарха, за которым надо было идти. А Петр I так прикипел к Кукую, что каждый вечер скакал сюда из своего Преображенского дворца, куда он переселился из нелюбимого и опасного Кремля, где плела свои сети его сводная сестра Софья, метившая на русский престол.

Население Кукуя было смешанным, а «немцами» московский народ называл всех без исключения иностранцев: французов, англичан, испанцев, голландцев, швейцарцев, шведов, ибо все они не умели говорить по-русски, значит, были немцами — немыми.

Вот отрывок из старой книги о роли немецкой слободы в московской и русской жизни: «...немецкая слобода постепенно втянула в сферу своего культурного влияния верхи московского общества и, наконец, самого царя. Дальнейшие решительные шаги по пути сближения с нею сделал сын Алексея Михайловича, который для нее покинул свой дворец и сам стал членом слободского общества. Петр не был стеснен требованиями московского этикета в выборе знакомых и быстро, через учителей, найденных им в немецкой колонии, вступил в постоянные сношения с нею и втянулся в ее жизнь. На Яузе слобожанин Тиммерман дал Петру первые уроки навигационного искусства; слободские офицеры были инструкторами потешных полков, школой европейского общежития были для молодого царя дома слободских служивых и торговых людей».

Никого, кроме разлюбезного друга Алексашки Меншикова, не любил Петр так, как Франца Лефорта. Он сделал его генералом и адмиралом, хотя Лефорт мало смыслил в военном деле, а в морском так и вовсе ничего. Он и вообще ничего не знал досконально, но обладал хорошей и очень крепкой к вину головой, был остроумен, всегда весел, находчив и ловок в танцах. Петр видел все это, но проглядывал и другое; когда Лефорт умер, он сказал, заливаясь слезами: «Плохой был адмирал, а стоил целого флота». Ведь это Лефорт отворил царю вежды на запад, заронил в него мысль об окне в Европу, которое Петр прорубал чуть не всю жизнь, воюя со шведами, вовсе не желавшими, чтобы у России появилось такое окно, строя Петербург на крови и костях, сооружая военный и торговый флоты, укрепляя торговые связи России с европейскими странами.

Зачаток будущего Лефортова — дворец, который Петр построил для своего любимца на теперешней 2-й Бауманской улице, носившей малопоэтичное название Коровьего брода. В 17—18-м веках тут находился брод через Яузу, по которому коров гнали на скотопригонный двор у Красных ворот, ныне Лермонтовской площади. А в прошлом веке эта улица именовалась Лефортовской. Построил дворец московский зодчий Аксамитов в духе нарышкинского барокко и украсил высокой черепичной крышей. После смерти бездетного и бессемейного Лефорта Петр передарил дворец князю Меншикову. Первые московские светские рауты, называвшиеся ассамблеями, происходили в этом дворце. Удостоенным приглашения надо было проделать немалый путь, чтобы добраться сюда со своими разряженными женами и дочерьми. Вот откуда пошла тяга московской знати к Басманным улицам — поближе к царевой забаве. Петр очень серьезно относился к этим ассамблеям, и за уклонение от них наказывали жестоко. Обязаны были дремучие московиты обучаться тонкому политесу. А не хотят — в рыло!..

Лефортовский дворец князя Данилыча не удовлетворял. Он пригласил итальянца Фонтана, который сделал пристройку в форме каре и соорудил красивый въезд со стороны Коровьего брода. Дворец глядел фасадом на Яузу, теперь он стал как бы двухфасадным. В дальнейшем к этому зданию — прежде чем его забросили — приложил руку знаменитый Матвей Казаков.

В одном из помещений, давно ставшем жилым, увидел свет создатель «Чапаева», режиссер Сергей Васильев, об этом напоминает мемориальная доска.

В течение веков Лефортовский дворец не реставрировался, и здание пришло в удручающую ветхость. Некоторое время назад спохватились, и сюда пришла строительно-реставрационная бригада во главе с умелыми и опытными мастерами. Но дело идет черепашьим шагом не только потому, что бригаду то и дело отвлекают, но и потому, что не хватает белого мячниковского камня, из которого строилась старая Москва, нет документации по этому памятнику старины, и приходится идти на ощупь.

В бывшем дворце разместился Военный архив. Молодое руководство архива полно желания помочь строителям и впрямую — руками, и косвенно. Есть хорошее предложение водить экскурсионные группы — в архиве работают большие знатоки лефортовской старины — и собранные деньги использовать на восстановление дворца.

Кроме Франца Лефорта, был еще магнит, привлекавший юного Петра в Кукуй-городок,— дочь голландского виноторговца Анна Монс. Петр любил дважды в своей жизни: в юности — Анну Монс, в зрелые годы — Екатерину, ставшую его женой и императрицей. Петр подарил Анне дом неподалеку от Лефортова дворца. Несколько лет назад мне захотелось поклониться этому приюту любви, куда, охваченный нетерпением, в дождь,

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

в метель, в пургу мчался из Преображенского юный Петр. Долго и тщетно мыкался я по Старокирочному переулку — дом как сквозь землю провалился. Неужто врут не только календари, но и московские путеводители?

В глубине двора я приметил дворничиху в ватнике, резиновых сапогах и соломенной шляпке горшочком, обмотанной поверх шерстяным платком. Она прислонилась спиной к обшарпанной стене какой-то развалюхи и курила.

— Простите, вы не знаете, где тут дом Анны Монс?

— Я не здешняя.

Типично московский ответ, в данном случае совершенно бессмысленный. Пусть ты не здешняя уроженка, но коль живешь здесь и работаешь, то должна же знать свой переулок, свой двор.

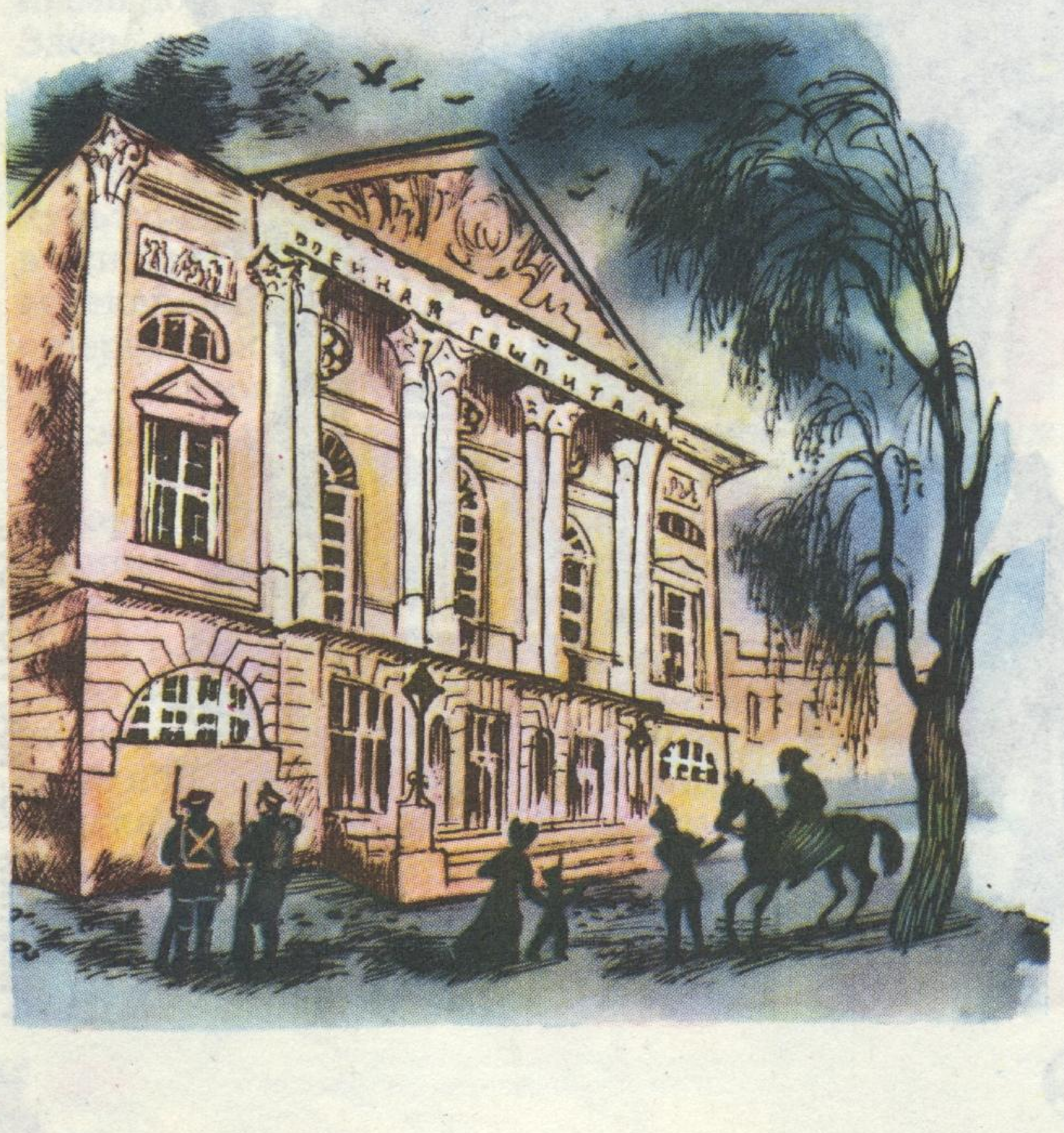
— Да вы, наверное, слышали: Анна Монс... Петр так любил ее!..

— У нас, гражданин, таких нету,— сурово до враждебности отрезала дворничиха, с силой выдыхая из ноздрей папиросный дым.

Я отступил. Уже выйдя в переулок, оглянулся и увидел угол маленького осевшего дома — в небольших полуколоннах, украшавших этот изящно скругленный угол, в наличниках двух прекрасной формы окон из-под слоев грязи, будто из затемнения, проступила прелесть московского барокко. Я не сразу сообразил, что это другая часть того самого дома, о который облокотилась не ведавшая об Анне Монс дворничиха. Я ни в чем не обвиняю пожилую женщину, но ведь отремонтировать такой домишко по силам кучке студентов-энтузиастов.

Сейчас я снова посетил былой приют любви. Знакомые, печальные места!.. Ни одна добрая рука не прикоснулась к дому, и он тихо гибнет, тем более что расположенный рядом заводишко ведет под него подкоп. Еще один камешек выковырян и потерян из обворованного алмазного венца Москвы...

Рядом с Лефортовским высится Слободской дворец. Когда-то на этом месте стоял дворец елизаветинского канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. Затем дворец перешел к графу Орлову-Чесменскому, от него к канцлеру Безбородко, а у последнего дворец откупил император Павел I. Повелением «полубезумного властелина», как назвал Пушкин несчастного монарха, дворец кардинально перестроили, включив в него еще два небольших дворца, нарекли Слободским и забыли. Вспомнили лишь при Александре I. Это здесь летом 1812 года москвичи порешили создать народное ополчение, здесь избрали главнокомандующим фельдмаршала Голенищева-Кутузова, и здесь Александр I держал патриотическую речь перед московским дворянством и купечеством, зажегшую великим энтузиазмом душу первого российского контрпропагандиста графа Ростопчина, московского генерал-губернатора и автора лубочных воззваний.



Впоследствии дворец был перестроен одним из лучших московских зодчих Д. Жилярди, отказавшимся от обычной в архитектуре тех лет колоннады. Дворец произвел большое впечатление на москвичей и вызвал многочисленные подражания. В конце шестидесятых годов прошлого века в нем было открыто Высшее техническое училище, ныне МВТУ имени Н. Э. Баумана.

Это один из лучших технических вузов страны, из стен которого вышло множество выдающихся инженеров и конструкторов, среди которых первым должен быть назван создатель советских космических кораблей Сергей Павлович Королев. Много лет кафедрой аналитической механики заведовал великий ученый Н. Е. Жуковский, здесь он читал курс воздухоплавания. И его ученик, поднявшийся до высот учителя, академик С. А. Чаплыгин преподавал здесь и вел исследовательскую работу в области скоростной авиации.

В дни первой русской революции в помещении училища работал Московский комитет РСДРП(б). Здесь после подлого убийства вождя московских большевиков Николая Баумана стоял гроб с его телом, и отсюда потянулась траурная процессия, в которой участвовало до трехсот тысяч москвичей. В саду училища установлен памятник бесстрашному революционеру.

Исторически Лефортово возникло на обоих берегах Яузы, но сейчас, когда мы говорим «Лефортово», то имеем в виду его левобережную часть. И первоначально под этим именем была известна местность на левом берегу Яузы, где стоял солдатский полк, которым командовал Лефорт. Жили они в светелках, которые Лефорт построил за свой счет. С начала XVIII века Лефортово, отмеченное вниманием царя, начинает бурно застраиваться. Рачительный в отношении войска, Петр строит для солдат и офицеров «военную гошпиталь». Сытин сообщает, что при госпитале была первая в России хирургическая школа, анатомический театр, а также ботанический сад для разведения лекарственных трав. Тем было положено начало медицинскому образованию в России. До этого своих врачей не было, народ пользовали знахари, а знать и войско — иноземные лекари.

В начале девятнадцатого века для госпиталя построили громадное каменное здание, существующее и в наши дни. Один из лучших тогдашних зодчих, Еготов, создал воистину шедевр екатерининской классики. Его фронтон и чудесные барельефы по бокам колоннады заслуживают того, чтобы ради них совершить маленькое путешествие к яузским берегам.

Прежде чем позаботиться о плоти лефортовского воинства, Петр обустроил его дух: на свои скромные средства он возвел прекрасный храм с шатровой колокольней, который освятили во имя апостолов Петра и Павла. Этот действующий

и по сию пору храм содержится в образцовом порядке. Спешите его увидеть!

За два года до смерти Петр откупил у наследников первого адмирала Головина его дворец за Яузой и перестроил на свой вкус. Хотя Петр учредил столицу в Петербурге, его наследники не слишком тяготели к берегам пустынных невских вод. Внук почти все свое короткое царствование провел на подмосковных охотах. Анна Иоанновна, имевшая постоянным местом пребывания Петербург, в глубине души тянулась к Москве. Она построила в Лефортове два дворца, поручив это прославленному зодчему графу Растрелли. Он поставил сперва летний дворец, затем перенес сюда из Кремля зимний Анненгоф. Тогда же, видимо, возникла и Анненгофская роща, уничтоженная небывалым ураганом в 1904 году.

Какой-то рок тяготел над зиждительскими замыслами Анны Иоанновны, чье царствование, отмеченное проклятием бироновщины, было одним из самых страшных в многострадальной русской истории и самых бесплодных. Все, что при ней строилось, либо горело, либо таяло — Ледяной дом. Сгорели и оба Анненгофа — дотла. На месте разобранного Головинского дворца построили новый, но и он незамедлительно сгорел. Спустя много лет после смерти императрицы архитектор князь Ухтомский отстроил на пепелище еще один дворец, где поместился «Оперный дом», а с 1762 года — и Малый театр. Но через десять лет творение Ухтомского постигла та же участь. Заколдованное место оставили в покое.

Желание жить в Лефортове не оставляло царский дом. Екатерина II решила поставить дворец для себя, дав ему свое имя. Первоначально Екатерининский дворец спроектировал московский архитектор Яковлев, но чем-то не потрафил императрице. Из Петербурга прислали новый проект знаменитого Антонио Ринальди, создателя Мраморного дворца, и по этому проекту начали строить. Руководил работами опытный и даровитый архитектор Карл Бланк, построивший Воспитательный дом на набережной Москвы-реки. Бланк был большой любитель отсебятины, но не рискнул посягнуть на замыслы Ринальди и строил строго по проекту. Когда же дошла очередь до внутренней отделки, из Италии выписали архитектора Джакомо Кваренги, искусного рисовальщика. С этого началась необыкновенная карьера замечательного мастера, навсегда связавшего свою судьбу с Россией и удостоенного памятника в Ленинграде. Невозможно перечислить все созданное Кваренги, достаточно назвать его главные творения: Смольный институт, Эрмитажный театр, Мариинская больница, триумфальные ворота за Нарвской заставой, конногвардейский манеж, Александровский дворец в Царском Селе, а в Москве — институт Склифосовского и торговые ряды в Китай-городе. Чуждый бланковского благоговения перед Ринальди, он не ограничился тем, что от него ждали, а по-новому решил фасад дворца. Он создал колоссальную лоджию, в которую поместил грандиозную колоннаду из коринфских колонн,— менее пышными словами не передать беспримерного по мощи жеста архитектора. В Москве нет здания, равного монументальностью Екатерининскому дворцу. И при этом тут нет ничего чрезмерного, все в пределах самого требовательного вкуса, в полном, но свободном соответствии канонам классицизма.

Екатерина II не дождалась окончания строительства, а ее сын и наследник Павел, ненавидевший мать, виновную в гибели его отца Петра III

и узурпации трона, первым делом превратил роскошный дворец в казармы. Тут стоял московский гарнизонный полк, подчиненный обер-полицмейстеру Архарову, чье имя стало нарицательным: «архаровцами» называли его солдат. «Презрительное прозвище полицейских сыщиков»,— комментирует это Сытин и ошибается. Архаровцами называли солдат по фамилии командира, как, скажем, солдат Лефорта — лефортовцами, но последнее не обрело дополнительной смысловой нагрузки. Солдаты Архарова прославились своими разбойными подвигами, они не только не защищали, а сами грабили обывателей. Никаких сыщицких обязанностей полупьяная, расхристанная, преступная команда Архарова не исполняла, этим занимались другие лица, а бесчинствовала, насиловала, грабила, случалось, и убивала. В этом смысле слово «архаровец» и перешло к потомству.

Зодчий Яковлев все же вписал свое имя в архитектурную летопись Лефортова. Им построен соединяющий обе стороны слободы Дворцовый мост, который и сейчас несет свою службу. Аполлинарий Васнецов, замечательный художник, чье творчество посвящено преимущественно образам старой Москвы,— всеми нашими представлениями о древнем Кремле, старинном обличье Москвы с деревянными теремами, церквами, часовенками, мостами мы обязаны трудолюбивой руке младшего Васнецова — был и великим знатоком московской старины. Так вот, Аполлинарий Васнецов утверждает, что яковлевский мост являет собой точную, хотя и сильно уменьшенную копию Большого Каменного моста через Москву, просуществовавшего до середины прошлого века. Нет лишь предмостных башен.

В 1824 году покрывший себя столь дурной славой архаровский полк был переведен в Красные казармы, а в Екатерининском дворце разместилась более респектабельная воинская часть: кадетский корпус. Ныне там находится бронетанковая Академия.

Лефортово волей обстоятельств принимало все более военный вид. В большом ампирном здании возле Дворцового моста расположилось Алексеевское военное училище, ставшее в дни Октябрьской революции контрреволюционным центром района. Лефортово стало свидетелем ожесточенных боев.

Я забыл упомянуть о так называемых «вдовьих домах» против госпиталя, построенных для вдов павших на русско-японской войне солдат и унтерофицеров. Они жили здесь со своими детьми и работали санитарками в госпитале.

Историческая жизнь дореволюционного Лефортова кончилась в 1812 году, когда Александр I в стенах Слободского дворца призывал к отпору неприятелю, движущемуся на Москву. После этого ни государи, ни их сановники сюда не наведывались, и Лефортово утратило свой обособленный аристократический характер, растворилось в общемосковском бытии. На правой стороне жизнь кипела лишь вокруг Высшего технического училища, все остальное тихо старилось и приходило в упадок. Иное дело — левостороннее Лефортово, взбодренное «воинственной живостью» армейских частей, учениями на плацу, полковой музыкой, а главное — тут находился замечательный сад, ставший любимым местом московского досуга.

Его заложил Петр I и, поскольку любил потную работу, собственноручно посадил несколько деревьев. Все остальное он поручил доктору Бидлоу, возглавлявшему первое в Москве медицинское училище. И Бидлоу оправдал доверие Петра: он разбил сад, выкопал пруды, перекинул через них мостики, соорудил каскады. Сад в ту пору распространялся и на правую сторону Яузы. Труды

Бидлоу продолжил Растрелли. От всех его аллегорических гротов и беседок сохранилась подпорная стена с нишами для фонтанов.

Над садом трудились лучшие зодчие: Матвей Казаков, Бланк, Евлашев, стараясь превзойти один другого выдумкой. По немногим сохранившимся фрагментам и акварельным эскизам Казакова можно судить о чудесах этого сада с его водами, куртинами, цветниками. Но всех превзошел выдумкой Павел I, издавший приказ: «Остричь деревья в виде петухов и павлинов, и тож, и прочими геометрическими фигурами без малейшего упущения». Павел хотел привить русскому саду искусственную красоту фридриховского парка Сан-Суси.

Когда державное внимание оставило Лефортово, павлины и петухи, и все геометрические фигуры тож, размылись буйным цветением, сад обрел свой естественный, живой вид и стал местом московского гулянья. Вот рассказ москвича тридцатых годов прошлого столетия: «Не было ни одной части города, из которой не приехали или не пришли бы сюда подышать благорастворенным воздухом. В саду около 8 часов уже не гуляли, а передвигались, так было тесно, несмотря на необыкновенно широкую главную аллею.

Но как все меняется! Прежде, бывало, купцы и купчихи в своем национальном костюме плотно уставятся по обеим сторонам аллеи и, едва приподнимая глаза, смотрят неподвижно на проходящих господ; а ныне разгуливают с ними, одеты, как они; исключений мало!»

Сад продолжал демократизироваться. Уже не одно купечество почувствовало себя вольготно в его аллеях, но и мелкие чиновники, и мастеровые, и весь остальной пестрый московский люд.

Несет свою службу столице этот сад, переименованный в парк, и в наши дни. Да и все левобережное Лефортово, в отличие от захудавшей правой части, сохраняет притягательность и для москвичей, и для гостей столицы, в том числе зарубежных. Величественный дворец, обширный парк, мощное здание госпиталя, светлый храм Петра и Павла и другие его строения дышат значительностью истории, напоминают, сыном какой земли ты явился на свет.

Но покоя, как известно, нет. Покой нам только снится, да и то редко. Над Лефортовом нависла страшная угроза, и о ней надо сказать во весь голос. Рассказывая о Москве, я не собираюсь создавать идиллии. Конечно, моя главная цель привлечь внимание к городу, сохранившему столько прекрасного и ценного, несмотря на всю разрушительную работу поколений, укрепить чувство бережи к нему. И я был бы искренне рад, если б это можно было сделать в идиллическом роде, разводя нежные акварельные краски жидкими слезами энтузиазма. Но, к великому сожалению, в Москве немало болевых точек, и одной из самых тревожных с некоторых пор стало Лефортово. Его решили уничтожить. Нет, не просто снести, хотя на подступах к нему сметено много прекрасной старины: от Бакунинской наискось к Бауманской, а медленно прикончить.

Первый тревожный сигнал прозвучал в 1935 году. Надо делать обводную автомагистраль, чтобы разгрузить центр столицы. Тогда и автомобилей-то было кот наплакал, а уже возникло беспокойство за будущее транспортных артерий города. И удивительно, что в то крутое, решительное время, когда безжалостно сносили терема, палаты, храмы и колокольни, сметали бульвары и сады, рука не поднялась на Лефортово: трассу задумали вести в обход. После четвертьвековой канители и весьма серьезной дискуссии в 1961 году план строительства сорокакилометровой магистрали, идущей в обход Лефортова, был принят. Но через десяток лет его пересмотрели и с той безответственностью, которая надолго станет бичом, наказанием, ужасом Москвы, магистраль решили вести через историко-архитектурный ансамбль Лефортово, что означает неминуемый конец московскому Петергофу. В 1984 году Совет Министров РСФСР дал «добро» на зло. А что же Главное архитектурное управление? Вместо того, чтобы восстать против варварства, оно спокойно начало осуществлять план прокладки через центр Лефортова десяти-двенадцатирядной автомагистрали третьего транспортного кольца.

На защиту ценнейшего памятника Москвы поднялись не только жители Лефортова, но и все, кому дороги честь и достоинство столицы, кому важна историческая память нашего города.

Поверим, что трасса минует Лефортово, которое должно быть объявлено заповедной зоной. А до этого будем сохранять бдительность и все время помнить о Лефортове — нашем сокровище и нашей боли.

ОТВЕТЫ:

Ключ к шифру письма Татьяны к Онегину (поэма «Евгений Онегин»), где первые две цифры — номер строки, вторые — номер буквы в строке.

1. Письмо на стене: «Спасайте шахматы с кротом. Крестиков-Ноликов.
2. На бутылке — отпечатки больших пальцев двух людей, один из которых Булочкин. Следовательно, решил Колобок, другой принадлежит продавцу. Но последний, как выяснилось, работал в перчатках.
3. 7 стаканов. Колобок делит количество бутылок пополам. Из каждой бутылки, взятой из первой половины, сливает по чуть-чуть в один стакан. Обнаружив в смеси признаки «Ессентуков № 17», делит эту половину еще раз пополам и исследует 32 бутылки уже известным нам способом. Соответственно каждый раз он изучает ту половину бутылок, в которой обнаруживаются следы «Ессентуков».
4. Кроссворд «Лимон»: Лимон — монтер — терка — каска — скала — лазер — зерно — номер — мерин — инки — кивер — верстак — стакан — канал — налим.

САМАЯ ГЛАВНАЯ ПОБЕДА

Гость нашего «Пионер»ского спортзала» — заслуженный мастер спорта Николай Андрианов. Именно ему пришло наибольшее количество приглашений от читателей. Семь раз — больше любого из гимнастов! — побеждал он на Олимпийских играх: в Мюнхене, в Монреале и в Москве. А ведь до той поры, пока на гимнастический помост не вышел белобрысый паренек из древнего русского города Владимира, на нем безраздельно царили спортсмены Японии. Считалось, что выиграть у них невозможно.

Спортивные заслуги Николая Ефимовича Андрианова отмечены орденом Ленина.

А свою первую серьезную победу будущий семикратный олимпийский чемпион одержал задолго до того, как о нем услышал спортивный мир. Николай Андрианов рассказывает:

— Мы жили без отца. Мама растила меня и четырех сестренок. Работала порой без выходных, чтобы хоть как-то нас обуть-одеть, и потому не поспевала присмотреть за всеми. Вот так и вышло, что к десяти годам я совсем от рук отбился. Курить выучился раньше, чем читать. С утра до вечера слонялся по окрестным улицам. Мне даже кличку дали подходящую — Гаврош.

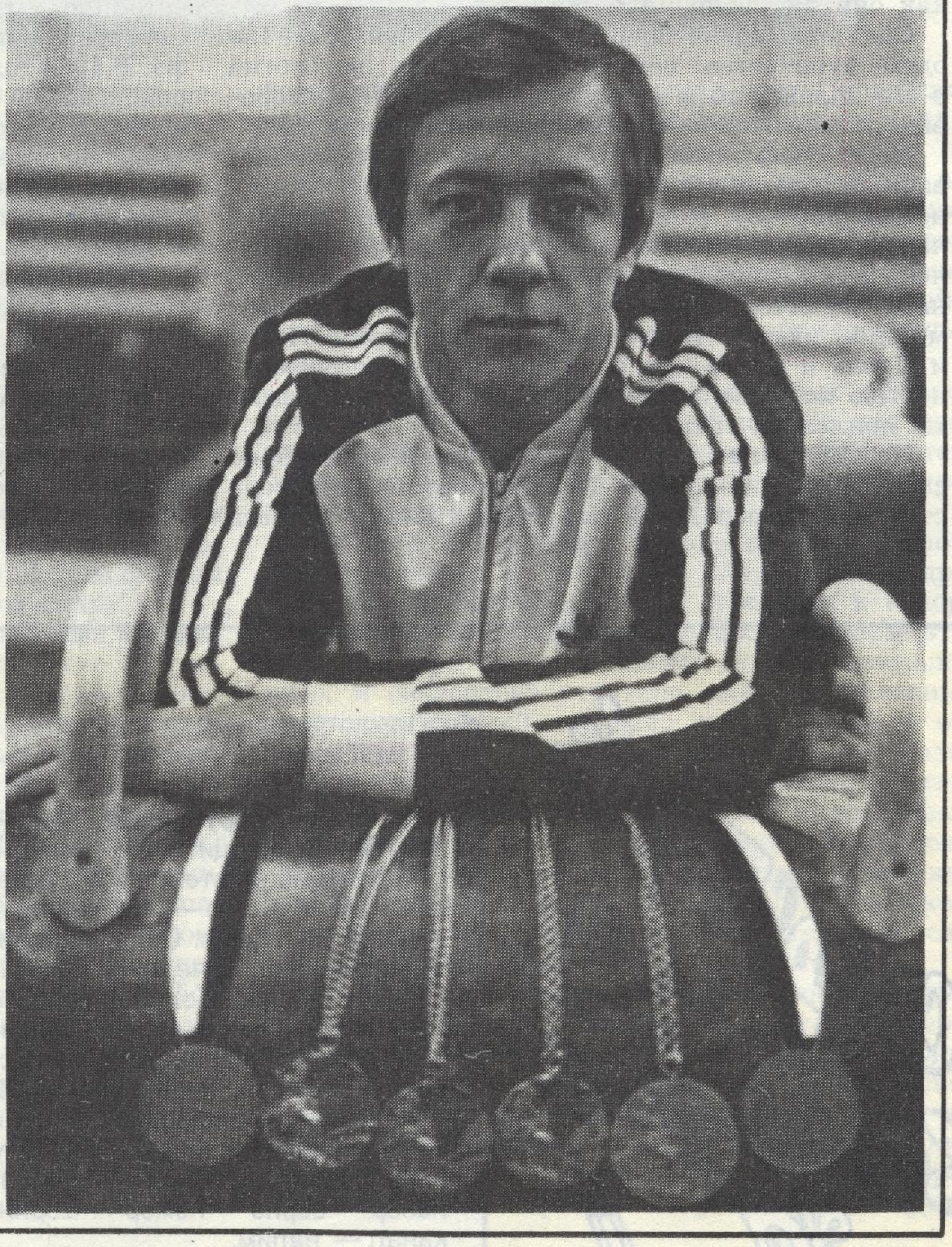
Был у меня в то время закадычный приятель — Женя Скурлов. Мы друг без дружки не могли прожить и часу. И вдруг Женька запропал. День во дворе не появляется, другой...

Через неделю Женька объявился. А я его в упор не замечаю. Тогда он, ничего не говоря, скинул пальтишко и сделал на нем стойку на голове. Потом еще разок, затем прошелся на руках и завершил спектакль кувырками. Встал на ноги, сплюнул сквозь зубы и небрежно бросил:

— Да это что — так, детские забавы. Вот скоро мы с тренером освоим сальто — тогда увидишь, что такое настоящая гимнастика...

Ясно, что на следующий день в гимнастический зал мы пришли вместе. Тренер сразу заприметил в зале новенького, подошел, спросил, как звать. Я солидно и как можно басовитее представился:

— Андрианов.



Фотография А. БОЧИНИНА.

Потом подумал и добавил:

— Николай Ефимович.

— Рад познакомиться, Николай Ефимович Андрианов,— улыбнулся тренер.— А я — Толкачев Николай Григорьевич.— Вы, чувствуется, человек серьезный, положительный, а я таких очень уважаю.

И вдруг прямо-таки огорошил:

— Вот только больно ты, Коля, с виду щупловат. Ну-ка, сколько раз подтянешься на перекладине? Если мало — не оставлю.

У меня аж в глазах потемнело от обиды: неужто в самом деле похожу на слабака? Одним махом взлетел на перекладину и подтянулся семнадцать раз подряд. Тренер одобрительно кивнул. А я, спрыгнув с турника, потер занемевшие от напряжения ладони и с вызовом взглянул на него: знай, мол, наших!

Но... буквально через несколько занятий из гимнастического зала сбежал. Дело в том, что Николай Григорьевич велел принести из школы дневники, предупредив: «Того, кто получил за четверть двойки, к занятиям не допущу». А у меня их целых четыре было. Ну и решил: зачем краснеть на людях, если и так заранее все ясно?

Вернулся к старым дружкам. Но вот однажды, возвращаясь поздно вечером домой, завидел в нашем переулке Толкачева. Хотел было обойти его сторонкой — неловко все-таки, что из секции удрал. Но тренер еще издали махнул рукой, приветливо поздоровался, осведомился, как самочувствие, и вдруг спросил:

— А почему у тебя в табеле всего четыре двойки? Надо, чтоб все были или ни одной. Мужчину, Коля, уважают за последовательность. А у тебя получается ни то ни се... Выходит, ты человек не без задатков, но, к сожалению, слабохарактерный. А еще метишь в «короли» своей улицы... А я-то думал: будешь чемпионом!

И ведь ничего не возразишь: и в самом деле я кругом виноват, со всех сторон себя оконфузил. А Николай Григорьевич — после этаких убийственных высказываний! — обнял меня за плечи и сказал:

— Ладно, бросай дурить и приходи-ка завтра в зал. Как всегда к семи ноль-ноль. Попробуем начать сначала.

Наутро я примчался в спортшколу на целый час раньше, чем условились... А много позже тренер рассказал: когда я пропал, он некоторое время дожидался, надеялся, что образумлюсь, объявлюсь. Потом наведался к нам домой, а после — в школу. И строгая директриса напустилась на него: как вы, приличный с виду человек, могли так запустить собственного сына?!

Летом мы тренировались и учились. Все «двоечники» остались в секции. Тренер поставил в коридоре, на полдороге к гимнастическому залу, стол, каждое утро усаживался за него и проверял наши тетрадки. Словом, устроил настоящий КПП. Не выполнишь задание по арифметике или по русскому языку — не прорвешься на гимнастику. А если пропустишь тренировку — значит, отстанешь от лидеров.

Но кто же согласен отставать?! Немудрено, что мы корпели над учебниками с таким же прилежанием, как на гимнастических снарядах. И хотя в школе постоянно говорили, что Андрианов неспособный, я уже к Новому году подтянул все «хвосты».

Но «уроки» улицы въелись крепко. Я по-прежнему любил задираться. Однажды чувствительно и, в общем, ни за что поколотил соседского мальчишку. Его родители нажаловались Толкачеву: вы, мол, этим хулиганам мускулы накачиваете, а потом они никому прохода не дают. Тренер поставил меня перед строем. Я приготовился оправдываться. Но вдруг неожиданно услышал:

— Ты, Коля, каким видом спорта занимаешься?

— Гимнастикой,— растерянно ответил я, пытаясь угадать, куда он клонит.

— Вот именно, Николай, гимнастикой! Пройдет время — и тобою на помосте будут любоваться люди. А во дворе им что же — отворачиваться от тебя? Да ты не только самого себя — всю гимнастику осрамишь таким двуличием! Еще раз услышу о тебе такое — можешь считать, что мы больше не знакомы!

Я поразмыслил и решил, что без этого знакомства мне уже не обойтись. Выбор был сделан.

Свой первый старт я принял тем же летом на детском первенстве города Владимира. Выиграл на одном снаряде, на другом, на третьем и... зазнался. Решил: главный приз уже в кармане! Так разважничался, так собой залюбовался, что позабыл начало вольных упражнений. Вышел на ковер и стою столбом, стараясь вспомнить комбинацию. Судьи немножко подождали, а затем выставили позорную «баранку». От огорчения, обиды и стыда я разревелся прямо в зале и, даже не переодевшись, убежал домой.

Вечером пришел Николай Григорьевич. И объяснил: проигрывать не стыдно, это может случиться с каждым. Стыдно «киснуть» после каждой неудачи.

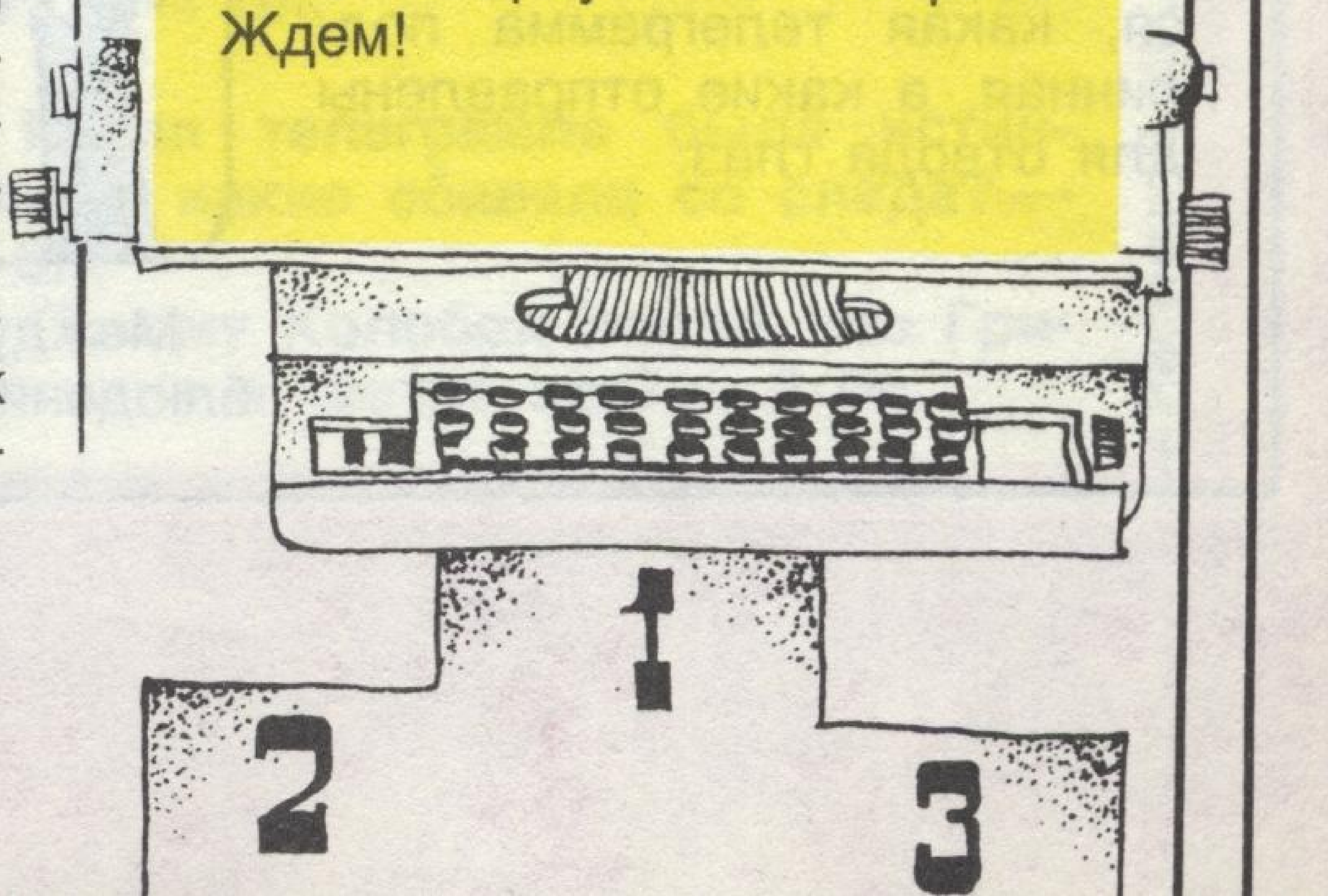
Свой первый гимнастический сезон я завершил спортсменом первого юношеского разряда.

Потом в моей жизни было много стартов. И немало громких побед. О каждой из них, наверно, нашлось бы что рассказать. Но я вспомнил о самых первых шагах, рассказал о своем далеко не розовом детстве, об ошибках и вовсе не геройских делах потому, что убежден: главная победа — это победа над самим собой, своими слабостями, ленью, недостатками. И чем раньше будет она одержана — тем прямее будет ваша дорога к цели.

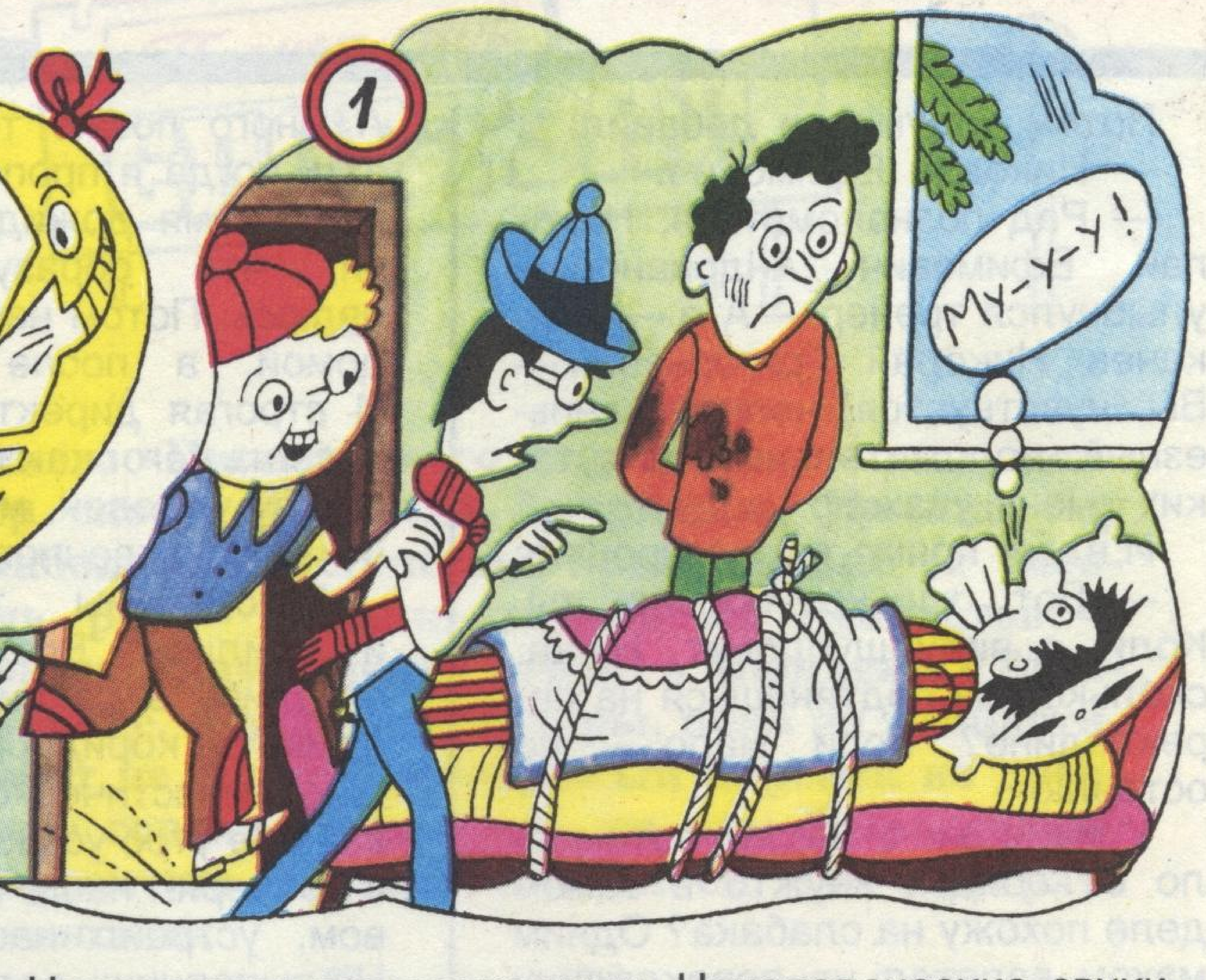
Записал С. ШАЧИН.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Мы благодарим всех, кто написал нам о своих любимых спортсменах. Названо множество имен. Среди них выдающиеся хоккеисты, борцы, штангисты, легкоатлеты, футболисты, мастера фигурного катания... Многие из них станут гостями «Пионер»ского спортзала», ответят на ваши вопросы. Но не надо огорчаться, если объект ваших спортивных симпатий возьмет слово не самым первым: двери нашего «спортзала» гостеприимно открыты, места в нем достаточно, а приглашение приняли все, кого вы назвали в своих письмах. Дело теперь за вами: гости «Пионер»ского спортзала» отвечают только на интересные, неожиданные, остроумные вопросы. Ждем!

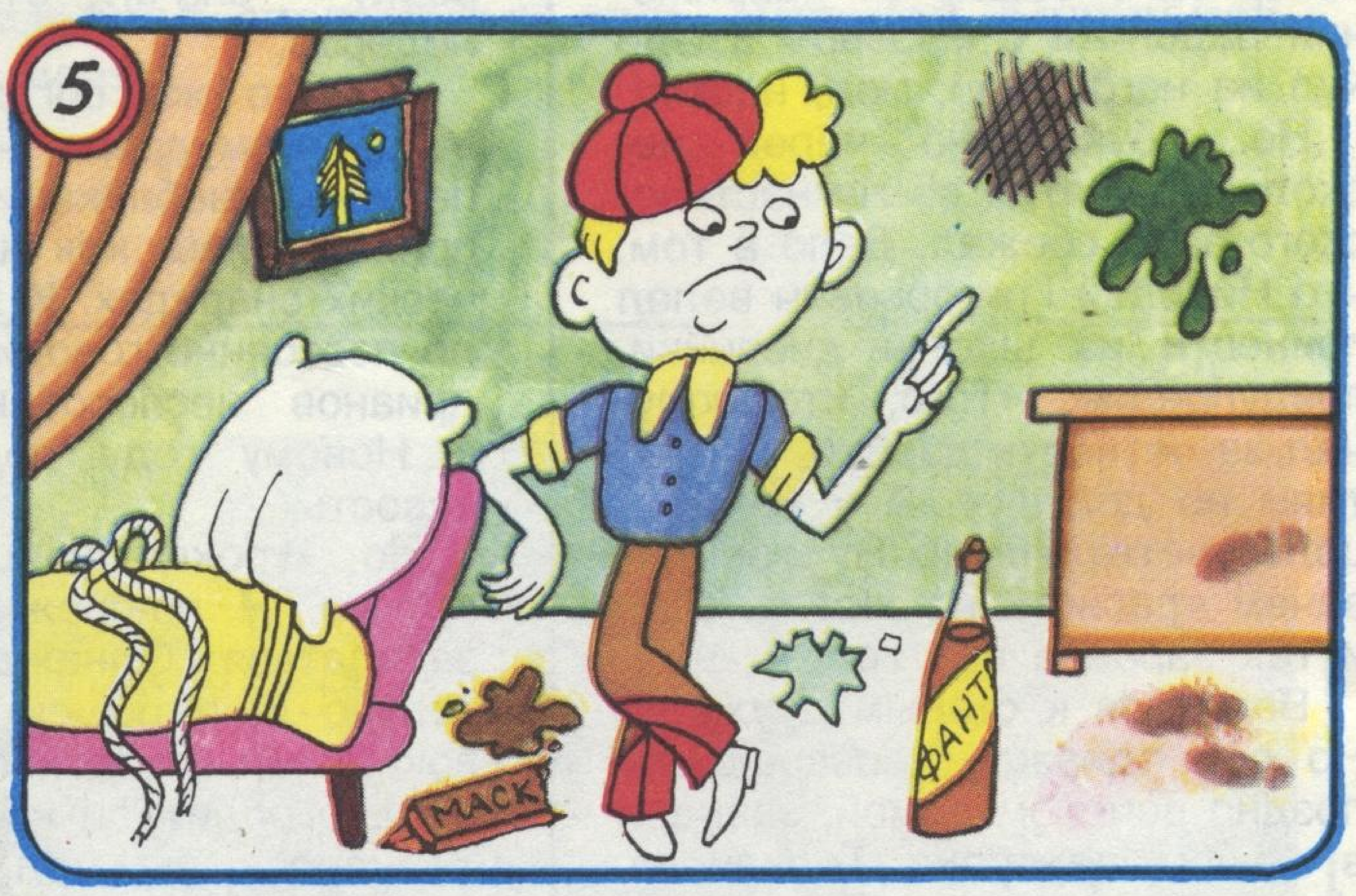


Следствие ведет Колобок

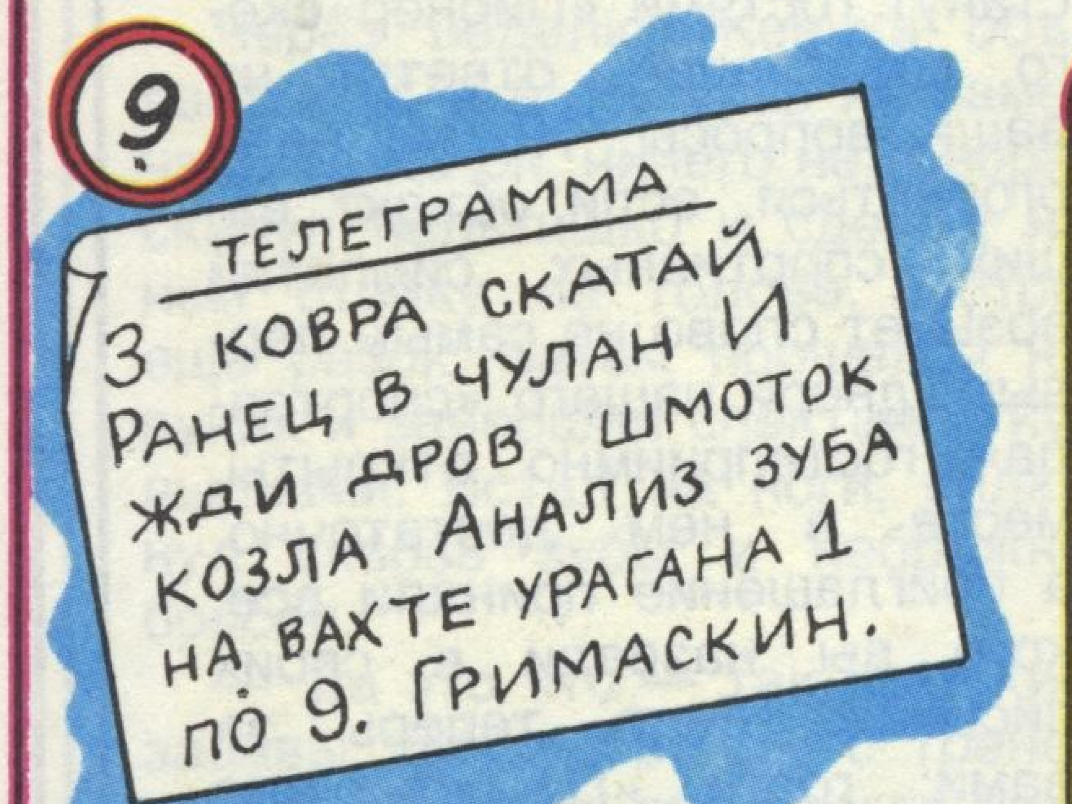


Неожиданно все вздрогнули. Нечеловеческие звуки, донесшиеся из-за стены, заставили всех броситься в комнату соседа.

Гримаскин спохватился, что опаздывает на вечерний спектакль. А Колобок принялся звонить в аэропорт, но тут перед его глазами всплыла картина их появления в жилище Гримаскина и...



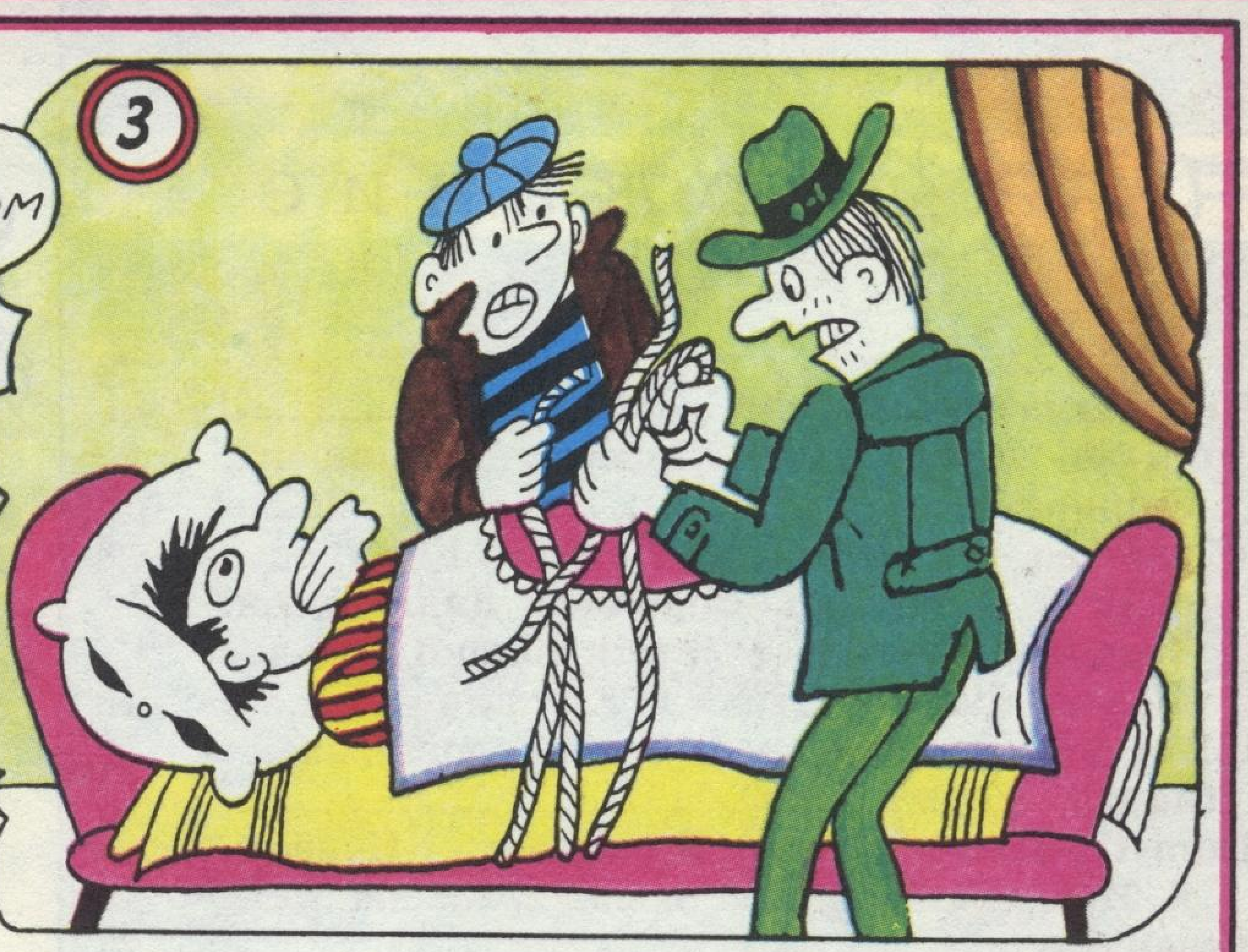
Осматривая вновь с особой тщательностью комнату профессора Пуговицына, Колобок неожиданно понял, что его противник — один из самых опасных и знаменитых преступников Европы...



и, конечно, сразу догадался, какая телеграмма подлинная, а какие отправлены для отвода глаз.

Между тем Булочкин продолжал наблюдение.

Сыщики внимательно слушали соседа — Гримаскина.



«...Так что больше ничего интересного сообщить вам не могу. Впрочем, постойте. Один из них велел другому поторопиться, потому что у них через два часа вылет... Не то в Архангельск, не то в Актюбинск».

Тем временем Булочкин, следуя инструкции, не спускал с Гримаскина глаз.

Колобок, как и обещал, телеграммами занялся лично

1. Каким образом Колобок догадался, что рассказ Гримаскина — дезинформация? — 3 бл.
2. Имя преступника, с которым вступил в схватку Колобок? — 2 бл.
3. Что прочел Колобок в телеграмме? — 4 бл.

Какая телеграмма была истинной, а какие сбивали со следа? — 3 бл.
4. Почему Колобок понял, что Гримаскина в театре нет? — 2 бл.

Рисунки В. ШКАРБАНА.

Содержание

Третий глаз Иллариона .... II обл.
Друг по переписке.— Повесть Б. Минаева. Окончание 1
«Единство, творчество, красота».— Конкурс ... 9
Письмо в редакцию. Верблюд. Дядя Женя. Зеркала. Слетело с ветки яблоко... Больше, чем было.— Стихи Г. Кружкова 10
132 ступеньки вверх.— А. Безбородова 12
Саманта 15
Таня Смелая и Алеша Пряников.— Повесть А. Иванова 16
Узнавайка 27
Юнкоровская газета «Вперед» 28
Ночное купание.— Рассказ Л. Кузьмина 30
Узел связи 35
Танец-представление.— А. Ефименко 36
«Кораблик» 38
Под бумажными флагами 40
Игры с Чипом — Ведут профессор А. Мигдал и М. Агиштейн 44
«Сатирикончик» 46
Праздники юннатов.— А. Рогожкин 48
Музыкальное лото 49
Писатели нашего детства
Виктор Драгунский.— Л. Разгон 52
Московский Петергоф.— Ю. Нагибин 54
Пионерский спортзал
Самая главная победа.— Н. Андрианов 60
Следствие ведет Колобок 62
Домовенок и компания 64
Старый двор.— Песня. Слова и музыка Г. Гладкова .... IV обл.

На обложке:
Рисунок Ю. Карповой.

●

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. В. КОЖЕМЯКИН** (редактор отдела литературы и искусства), **В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **Л. Н. ТИМОФЕЕВА, Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Художник И. Г. ПАНКОВ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1988.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.05.88.
Подписано к печати 19.05.88. А 10358. Формат 60×84⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 630 000 экз. Заказ № 2428.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Домовёнок и компания

Ведет А. ЧЕРНЯХОВСКАЯ.

-Караул! Беда! — бегал по песку Колобок.— Держись, Матроскин!

Матроскин старался сохранять спокойствие в нескольких метрах от берега речки, куда свалился с большого камня... Но это ему, несмотря на полосатую моряцкую тельняшку, не очень-то удавалось. Раньше он говорил, что плавать не любит, а теперь выяснилось — не умеет.

На помощь бежали Винни-Пух, папа Карло и Домовенок. Папа Карло протянул товарищу длинную палку — но чуть-чуть не доставал до нее Матроскин. Домовенок поддерживал морально. Зато Винни плюхнулся в воду и — шлеп-шлеп — оказался рядом с другом. Несколько мгновений — и «мокрая кошка» была на берегу.

Домовенок нравоучительно заметил:

— Древние греки говорили: тот глуп, кто не умеет ни писать, ни плавать.

— А ты?! — задохнулся от возмущения Матроскин.— Да ты небось и кто такие древние греки не знаешь! А уж плавать не умеешь точно — один Винни мне на помощь кинулся.

Домовенок с достоинством ответил:

— Кто такие греки, знаю. А плавать только учусь — осваиваю теорию нашего дальнего родственника — Водяного. Уже кое-что получается. Только вот я все время обгораю на солнце, и глаза болят. Белоснежка, может быть, у тебя какой-нибудь крем есть?

— Крема-то у меня нет,— сказала Белоснежка,— но можно и без него обойтись

так.▶

ГЕРКУЛЕСОМ — ПО ЛИЦУ

Солнце может быть не только ласковым, но и злым. И тогда на коже у любителей загара появляются красные воспаленные места, которые болят, зудят и могут вызвать даже повышение температуры.

Обожженные места хорошо смазать кефиром или сметаной. Зуд станет намного меньше.

Целебно действуют заваренные крутым кипятком овсяные хлопья, растертые потом толкушкой. Когда вода остынет, надо ее слить, а овсяную массу наложить на воспаленные места. Затем смыть холодной водой и смазать жирным увлажняющим кремом. Эту процедуру можно делать несколько раз в день.

Иногда от долгого пребывания на пляже или от сильного утомления, долгого плача краснеют и опухают веки. Надо сшить из марли маленькие мешочки. Заполнить их семенами укропа и опустить в горячую воду — так, разумеется, чтобы содержимое не вывалилось. Через несколько минут мешочки вынуть, тыльной стороной кисти проверить, не слишком ли они горячие, и положить на закрытые глаза. Полежите в затемненной комнате минут 15 и почувствуете, что вам легче. Пар, выделяемый укропом, действует успокаивающе и целебно.

Если веки больше опухли, чем покраснели, в мешочки положите натертый сырой картофель. Также подержите на закрытых глазах в течение 10—15 минут перед сном.

Трудно сказать, кому солнце доставляет больше лишних хлопот — блондинкам или брюнеткам. Но совершенно точно, что у некоторых блондинок сильно выгорают ресницы. И это их огорчает. Если вы хотите, чтобы они снова потемнели и укрепились, надо проделать следующее. Каждый вечер на щеточку для ресниц капнуть несколько капель касторового масла и потом смазать брови и ресницы. Брови надо смазывать от носа к вискам и верхние ресницы при закрытом глазе — сверху вниз, при открытом — снизу вверх.

И — последний совет. Не на всех пляжах есть кабинки, и многих смущает процесс переодевания. Избежать этого можно очень просто — надо сшить юбку-балахон.

Длина этого изделия равняется вашему росту от шеи до пяток. Ширина — как можно больше, ведь от нее зависит, будет ли вам комфортно переодеваться в этом балахоне. Кроится по принципу юбки солнце-клеш. Главное, здесь не требуется какой-то особенный материал. Можно даже вначале сшить несколько полотнищ в одно, использовав остатки от старых платьев и юбок. А потом собрать на резинку длиной чуть больше объема шеи. Низ лучше подшить, чтобы было аккуратнее. Натянув такой балахон, смело переодевайтесь под ним.

Происшествие на реке взбудоражило всех обитателей домика. Винни чувствовал себя героем дня и требовал повесить ему на грудь медаль за спасение утопающих.

— Нет у нас медали,— оправдывался Домовенок, хотя и понимал, что Винни больше шутит, чем говорит серьезно.

Выход нашел папа Карло. Он смущенно пробормотал:

— Вот, хотел Белоснежку порадовать — она цветы любит... Но эта штука вообще-то всем нужна. Держи, Винни,— и протянул ему маленький прозрачный мешочек.

— Что это такое? И с чем это едят? — недоуменно повертел Винни-Пух мешочек.

— Это саше́ — специальный пакетик с ароматным содержимым. Его обычно кладут на полки с бельем, подвешивают в ванной комнате. Очень приятно взять в руки и тем более поднести к носу носовой платок, если рядом с ним лежало саше́. Свежее постельное белье пахнет не только крахмалом и чистотой, но и тонким цветочным запахом, если простыни и наволочки переложить такими пакетиками.

— А так же сделать саше́? — заинтересовалась Белоснежка.— Я бы для всех сделала.

— Середина лета — самое хорошее время для изготовления саше́,— ответил папа Карло.

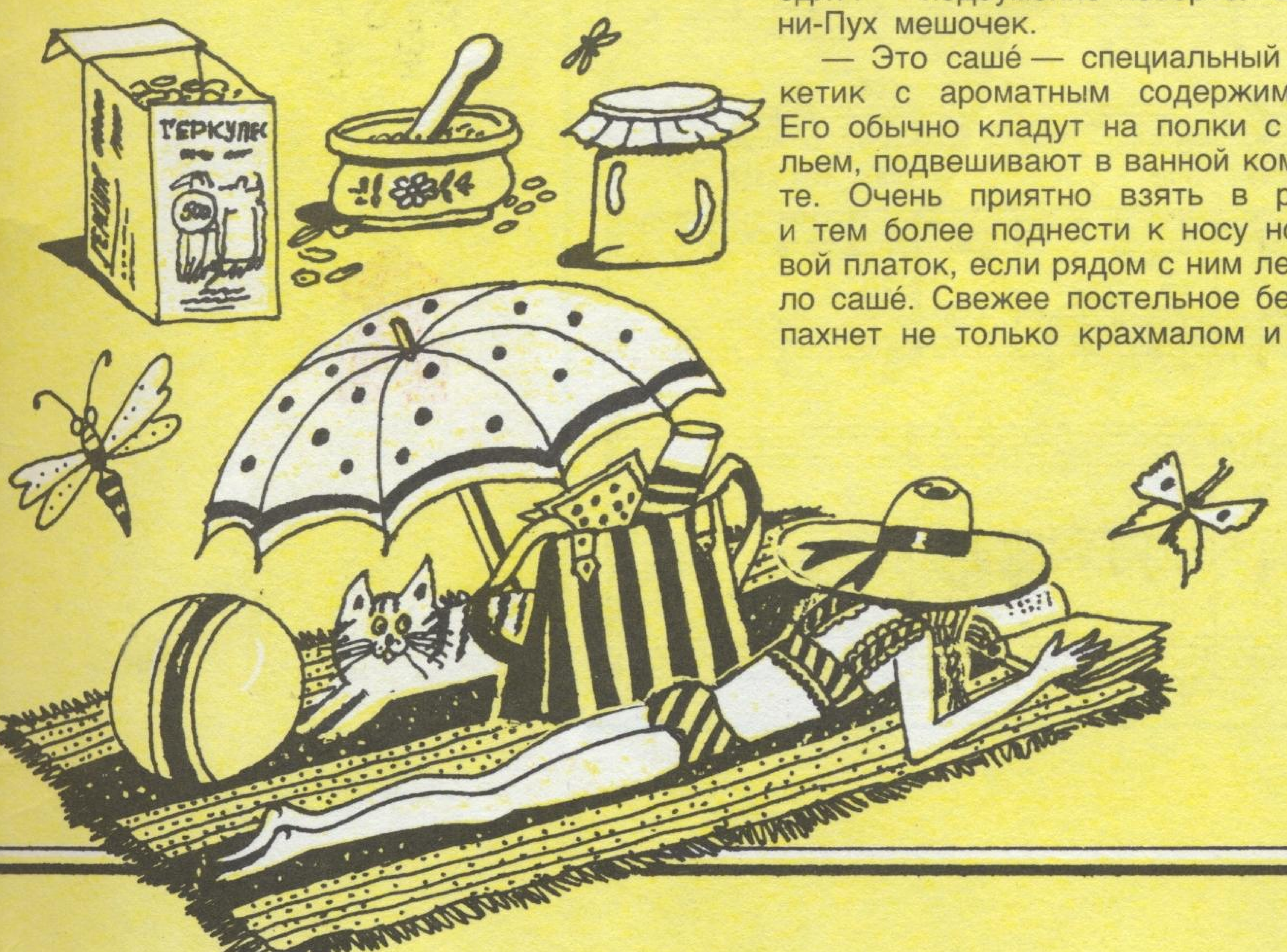
ЗАПАХ САШЕ

Вначале соберите лепестки роз, цветов шиповника или других цветов, обладающих приятным ароматом. Лепестки положите в коробку из-под обуви, плотно закройте крышкой и поставьте на десять дней в темное сухое место. Учтите, что сухие цветы занимают мало места, и поэтому для нескольких мешочков или одного большого вам потребуется много лепестков.

Пока цветы сушатся, есть время сшить мешочек. Возьмите любую неплотную ткань, лучше всего прозрачную. Размеры могут быть произвольными, но не очень увлекайтесь. Естественно, что высота мешочка больше его ширины. Сложите лоскутки и начинайте сшивать с верхнего угла машинным швом. Старайтесь делать это аккуратно и равномерно. Стежки должны быть маленькими. Когда игла подойдет ко дну мешочка, оставьте несколько сантиметров ткани на бахрому, и шейте дальше. Хорошенько закрепите последние стежки в другом верхнем углу. Ножницами сделайте бахрому внизу мешочка.

Высушенные цветы сбрызните несколькими каплями одеколона или духов и положите в готовый мешочек. До самого верха пакетик не заполняйте.

Последнее действие: перевязать мешочек красивой ленточкой и сделать бантик. Саше́ готово.



Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

СТАРЫЙ ДВОР

Стихи и музыка Григория ГЛАДКОВА

Сто́лько лет прошло, но до сих пор
Снится мне забытый старый двор,
Двухэтажный довоенный дом,
Старые качели под окном.

Здесь промчались детские года,
Не вернуть их больше никогда.
Мы с тобой на данном рубеже
Безвозвратно взрослые уже.

ПРИПЕВ:
Старый дом, старый дом,
Вижу до сих пор тебя во сне.
Старый двор, детства двор,
Вспоминаешь ли ты обо мне?

Здесь в войну играли и в хоккей,
Здесь гоняли с крыши голубей,
И, как будто жизнь на волоске,
Город возводили на песке.

Падая и громко хохоча
И порой уроков не уча,
Без волнений лишних и забот
Мчались в неизвестное «Вперед!».

ПРИПЕВ.

Я сюда вернусь, еще вернусь,
По знакомой улице пройдусь,
Старым тополям махну рукой,
К дому своему прижмусь щекой.

И заплачет первая струна,
Запоет родная сторона,
Сторона-сторонушка моя,
Школьные далекие друзья...

ПРИПЕВ.

Хочешь получить фотографии восьми советских рок-групп? Тогда участвуй в ХИТ-ПАРАДЕ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР», который состоится **в № 9.**

Сообщи друзьям — любителям музыки, что и они смогут получить эти фотографии в журнале, если ПОДПИШУТСЯ НА «ПИОНЕР» НА ЧЕТЫРЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ МЕСЯЦА ГОДА.

Цена 30 коп. Индекс 70694.